

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

техники
забота
что
Фуко
репрезентации
как себя
ТЕЛО
дискурсы
возраст
ПОЛИТИКИ
СЕМЬЯ

INTER, 9'2015

Институт социологии Российской академии наук
Российское общество социологов
Международная социологическая ассоциация
Комитет «Биографии и общество»

9' 2015

© 2015 Журнал «ИНТЕРАкция.
ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»

Соредакторы номера:

Александрина Ваньке (Москва, Россия)
Лена Иновлоки (Франкфурт-на-Майне, Германия)
Елена Рождественская (Москва, Россия)
Виктория Семенова (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Розвита Брекнер (Австрия)
Том Венграф (Великобритания)
Леокадия Дробижева (Россия)
Кэти Дэвис (Нидерланды)
Кшиштоф Косела (Польша)
Анна Роткирх (Финляндия)
Владимир Ядов (Россия)
Елена Ярская-Смирнова (Россия)

Журнал рецензируемый.
Индексируется РИНЦ.

Номер подготовлен при финансовой поддержке
Российского научного фонда. Грант № 14-28-00217.

Адрес редакции:

117259, Москва
Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 128-86-18
Факс: (495) 719-07-40
e-mail: rusica@isras.ru

Содержание

Письмо редакторов	5
--------------------------------	----------

Теоретические дискурсы и дискуссии

<i>Наталья Савельева</i> Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко	7
---	----------

<i>Ekaterina Kovaleva, Marina Spirina</i> Representation of the female body in modern yoga: theoretical and methodological approach	16
---	-----------

<i>Ольга Савинская</i> «Образовательное пространство детского сада»: концептуализация понятия и методика конструирования его измерений	30
--	-----------

Полевые исследования

<i>Алиса Толстокорова</i> Энигма, враг или амиго?: роль аттитюдного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов	43
--	-----------

<i>Anastasia Poylova</i> The role of the entrepreneur's family in choosing a career path.....	59
--	-----------

<i>Елена Онегина, Полина Остроухова</i> «Обретение красоты» в женских нарративах	70
---	-----------

Визуальная социология

<i>Анна Санина</i> Визуальная политическая ирония в Рунете: кейс сообщества «Potsreotizm»	79
---	-----------

Обзоры конференций

<i>Александрина Ваньке</i> Новая повестка дня в исследованиях телесности. Международный симпозиум «Дискурсы тела/политики тела и действие». Вена, Венский университет, 5–7 февраля 2015 г.	96
--	-----------

Виктория Семенова

Международная конференция «Biographies of Belonging». Амстердам, Амстердамский свободный университет, 10–11 марта 2015 г. **100**

Ирина Тартаковская

Международная конференция «Политическое — это личное: режимы гендера, здоровья и заботы». Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 16–17 апреля 2015 г. **102**

Авторы номера **105**

Abstracts and key words **107**

Письмо редакторов

В новом выпуске журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация» мы решили сместить акцент с единой тематической направленности и перейти к разнообразию тем и подходов, которые представлены в статьях авторов настоящего номера. Однако объединяющей рамкой по-прежнему осталась наша приверженность качественной методологии в теоретических и эмпирических проектах. Несмотря на тематическое разнообразие, сборный номер включил статьи исследователей, которые так или иначе поднимают вопросы, связанные с такими динамично развивающимися направлениями, как социология тела, гендера, семьи и детства.

Тело/телесность находятся сегодня в фокусе переоткрытия и освоения социологией. Для перспектив качественной социологии, имеющей в своем арсенале широкий спектр методологических и методических возможностей от нарративного фокуса на проговаривании телесных опытов и ощущений до визуального фокуса на фиксации тела в пространстве, эта телесная перспектива является благодатным полем исследований. И в аспекте социализации/взросления/освоения гендерных ролей тело является проводником освоения жизненных пространств.

Взрослея, мы получаем вроде бы больше телесной автономии, научаясь (или так и не научаясь) владеть своим телом, доверяя его лишь экспертам (или не только им, объективируясь под мужским взглядом а ля Малви), приобретая возможности управления и понимания его сигналов (или так и не научаясь их распознавать и делегируя эту задачу значимым другим) и т.д. Тело, мало сказать, — амбивалентно — в системе социологических координат. Но наградой социальным исследователям тела и телесности служит его большой потенциал смыслообразования. Тело можно рассматривать как воплощение идентичности, его актуального «Я», пространство диалога или даже спора ввиду возможных зазоров между наличной телесностью и актуальной идентичностью.

Так, Наталья Савельева в своей статье рассматривает понятие «техник себя», предложенное Мишелем Фуко, и применяет его при изучении процесса субъективации через телесные и ментальные схемы индивидов. Екатерина Ковалева и Марина Спирина разрабатывают интегративный подход к исследованию визуальных репрезентаций женского тела, в то время как Елена Онегина и Полина Остроухова сосредотачивают свое внимание на восприятии внешнего вида и телесности женщинами в возрасте 30–35 лет, когда появляются первые признаки старения.

Новой повестке дня в исследованиях телесности посвящен обзор Александрины Ваньке, проливающий свет на тенденции и проблемные моменты в области Body Studies. Подготовленный Ириной Тартаковской обзор международной конференции «Политическое — это личное: режимы гендера, здоровья и заботы» также обращает нас к вопросам телесности, сексуальности, здоровья и заботы через призму гендерных отношений.

Алиса Толстокорова в своей статье выявляет влияние гендерных и аттитудных факторов на опыт трудовых мигрантов из Украины, уезжающих на заработки в страны Центральной и Восточной Европы, и рассматривает их отношения с принимающим населением. Статья Ольги Савинской нацелена на концептуализацию понятия «образовательное пространство детского сада» и развитие методологических аспектов его изучения. Статья Анастасии Пойловой посвящена исследованию роли семьи предпринимателей в построении их профессиональных траекторий.

Традиционная для нашего журнала рубрика визуальной социологии в номере представлена статьей Анны Саниной, в которой выявляются формы визуальной политической иронии в социальных сетях и блогах на примере русскоязычного сообщества «Potsreotizm».

*Александрина Ваньке,
Елена Рождественская,
Виктория Семенова*

Теоретические дискурсы и дискуссии

Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко

Наталья Савельева*

В данной статье показывается, каким образом с помощью теории М. Фуко можно проблематизировать дискурс и практики самораскрытия и самореализации, становящиеся все более популярными. На примере текстов и выступлений М. Фуко разных периодов анализируется различие двух «техник себя»: субъективации и «заботы о себе». «Техники себя», в отличие от техник господства, связаны с действиями, которые индивид сам совершает над собой, — своим телом, мыслями и поступками — для того, чтобы изменить себя. Разница между субъективацией и «заботой о себе» состоит в следующем. Во-первых, техники субъективации направлены на дешифровку внутреннего мира и мыслей индивида, а объектом «заботы о себе» является его поведение. Во-вторых, практики субъективации предполагают, что источник истины об индивиде, которую он открывает в себе самом через самоанализ, располагается вне его, а «забота о себе», — что индивид приходит к истине, которая не задана изначально, а техники и практики, с помощью которых это происходит, имеют для него самостоятельную ценность. Наконец, «забота о себе» не требует самоотречения. Поэтому Фуко рассматривает практики субъективации как ведущие к дальнейшему порабощению индивида, а «практики себя» — как возможность освобождения.

Ключевые слова: Мишель Фуко, субъективация, техники себя, практики, забота о себе

Введение

В последние десятилетия дискурс самораскрытия становится все более влиятельным: популярная литература учит тому, как познать себя и стать счастливым, учебники по менеджменту — что главным стимулом для работников является самореализация; себя нужно знать для того, чтобы правильно выбрать профессию — и реализовать свой потенциал, — правильно жить и правильно отдыхать, чтобы освободиться от общества со всеми его предрассудками и выбрать «свой путь» и чтобы, напротив, успешно жить по его правилам. Как показывают многие авторы, призыв к самореализации, в основе которого и лежит идея «познания себя» (ведь невозможно реализовать то, чего не знаешь или не осознаешь), является одним из краеугольных камней современного капитализма

* Савельева Наталья, аспирант ИС РАН, Лаборатория публичной социологии ЦНСИ (Санкт-Петербург). natasha-saveleva@yandex.ru.

(см., напр.: Болтански, Кьяпелло, 2011; Горц, 2007; Корсани, 2007). Кажется, что нет ничего более естественного, чем задать вопрос самому себе о себе самом и получить на него ответ. Однако что мы узнаем, когда пытаемся познать «себя»? Как мы задаем вопросы? Какое «себя» мы получаем, отвечая на них? В данной статье мы попытаемся показать, как к проблеме «само» — самопознания, самореализации, самомотивации и т. д. — можно подойти с помощью теории «техник себя» М. Фуко.

В своих поздних работах М. Фуко (см., напр.: Фуко, 2008), говоря о проекте генеалогии современного субъекта, разделял техники господства, связанные в первую очередь с осуществлением дисциплинарной власти и в полной мере описанные в «Надзирать и наказывать» (Фуко, 1999), и «техники себя», изучению которых в конце своей жизни он уделяет все больше и больше внимания (см., напр.: Фуко, 2007). Техники господства связаны с действиями, осуществляемыми *над индивидом*: муштрой, дисциплиной, гимнастикой, распределением тел в пространстве. Техники себя, напротив, связаны с действиями, которые индивиды совершают *над собой*: «над своими телами, над своими душами, над своими мыслями, над своими поступками с целью трансформации себя, преобразования себя и достижения состояния совершенства, счастья, чистоты, сверхъестественной силы и т. д.» (Фуко, 2008). «Техникам себя», их особенностям и различиям посвящена данная статья.

Субъект, субъективация, субъективность

1960-е годы во Франции были ознаменованы кризисом философии субъекта и переосмыслением представлений о непрерывности и целостности человеческой личности, лежавших в основе картезианской традиции. Когда в философии этого периода возникает метафора «смерти субъекта», речь идет именно о субъекте в его классическом понимании. Манифестацией этого принципа стала ключевая фраза «Слов и вещей» М. Фуко, вызвавшая в свое время шквал критики и негодования: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, — это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек. Если эти диспозиции исчезнут так же, как они некогда появились, если какое-нибудь событие... разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда — можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» (Фуко, 1994, с. 413). Однако, как отмечает Р. А. Дикон, применительно к работам Фуко решительно говорить о кончине Человека глубоко неверно и правильнее было бы поставить вопрос исторически и рассмотреть саморефлективного современного субъекта «как последнего в ряду исторических созданий, возникших в результате уникального постоянно мутирующего и древнего стремления к истине» (Дикон, 2008, с. 38). Сам Фуко следующим образом описывает свою исследовательскую программу: «Я попробовал выйти за рамки философии субъекта посредством генеалогии этого субъекта, изучая историческое конституирование субъекта, которое привело к появлению современного концепта Я» (Фуко, 2008, с. 70).

Согласно Фуко, субъект, или субъективность, является результатом процесса субъективации: «Субъективацией я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря — субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания» (Фуко, 2006, с. 284). То есть то, каким образом осознает себя человек, — тот факт, что он осознает себя в качестве индивида, наделенного самостью, и то, каким образом он осознает эту самость, атрибутирует себе некоторые характеристики, — не является некоторой априорной данностью. Сама возможность этого осознания и его характер вписаны в определенный исторически заданный набор дискурсов и практик, ограничивающий спектр значений и смыслов, которые индивид может использовать для того, чтобы ответить на

вопрос «кто я?», и предписывающий определенные действия, с помощью которых индивид усваивает эту идентичность (практиками субъективации). Можно выделить четыре базовых характеристики понятия субъективности.

Во-первых, субъективность находится на пересечении индивидуального и социального. Субъект — это то, чему предается и форма (например, саморефлективного «я», отдельного и осознающего себя в качестве такового индивида, наделенного самостью), и содержание (конкретные представления). Так, П. Вейн, друг и биограф М. Фуко, сравнивает процесс субъективации с социализацией, указывая на близость понятий субъективности М. Фуко и габитуса у П. Бурдьё или социальной роли у представитель Чикагской школы: в обоих случаях речь идет об «обратимой смычке социального и индивидуального» (Вен, 2013, с. 138). Однако это не означает, что, как отмечают Брубейкер и Купер, субъективность отсылает к вечно меняющейся, текучей, не закреплённой и неустойчивой идентичности (Брубейкер, Купер, 2010). Напротив, в случае Фуко основание формирования определенной субъективности исторично и укоренено в социальной реальности: она неразрывно связана с определенной эпохой, ее ценностями, господствующими представлениями, институтами и формами отношений, которые они закрепляют. Субъект не существует вне исторического, социального, политического контекста.

Во-вторых, теория субъективации проблематизирует воздействие на самость индивида как извне (муштра и др.), так и со стороны его самого. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать индивида как активного участника процесса субъективации — не только в качестве того, кто подвергается воздействию, но и того, кто его осуществляет. Таким образом, практики субъективации — это то, что совершает над собой индивид и то, что совершают над ним другие, но при его активном участии. Например, практика исповеди, которая, как утверждает Фуко, легла в основу целого корпуса техник, определивших облик индивида после XVI в., предполагает, что тот, кто кается, постоянно следит за малейшими проявлениями своего внутреннего мира и говорит, производит истину о себе, хотя и под руководством пастыря или наставника.

В-третьих, понятие субъективации вводит тему власти. Субъект оказывается изначально пронизанным отношениями власти, так как его знание о себе вписано в определенные формы господства. Имея в виду эту особенность процесса субъективации, Фуко в одном из поздних интервью формулирует проблему (пока, однако, не предлагая ее решения) подчинения субъекта и необходимости его освобождения: «Подводя итоги, скажем, что основная цель этого выступления — борьба не столько с тем или иным институтом власти, той или иной группой, тем или иным классом, той или иной элитой, — сколько с конкретной техникой или формой власти.

Эта форма власти распространяется непосредственно на повседневную жизнь, что классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов. Существует два смысла слова «субъект»: субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость (техники господства. — *Прим. автора*), и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию (техники себя. — *Прим. автора*). В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработает и угнетает.

Обобщая, можно сказать, что существуют три типа борьбы: те, что противостоят формам господства (этническим, социальным и религиозным); те, что избобличают формы эксплуатации, отделяющие индивида от производимого им; и те, что борются со всем, что привязывает индивида к самому себе и тем самым обеспечивает его подчинение другим (борьба против подчинения, против различных форм субъективности или

порабощения)... Сегодня же преобладает именно борьба против порабощения — против подчинения субъективности» (Фуко, 2006, с. 167–168).

Наконец, процесс субъективации неразрывно связан с индивидуализацией. Технологии власти, которые Фуко описывает в «Надзирать и наказывать», и техники субъективации, которым посвящен первый том «Истории сексуальности», конституируют субъекта как отдельного индивида.

Практики подчинения и практики свободы

В своих поздних работах Фуко разделял два набора практик, с помощью которых индивид воздействует на свою самость — две «техники себя»: это практики субъективации, особенности которых частично были освещены в предыдущем разделе, и практики «заботы о себе». Вторые становятся объектом его внимания в последние годы жизни, когда он обращается к детальному изучению «техник себя» в грекоримскую эпоху, — именно этому времени посвящены второй и третий тома «Истории сексуальности» и два последних курса лекций, прочитанных в Коллеж де Франс. Как и в случае с темой власти, внимание к которой со стороны Фуко было во многом спровоцировано опытом 1968 г. (см.: Dreyfus, Rabinow, 1983), обращение к теме «заботы о себе» происходит не случайно. Как отмечают некоторые его биографы, этот поворот, который сам Фуко неоднократно фиксировал в своих лекциях и интервью, является продолжением личного поиска, проекта преобразования себя и освобождения, — именно поэтому в личных разговорах так часто проскальзывают темы свободы, воли и стремление «думать иначе» (об этом см. подр.: Миллер, 2013). Как неоднократно отмечает сам Фуко, одно из основных различий между практиками себя и практиками субъективации заключается в том, что первые связаны с возможностью освобождения, в то время как вторые — с принуждением: «До сих пор я рассматривал проблему отношений между субъектом и играми истины, отправляясь либо от практик принуждения — как в случае с психиатрией и с пенитенциарной системой, — либо в формах теоретических или научных игр — например, анализа богатств, языка и живого существа. Но вот в курсах, прочитанных в Коллеж де Франс (имеются в виду курсы, прочитанные в 1981–1982 и 1982–1983 учебных годах, которые были посвящены греко-римской традиции и практике «заботы о себе». — *Прим. автора*), я попытался постичь ее через то, что можно называть практикой самости, каковая, по-моему, является весьма важным феноменом в наших обществах, начиная с греко-римской эпохи, — даже если эта практика не слишком изучена.

— Итак, теперь имеется своего рода смещение: эти игры истины теперь касаются практик не принуждения, но самоформирования субъекта.

— Вот именно. Это то, что можно назвать аскетической практикой, придавая аскетизму весьма обобщенный смысл, т. е. не смысл морали самоотречения, а воздействия субъекта на самого себя, в процессе чего возникает попытка выработки и преобразования самости, а также перехода к определенному способу существования» (Фуко, 2006, с. 241–242).

Итак, в чем состоит различие этих двух типов практик — субъективации и «заботы о себе»? Почему, хотя и те, и другие предполагают воздействие субъекта на самого себя, «самоформирование», Фуко рассматривает одни как практики принуждения, а другие — как практики свободы?

Главной практикой, определившей складывание современного субъекта и обретение им того вида, который он имеет сейчас, Фуко считает христианскую практику исповеди. В первом томе «Истории сексуальности» он отмечает, что аутентичность индивида долгое время устанавливалась через удостоверение другими и через манифестацию его связи с другими (через семейные отношения, вассальную зависимость,

покровительство). Затем она стала устанавливаться через «истинный дискурс, который индивид был способен или был обязан произносить о себе самом» (Фуко, 1996, с. 157). Тогда признание на Западе стало одной из наиболее высоко ценимых техник для производства истинного: «Человек на западе стал признающимся животным» (Фуко, 1996, с. 158). Вопрос «что мы такое?» был адресован в первую очередь сексу: «мы просим его сказать истину... и мы просим его сказать нам нашу истину, или, скорее, мы просим его сказать глубоко зарытую истину этой истины о нас самих, которой, как мы полагаем, мы обладаем в непосредственном сознании» (Фуко, 1996, с. 170). Это произошло потому, что секс, начиная с XVI в., становится одной из главных политических ставок. Фуко отмечает, что, начиная с классической эпохи, механизмы власти претерпевают значительные изменения: власть «как право захвата» постепенно уступает место формам, связанным с усилением надзора, умножением и организацией производственных сил. Эти формы опираются на два полюса — дисциплинарный, центрированный вокруг тела и его дрессуры, и биополитический, возникший позже первого и центрированный вокруг «тела-рода», «тела, которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия» (Фуко, 1996, с. 243). Сочленение этих техник происходит в форме конкретных устройств, одновременно дискурсивных и практических, и является необходимым элементом в развитии капитализма, которое «могло быть обеспечено лишь ценою контролируемого включения тел в аппарат производства и через подгонку феноменов народонаселения к экономическим процессам» (Фуко, 1996, с. 245). На этом фоне секс становится политической ставкой потому, что «он находится в точке сочленения двух осей, по которым складывалась вся эта политическая технология жизни. С одной стороны, он принадлежит к дисциплинам тела: дрессура, интенсификация и распределение сил, пригонка и экономия энергий. С другой стороны, через все индуцируемые им глобальные эффекты он оказывается сопряженным с регулированием народонаселения» (Фуко, 1996, с. 251).

В чем состоит особенность практик признания, вокруг которых было организовано формирование самости индивидов? Фуко определяет признание следующим образом: «Признание — это такой дискурсивный ритуал, где субъект, который говорит, совпадает с подлежащим высказывания; это также ритуал, который разворачивается внутри определенного отношения власти, поскольку признание не совершается без присутствия, по крайней мере виртуального, партнера, который является не просто собеседником, но инстанцией, требующей признания, навязывающей его и его оценивающей, инстанцией, вмешивающейся, чтобы судить, наказывать, прощать, утешать и примирять; ритуал, где истина удостоверяет свою подлинность благодаря препятствиям и сопротивлениям, которые она должна была преодолеть, дабы себя сформулировать; это, наконец, ритуал, где самый акт высказывания, безотносительно к его внешним последствиям, производит внутренние модификации в том, кто его произносит: этот акт его оправдывает, искупает его вину и его очищает; он облегчает тяжесть его проступков, освобождает его и обещает ему спасение» (Фуко, 1996, с. 261).

Итак, признание производит «внутренность» (interiority) как новый тип субъективности (Strozier, 2002). Это означает, что сама практика обращения к себе с вопросом: «Что я думаю? Каково направление моих мыслей и желаний?» по определению предполагает существование этого внутреннего «я» — и тем самым конституирует его. Практика исповеди удостоверяет не только существование этого внутреннего «я», но и его структуру, где есть то, что непосредственно явлено, а есть то, что скрыто, в том числе — от самого индивида: «Христианская герменевтика себя... подразумевает, что есть что-то скрытое в нас самих и что мы всегда пребываем в заблуждении относительно себя, которое скрывает секрет» (Foucault, 1988, p. 146). Практика исповеди направлена на то, чтобы

вывести это скрытое на поверхность. Наконец, она предполагает, что именно тайное, скрытое является тем основным содержанием, которое определяет «истинную» сущность индивида. Таким образом, христианская мораль и практика признания, неразрывно связанные друг с другом, призывают к самоанализу и дешифровке самого себя со стороны индивида. Но эта дешифровка производится на основе специфической кодификации приемлемого и неприемлемого поведения, которая существует вне индивида. Таким образом, для того, чтобы индивиду понять, кто он, ему оказывается необходим «другой» — священник, проповедник, ученый, психоаналитик — тот, кто выполняет функцию эксперта и единственный является обладателем «кода» для «дешифровки». То есть индивид, производя свою субъективность через практики признания, совершая над собой определенные операции, заглядывая внутрь себя в поисках ответа, нуждается в том, кто обладает монополией на истину о нем самом. Как отмечает Строзьер, «христианский индивид производит себя как субъекта с помощью самоанализа и подчиняет себя правилу» (*Курсив автора*) (Strozier, 2002, p. 151), которое является внешним по отношению к нему.

Практики «заботы о себе», хотя они также являются «технологиями себя», потому что осуществляются самим индивидом над собой и направлены на его трансформацию, отличаются, тем не менее, от практик субъективации, описанных выше. В рамках курса лекций, посвященных герменевтике субъекта, Фуко говорит о том, что в понятии «заботы о себе» нужно различать, во-первых, «некоторую общую установку, определенный взгляд на вещи, способ поведения, ведения дел, поддержания отношений с другими; это установка по отношению к себе, по отношению к другим, по отношению к миру»; во-вторых, «некоторое особенное направление внимания, взгляда. ... нужно отвести свой взгляд от внешнего, других, мира и т. д. и обратить его на себя самого. Забота о себе предполагает некий способ слежения за тем, о чем ты думаешь, что делается у тебя в душе»; в третьих, забота о себе — это «не только установка. Она подразумевает некие действия, такие, которые производят над самим собой, с помощью которых берут на себя заботу о себе, изменяют себя, очищаются, становятся другими, преобразуются. Отсюда целый набор практик, которые в большинстве случаев суть также и упражнения (техники медитации, техники обращения с прошлым, техники досмотра сознания, удостоверения возникающих представлений и т. д.)» (Фуко, 2007, с. 23). Особое внимание Фуко уделял воплощению этих принципов в стоицизме, главным образом — в работах Сенеки. В чем состоит отличие самости, которая формируется с помощью техник «заботы о себе», от той, которая формируется с помощью «техник субъективации»?

Во-первых, «забота о себе» и практики субъективации имеют различную направленность и тем самым по-разному организуют самость индивида. Так, Фуко отмечает, что само понятие субъекта не применимо к эллинистической философии: «В классической античности не было проблематизации складывания самости как субъекта; и наоборот, начиная с христианства, произошел захват морали теорией субъекта» (Фуко, 2006, с. 284). Поэтому если техники субъективации направлены на дешифровку внутреннего мира, устремлений и главное — мыслей индивида, то объектом «заботы о себе» является его поведение: не желания или мысли, а, как отметил Фуко в интервью Дрейфусу и Рабиноу, «биос — жизнь как хаотичный, доличностный поток» (цит. по: Миллер, 2013, с. 478).

Как уже было отмечено выше, практики субъективации предполагают, что источник истины об индивиде, которую он открывает в себе самом через самоанализ, на самом деле располагается вне его. В христианской морали содержание истины — это религиозное предписание. Напротив, практика заботы о себе и эллинистическая мораль предполагают истину вне индивида и вне каких-либо предписаний: истина — это то, что лишь предстоит достичь с помощью определенных действий, производимых над собой и над

своим поведением. Для того, чтобы выполнить требование дельфийского оракула «Познай самого себя», индивид не нуждается в другом, исполняющим роль эксперта и носителя истины, которую тот должен открыть в себе. Это не означает отсутствия любых норм или правил, — так, практики заботы о себе индивид не изобретает самостоятельно, «это схемы, которые он находит в своей культуре и которые предлагаются, внушаются и навязываются ему его культурой, его обществом и его социальной группой» (Фуко, 2006, с. 256). Вместе с тем, в отличие от христианских предписаний, само требование «заботы о себе», также как и нормы, предписывающие верное поведение, не являются сверхдетерминированными: «То, что мы видим здесь, очень далеко отстоит от любой формы самоограничения, в которой присутствовало бы стремление подчинить одинаковым образом всех индивидов — и самых гордых, и самых низжайших — велениям некоего универсального закона, который, будучи единым, мог бы разве что слегка варьироваться в своем применении, регулируемом определенной казуистикой, и не более того. Здесь, наоборот, все является проблемой конкретной подгонки, обстоятельств, личной ситуации. Какое-то количество основных наиболее общих законов — полиса, религии, природы — естественно, присутствует, но так, словно они рисуют далеким фоном некий очень широкий круг, внутри которого практическая мысль должна определить, что подобает делать (Курсив автора). И для этого она нуждается не в чем-то похожем на текст, ставший законом, но в определенном *technè*, в определенной «практике», — практическом знании-умении, которое с учетом общих принципов направляло бы действие в данный момент времени, в данном контексте и в соответствии с его целями. Таким образом, индивид в этой форме морали конституирует себя в качестве этического субъекта не через универсализацию правила своего действия, но, наоборот — через определенную позицию и поиск (Курсив автора), которые индивидуализируют его действие, модулируют его и могут даже придавать ему особый блеск благодаря рациональной и продуманной структуре, которую они ему сообщают» (Фуко, 2004, с. 97).

Таким образом, забота о себе предполагает, что индивид приходит к истине, которая не задана изначально, посредством применения определенных техник, направленных в первую очередь на описание и анализ совершенных поступков и соотнесение их с некоторым правилом, определение и осуществление которого одновременно является их (техник) основной целью: «Заботиться о себе означает оснащать себя такими истинами: вот где этика сопряжена с играми истины» (Фуко, 2006, с. 247). Важным здесь является то, что управляемый наделяется определенного рода автономией: в отличие от христианского этоса послушания, стоицизм был «сосредоточен на проблеме личного выбора, эстетики» (Миллер, 2013, с. 443). Его целью было формирование «я» посредством особого искусства мнемотехники, припоминания и переоценки действий и событий в конце каждого дня, чтобы составить «бухгалтерский баланс зависимостей», которые еще должны быть преодолены» (Миллер, 2013, с. 443)². Самость, таким образом, рассматривалась «не как свершившийся факт или местоположение греховных импульсов, от которых необходимо публично отречься, но, скорее, как «идеальное единство воли и истины», этическое единство, которое должно регулироваться независимо как от организованной религии, так и от законов государства» (Миллер, 2013, с. 443). В другом месте Фуко отмечает: «Постоянно размышляя над собственным опытом, исследуя определенные идеи в процессе письма и затем подвергая эти идеи испытанию на практике, устремленный к цели стоик мог сформировать особое «описание» для самого себя, которое давало ему возможность преобразовать истину, как он ее понимал, в этос» (Foucault, 1983, р. 6–7, цит. по: Миллер, 2013, с. 469). Относительная автономия

² Цитаты, используемые Миллером, взяты из аудиозаписи Ховисоновской лекции, прочитанной Фуко в Калифорнийской университете, Беркли, 20 октября 1980 г.

индивида и, самое главное, непредзаданность истины, возможность самому формировать свою самость скорее всего и были теми чертами, которые сделали техники «заботы о себе» объектом такого пристального внимания со стороны Фуко в последние годы его жизни. Лучше всего этот принцип свободы, заключенный в «заботе о себе», сформулировал П. Вен, отметив, что «усматривая в самом себе произведение, над которым нужно работать, субъект способен предписать себе мораль, уже не подкрепленную ни Богом, ни традицией, ни разумом» (Вен, 2013, с. 141).

Казалось бы, сходство практик субъективации и «заботы о себе» предполагает такое изменение себя, которое в результате приводит индивида к обретению нового — истинного и лучшего «я». Однако это не так, и в этом заключается последнее различие между двумя наборами техник, на котором мы бы хотели остановиться. Так, Фуко отмечает, что познание в христианской традиции было способом самоотречения, а действия, посредством которых грешник наказывает себя, были неотличимы от тех, с помощью которых он себя познает: «Раскаяние не ставило своей целью установление новой идентичности, но служило вместо этого для того, чтобы обозначить отказ от себя, разрыв с собой *Ego non sum*, его. ... Она представляет разрыв с чьей-то прошлой идентичностью» (Foucault, 1988, p. 43). Если говорить в более обобщенном виде, то весь корпус техник, возникших из практики покаяния, опирается на допущение о том, что индивид не может знать правду о себе. Об этом говорит не только религия, но и, например, психоанализ, рассматривающий данное сознание индивида лишь как симптом, и социология, для которой верования индивида — объект анализа, за которым неизменно скрывается его истина, недоступная обыденному восприятию. Практики «заботы о себе», напротив, не ставят условием достижения истины уничтожение «ложной» самости; точно также они не связаны с «раскрытием себя», которое совершается через постоянное обращение к потоку мыслей и желаний для того, чтобы узреть их суть, отталкиваясь от предустановленной нормы. Наоборот, «забота о себе» является частью процесса самосовершенствования, в основе которого лежит не разрыв и самоотречение, а постепенное движение к истине.

Заключение

Таким образом, философский проект Фуко, развитию которого он посвятил последние годы своей жизни, был также проектом освобождения, в первую очередь от того типа навязанной субъективности, описанию и генеалогии которой сам Фуко посвятил свои предыдущие труды. Даже если индивид не подвергается прямому принуждению, а «сам делает себя», что превозносит, например, «новый дух капитализма» (Болтански, Кьяпелло, 2011), он не становится более «свободным». Это происходит потому, что он применяет к себе определенные практики, которые удостоверяют его индивидуальность и определяют его самость, содержание которой задается извне, а не им самим. «Мы — заключенные определенных представлений о самих себе и своем поведении. Мы должны освободить нашу собственную субъективность, наше собственное отношение к самим себе» (Foucault, 1980, p. 4, цит. по: Дикон, 2008, с. 39). Согласно Фуко, «освобождение субъективности» возможно лишь через другую практику, которая, как «забота о себе» у стоиков, позволит человеку самому выработать для себя правила и достичь истины.

Литература

- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
 Брубейкер Р., Кулер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 131–192.
 Вен П. Фуко. Его мысль и личность / Пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2013.

- Горц А. Знание, стоимость, капитал. К критике экономики знаний // Логос. 2007. № 4 (61). С. 5–63.
- Дикон Р. А. Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65). С. 21–64.
- Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью при когнитивном капитализме // Логос. 2007. № 4 (61). С. 123–143.
- Миллер Дж. Страсти Мишеля Фуко. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
- Фуко М. Герменевтика Субъекта. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
- Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 2. Киев: Дух и литература, М.: Гунт, Риелф-Бук, 1998.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006.
- Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 65–94.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
- Dreyfus H. L., Rabinow P. Michel Foucault: beyond structuralism and hermeneutics. Chicago: The University of Chicago press, 1983.
- Foucault M. M. Dillon: Conversation with Michel Foucault // The Threepenny Review. 1980. № 1. P. 4–5.
- Foucault M. L'écriture de soi // Corps écrit. 1983. № 5. P. 3–23.
- Foucault M. Two technologies of the self // Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault / Ed. by L. H. Martin et al. London: Tavistock, 1988. P. 16–49.
- Strozier R. M. Foucault, Subjectivity and Identity. Historical Constructions of Subject and Self. Detroit: Wayne State University Press, 2002.

Representation of the female body in modern yoga: theoretical and methodological approach

Ekaterina Kovaleva*, Marina Spirina**

This article aims at building an integrative methodological approach for analyzing the visual representation of the female body as a social and cultural phenomenon in modern yoga through the theoretical perspectives of symbolic interactionism and structuralism. An enhanced methodological tool was developed based on the framework of commercial realism by Goffman combined with the concepts of constructed body and technologies of the self by Foucault. The critical approach to visual socio-semiotics by Kress and van Leeuwen were also brought to the development of the integrative methodological scheme. The tool was tested on the visual representations of the female body from the websites of the popular yoga schools in Moscow. The authors conclude that the designed methodological approach could be successfully applied to visual analysis of different areas of female physical activities such as yoga, fitness practices and strength training.

Key words: female body, gender representation, visual analysis, gender display, technologies of the self, modern yoga

Introduction

Today yoga practice has transformed significantly from the traditional authentic activity, especially for men in India, to a mass activity especially for women in Western countries (including Russia). Some experts argue that contemporary yoga is a Western and modern invention for women's leisure and physical wellbeing in the context of the growing popularity of healthy lifestyle (Singleton, 2010), while the original yoga was more about spiritual, mental knowledge and sacral practice of self-awareness (Eliade, 2014). For instance, a study of yoga in America shows that in 2012 around 20,4 million Americans practiced yoga, and 82% of them were women (New Study Finds..., 2012). Similarly, according to a study conducted by the University of Yoga in Moscow, as perceived by young people in Russia, yoga is associated almost only with women (Attitude of the Moscow Youth to..., 2012)¹.

We can observe as well an increasing number of best-sellers (handbooks, manuals and brochures) devoted to the topic of yoga practice especially for women in different countries

* Kovaleva Ekaterina, MA student, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics. eskovaleva@edu.hse.ru.

** Spirina Marina, MA student, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics; Junior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. mspirina@hse.ru.

¹ Approximately 90% of respondents agree or totally agree with the statement «There is more woman than man practicing yoga today».

(See: Khalsa, 2007; Sparrowe, 2002; Freedman, 2004). There are also many courses and training classes consisting of teaching special female yoga practices with an accent on women's reproductive cycle. For instance, one of the most popular international yoga schools *Birthlight* focuses on a «holistic approach to pregnancy, birth and babyhood» and «responds to unmet needs relating to women's health and wellbeing» (Well Woman Yoga Training). In the same way, the Russian yoga school *Sat Nam* specializes in yoga techniques for women with particular attention to the female body and health (Sat Nam Yoga Club). These examples highlight that one of the branches of contemporary yoga is firmly institutionalized as a physical and mental practice oriented mostly towards women. This raises the question of the particular importance of the female body as presented in the context of modern yoga.

The importance of studying women's corporality is determined by the fact that the personality and social role of women in contrast to men historically tend to be perceived mainly through the bodily aspects, especially through the compliance with the canons and standards of physical beauty of a certain epoch (Bordo, 1995; Morgan, 1991). Therefore, the study of the female body as a social and cultural phenomenon requires the incorporation of a gender dimension which cannot be ignored (Golman, 2015; Vanke, 2011). This conclusion is especially relevant for a visual analysis of such a female-oriented physical practice as modern yoga.

Accordingly, we claim that the representation of the female body in the context of modern yoga has a gendered character, which means that it is intimately connected with sex identity not only expressed but generated as well by the means of visual support (De Francisco, Palczewski, 2013). We assume that the female body has a special status and significance in the context of modern yoga. Consequently, the analysis of its representation can shed light on the deeper understanding of a more general trend concerning the meaning of women's individuality and social role in contemporary society. More importantly, we consider schools and studios of yoga to be the primal medium of gendered representations in yoga largely due to the fact that these institutions perform the role of an authoritative promoter and carrier of modern yoga values to the general public.

However, a significant obstacle to the study of the representation of the female body especially for novice researchers could be the methodological pluralism prevailing in the sphere of female corporality and bodily practices (Golman, 2015). In order to address this issue the article builds an integrative methodological approach to the qualitative visual analysis of representation of the female body in modern yoga and assesses the future prospects of its application to the empirical material.

In the first part of this article we consider the theoretical perspective of symbolic interactionism by applying the framework of commercial realism by Goffman. In the second part the structuralist approach to bodily practices is analyzed through the concepts of the constructed body and technologies of the self by Foucault. The third part of this article presents an integrative methodological approach for the visual analysis of the representation of the female body as a social and cultural phenomenon. Finally, we test the developed methodological tool on the visual material from the web sites of the popular yoga schools in Moscow and conclude by proposing some spheres of its application for further empirical research.

Interactionist approach: femininity through a glance

Body and symbolic interaction

Considering the female body as a social and cultural phenomenon, we focus on the specificity of its social regulation, practices of instrumental use and the role of corporality in translation of gender stereotypes by visual means. From this point of view, symbolic interactionism seems to be a relevant sociological perspective from which to study the female corporality because it considers body practices to be an equal component of interaction (Golman, 2015).

The theoretical tradition of symbolic interactionism is oriented towards the problem of body and embodiment, as well as the interrelation of the body, the Self and social interaction. From the point of view of interactionist tradition, the body cannot be understood only as a mere physical and corporeal object, but should be analyzed in its social entirety as «an enormous vessel of meaning of utmost significance to both personhood and society» (Wascul, Vannini, 2006, p. 3). Human beings are considered to be active and creative agents who mutually shape their world in an endless process of action and interaction in which subjectivity, meaning and consciousness are born. Therefore, the body is both the subject and object of action and is defined as a primary conceptual and analytical focus.

Taking into account the diversity of philosophical ideas within the contemporary interactionist tradition, we consider the theoretical model of the looking-glass body, which understands the body as reflexive act of seeing in the process of mutual interpretation, to be a starting point for building an integrative methodological approach for the visual analysis of the female body in the context of modern yoga.

As D. Wascul and P. Vannini note, the looking-glass body is not a direct objective reflection of others' feelings and judgments, but only an «imagined reflection built of cues gleaned from other» (Wascul, Vannini, 2006, p. 5). Thus, reflexivity is perceived as a necessary condition of embodiment. Using the terminology of G. Mead applied to the concept of embodiment, Wascul and Vannini note a crucial difference between «I» and «me»: «The I embodies and repeats its history in the form of the habit; the me, by contrast, is constructed in the web of narrative discourse and imaginative representation which the I spins in its various reflexive activities and projects» (Wascul, Vannini, 2006, p. 5).

From this point of view, we can understand «me» as an «outer social shell» which consists of all possible types of imaginative representations, including the reflections and realities that can be seen in the mirror of mass culture. In such a way, the Western cultural mirror can be regarded as a source of insights into the construction of gender identity, which affects the «me» of millions of men and women all over the world. In this context, we consider visual analysis of the gender representations as a fruitful method for identifying the particular positioning of the gender reality which can be reflected in gender-stereotyped images and sexist pictures. Therefore, gender representation in mass media is a particularly valuable object of research, because individuals very often perceive media images as an objective reflection of reality, thus bringing them value and authority (Barthes, 1997).

Gender identity and gender display

The symbolic interactionist approach to empirical visual analysis of gendered images in mass media was developed in the work of American sociologist E. Goffman (Goffman, 1987). According to Goffman, the presentation of the Self in everyday life is closely related to corporality and bodily performance that are the core factors in the formation of mutual interpretations and impressions in face-to-face communication (Goffman, 1959). Moreover, the body performs a key role in the process of the construction of one's identity. Various bodily aspects from appearance to gestures serve as a basis for building communication with others, but also demonstrate the status affiliation, the ability to define the situation and the degree of «normality» of a particular individual (Goffman, 1963; Goffman, 1951).

Starting from the significance of the body to identity, Goffman developed a dramaturgical interactionist tradition, according to which the body is constantly and systematically produced and reproduced in ritualized social and cultural conventions. In other words, the body is realized and made meaningful during social interactions — «the body is something that people do» (Wascul, Vannini, 2006, p. 7). In such a way, Goffman extends the concept of the looking-glass body and elaborates the framework of the body as performance (dramaturgical body).

Goffman's problematization of gender identity, which is formed through specific patterns of behavior based on essentialist beliefs about the nature of sexes, acquires a special significance. Drawing on different empirical materials such as images in fashion magazines and advertisement, Goffman made the conclusion that in modern consumption society life is portrayed by the use of stereotypical codes of masculinity and femininity in which women are often symbolically oppressed and subordinated to men (Goffman, 1987).

In his work «Gender Advertisements», Goffman opens a new tradition of analysis of pictures and illustrations in contemporary advertizing that is called «commercial realism» (Goffman, 1987, p. 15). Goffman defines two concepts relevant to the current topic: «display» and «gender». Basing on J. Huxley's definition, Goffman describes displays as «certain emotionally motivated behaviors» (Goffman, 1987, p. 1) that are formalized (simplified, exaggerated and stereotyped) and become a depersonalized social portrait. As a result of this process of formalization, displays are deprived of any particular context and specific meaning and serve as ordinary available indicators for consumers. According to Goffman, gender is a «culturally established correlate to sex» (Goffman, 1987, p. 1) which is actively used by contemporary advertisers. In this way, the conventionalized social portraits of gender diffused through mass media serve as special signals and translators of stereotyped impressions and images of «femininity» and «masculinity».

One of Goffman's main arguments is that in the gender display of commercial advertisements the image of heterosexuality is rooted in the traditional model of the relationship between parents and children. In such a way, a man is usually pictured as an adult and a responsible and independent parent, while the role of a dependent child is more common for a woman. From the point of view that the relationship between parents and children is natural and biological, dominance and subordination are ideologically «natural» in displays of gender. In his work, Goffman argues that those gender displays diffused through mass media are constructed in order to affirm basic social norms regulating the relationship between men and women according to traditional gender roles (man as a breadwinner and woman as a housewife). The author claims that sexist practices are embedded in advocated gender differentiation (Goffman, 1987).

It is worth noting that the gender stereotyped differentiation described by Goffman in 1970-s has been revealed and confirmed to different extents and aspects in various contemporary sociological research devoted to gendered body images in modern mass media (See: Brickell, 2002; Choi, Leshner, Choi, 2008; Fullerton, Kendrick, 2000; Wolska, 2011). Thus, almost half a century later, sexist practices of women's oppression continue to persist in mass media, and this fact cannot be ignored.

Structural approach: docile bodies or the technology of the self?

The symbolic interactionist approach focuses on the interrelation of the body, the Self and social interaction, but does not emphasize the influence of society and social structures on the individual body and bodily experience. The theoretical framework of structuralism highlights the importance of the social structures and power relationships which shape the individual bodily experience and impose specific ways of dealing with the body. M. Mauss was one of the first social scientists who described how body techniques vary according to culture, gender, social status, education, prestige and customs (Mauss, 1973). M. Douglas pointed out that the body is at the center of social control and the individual physical experience is ruled by social categories (for example, «purity rule»²) (Douglas, 1984).

² Douglas concluded that the primitive rituals of purity are symbolic and create unity in experience. Reflection on purity rules is reflection on the social structure.

M. Foucault influenced the structuralist tradition within the sociology of the body. In the work «Discipline and Punish», he described different ways of training the body to make it socially productive: «the body is [...] directly involved in a political field; power-relations have an immediate hold on it; they invest it, mark it, train it, torture it, force it to carry out tasks, to perform ceremonies, to emit signs» (Foucault, 1979, p. 25). Foucault paid much attention to the body in the context of the complex relations of power and knowledge, and placed it in the regimes of power and discourse.

Discipline is considered one of the most important mechanisms of power regulating the behavior of individuals by organizing space, time, and people's activity (postures, movements) to make the docile body, which is «normal» and socially productive. The concept of the docile body highlights that the body is shaped by multiple discourses, disciplinary processes and *power technologies*, which are the finely detailed mechanisms of control applied to the body and soul in different historical eras. The notion of power goes beyond the sphere of the state; it circulates through individuals, and it is immanent in the structuralist sense of the term. The study of the punitive methods and the political technology of the body provides an understanding of the common history of power relations. Foucault concluded that the reduction in penal severity (the disappearance of torture as a public spectacle, less cruelty, less pain) is not a turn to humanity but just a change of the objective from the body to the soul, in which a punishment acts through the thoughts, and the will, that is why «the soul is the prison of the body» (Foucault, 1979).

In his later works, Foucault developed the opposite concept of *the technology of the self* which permits individuals to influence «their own bodies and semis, thoughts, conduct, and way of being, [...] to transform themselves in order to attain a certain state of happiness, purity, wisdom, perfection, or immortality» (Foucault, 1988). He became increasingly interested in how humans turn themselves into subjects and sketched out the development of the hermeneutics of the self. Foucault interpreted the Delphic principle as «to take care of yourself» and its transformation from practice to pure knowledge and gnosis. In Ancient Greece the principle «to take care of yourself» was characterized by a certain view, way of behavior and attitudes towards other people; the internal direction of view, the techniques of observing your own thoughts, and a number of actions on the self: modification, purgation, transformation and meditation. Such every day practices served as practices of self-care and their main goal was to develop one's self.

The influence of Foucault's ideas on the sociology of sport was significant and appeared in two ways: first, the indirect influence on British cultural studies and feminist cultural studies, and second, the direct influence on sport sociologists and their studies of the sporting body (Rail, Hail, 1995). Foucault's shift from the theme of discipline and power to the investigation of the subject brought new tools of theorizing sport as a space where technologies of the self play an important role. It should be noted, that the approach of late Foucault goes beyond structuralism to post-structuralism as it enables the individual to change situations through one's efforts.

P. Markula, the author of several books on the sociology of sport, examines what Foucault's concepts can offer feminist sport studies (Markula, 2003) and explores the intersections of Foucault's theory with commercial fitness practices to identify possibilities for the transformation of the dominant discourse of the feminine body (Markula, 2004). Having considered several feminist studies that used the term «the technologies of the self» Markula discovered different interpretations of the technologies of the self. According to Rail and Harvey (Rail, Harvey, 1995), the technologies of the self can be conceptualized as practices that free the individual from the control of disciplinary practices and lead to self-transformation, Johns and Johns (Johns, Johns, 2000) define the technology of power

as a means of domination and by the technology of the self as a means of personal transformation, Chapman (Chapman, 1997) defines the technologies of the self as resulting in a process of subjectification (in contrast to the technologies of power that resulted in a process of objectivation) and as practices of freedom which allow people to make conscious choices about how to relate to themselves. Wesely claims that «the technologies of the self are mechanisms through which individuals create, transform, and understand themselves» (Wesely, 2001, p. 166). Markula criticized these works for the unclear definitions of the technologies of the self and offer her interpretation using the three key concepts: ethical self-care, aesthetic self-stylization and critical self-awareness. Ethical self-care based on self care instead of a moral practice on societal laws, that means that individuals are rather free to interpret the norms of behavior in their own style and could constitute themselves as moral subjects by everyday practices (Markula, 2003, p. 99). Aesthetic self-stylization involves practices through which the individual re-invent and recreate him/herself as a work of art. Critical awareness is the core of the practice of freedom: it is an «individual's ability to question the limits of one's natural identity — to distinguish practices of freedom from the ones that perpetuate the dominant discursive construction of gender» (Markula, 2003, p. 102).

We should remember that these concepts are not mutually exclusive and could act in the same time, still we should define it rather clear, and the key characteristics of the technologies of power and the self are in the table 1.

Table 1

Comparing of the technologies of power and the technologies of the self

The Technologies of power (the Docile Body)	The Technologies of the self
The individual is the object of power and knowledge	The individual is the subject
Physical activity as a technology of domination, normalizing practice, based on societal laws	Practices of freedom from disciplinary, discursive body, a means of personal transformation, ethical self-care
Following the bodily canon, the image of the desirable body	Aesthetic self-stylization and critical self-awareness

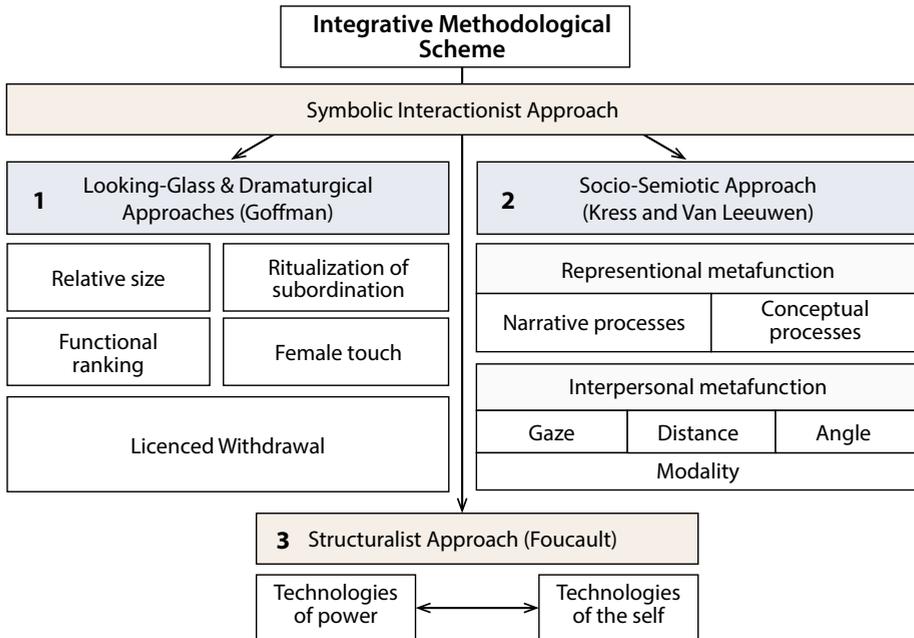
Markula applied the concept of the technologies of the self to the exploration of fitness practices that are collectively defined as mindful fitness (hybrid forms of Pilates, yoga, and Tai Chi with western strength training). Through in-depth interviews with the instructors, she analyzes the potential for mindful fitness to act as a practice of freedom and not to produce a discursive domination of the ideal of the feminine body. She notices that many women struggle to cope with the requirements of the «perfect body shape» in a rather contradictory manner: although women know about its limitations, they neither ignore nor change the ideal. Building a new body in Pilates or yoga classes does not, in itself, serve as a technology of the self; the individual should have a critical view of the ways in which the fit body is constructed, that is why it could be considered as a practice of freedom.

The concept of the technology of the self developed by Foucault is quite popular in manifold studies of the sociology of sport and the sociology of the body and demonstrates its explanatory power.

Integrative methodological approach

Based on the theoretical frameworks discussed above an integrative methodological scheme for the visual study of the female body in the context of modern yoga was built. By combining interactionist and structuralist approaches the enriched methodological tool allows a complex analysis of different aspects and social meanings of the represented female body in visual materials. The symbolic interactionist dimension describes stereotyped impressions and images of «femininity» and «masculinity» by analyzing precise indicators in the gender representation. In addition to Goffman's concept of gender display, we also take into account another purely methodological and empirically oriented approach for the visual analysis of representations proposed by Kress and van Leeuwen, which is situated within the interactionist tradition of socio-semiotics (Kress, van Leeuwen, 1996). The structuralist dimension identifies the semantic orientation of the images, which could maintain an ideological dominance by working as an oppressive mechanism of constructing the bodily canon or resist the main discourse by focusing on the subject and internal state.

As a result, the enhanced methodological tool encompasses three dimensions of analysis which are (1) the looking-glass body concept and dramaturgical approach by Goffman; (2) socio-semiotic approach by Kress and van Leeuwen; (3) structuralist approach by Foucault (see picture 1). The main dimensions of visual analysis will be discussed below.

Picture 1. Integrative methodological scheme

The looking-glass body and dramaturgical approach: gender display and its dimensions

As a whole, there are five general dimensions of gender display taken into account by Goffman and relevant to the current study (Goffman, 1979). Initially, Goffman's analysis shows how American popular culture reflects and shapes normative ideas about gender roles by the means of the symbolic oppression and subordination of women. The explanation of each dimension of gender display along with its examples is provided in the table 2.

Table 2

Gender display dimension

№	Gender Display Dimension	General Explanation	Example
1.	Relative size	Reflects the social weight of a person in the picture	The tendency to picture women smaller than men
2.	Female touch	Ritualistic touching and caressing	Women caress themselves or an object as an opposite to utilitarian gripping and manipulating by men
3.	Functional Ranking	The translation of the hierarchy related to gendered functions	Women are often presented performing a secondary role, while men — the primary one, with the only exception concerning the household duties and baby-carrying where the woman is leading
4.	Ritualization of Subordination	Expressed through the body location and position	Women are physically subordinated to men by their position in the space, postures or facial expression
5.	Licensed Withdrawal	The representation of the removal of the subject from the social situation in a general meaning	Women are pictured as withdrawn by hiding behind objects or covering their face with their hands

Socio-semiotic approach: representational and interpersonal metafunctions

As Kress and van Leeuwen claim, socio-semiotics provides the opportunity to study visual material systematically and critically (Kress, van Leeuwen, 1996). The authors' own method consists of specific practical tools for the analysis of the depicted elements and visual statements some of which we consider to be relevant while applied to the study of the female body in the context of modern yoga. This methodological approach is built on two major metafunctions: a representational metafunction and interpersonal one.

The representational metafunction is related to the visual representation of interaction and relationships between the characters, and between characters and objects. As Kress and van Leeuwen claim, those interactions can be analyzed via the use of geometric vectors. From this point of view, the participants of the representation can be in an active relation with each other (engaging in an activity together, mutually exchanging energies), which can be empirically recorded by the directions of eye-lines, arms, the general position of the body, gestures. This dimension is called narrative processes. On the contrary, conceptual processes show the participants of the representation in a stable, non-active position.

The interpersonal metafunction describes the relation between a spectator and the participants of the representation. From this point of view, Kress and van Leeuwen distinguish such elements as the gaze (directly looking at viewer or being exposed to the gaze of viewer), the distance (psychological use of space: intimacy or impersonality), and the angle from which viewers can observe the participants of the picture (dimensions of involvement and power). On this point Kress and van Leeuwen also suggest taking into account the degree of the modality of the visual representation in the context of the credibility of images (color, depth, tonal shades).

Structuralist approach: technologies of power and the self

Foucault's concepts of the technologies of power and the self along with Markula's application of his ideas extend the analysis of the representation of the female body in visual material (Foucault, 1988; Markula, 2004). We consider yoga as the technology of power, a disciplinary method of controlling, training and manipulating the docile body that is apparent in the visual images. On the other hand, yoga may serve as the technology of the self which leaves space for the practice of freedom, the possibilities of transformation and a critical view of the oppressive bodily canon.

The technologies of power demonstrate how modern yoga deals with the body for the purpose of transforming and improving it. Yoga manipulates, shapes and trains docile bodies to make them more skillful, stronger and healthier. Instructors are perceived as experts of the truly healthy and beautiful body who know even the secrets of perpetual youth. In such a way, yoga practice is the instrument of biopower and discipline for those who want to comply with bodily standards: it teaches people what to do, what to eat and how to treat their bodies. Images related to the process of teaching, classes, and different situations when the instructors show what to do and correct the participants maintain the technology of power, reinforce the discipline of the real practices, and form the bodily canon. The images of the feminine body are involved in different discourses that practice control over the individual.

In contrast, the technologies of the self are related to self-care, self stylization and a critical awareness of the dominant construction of gender and femininity. Building a new, improved body does not, in itself, serve as the technology of the self, unless a woman practices the ethics of self-care and has a critical view on the ways how her body is constructed or manipulated. The internal state and thoughts of the people in the pictures are unavailable for us, nevertheless, the images that do not contain the oppressive body are closer to the practice of freedom. Moreover, the visual representation of the variety of body shapes and individual characteristics such as gender, age and physical abilities are also destabilized the dominant discourse and opens the opportunity for the realization of the technologies of the self.

**The representation of the female body:
exploring the Russian yoga schools web sites**

The designed integrative methodological scheme for the visual analysis of the female body was tested on typical representations from websites of popular yoga schools in Moscow.³ It is worth noting that the objective of the present empirical analysis is not to achieve a representative sample, but to provide with some illustrative materials for the application of the methodological tool. For this purpose we limit our research subject and focus mainly on the staged photography, while the photos shot during yoga sessions or tours could be regarded as a relevant subject for future research⁴.

Picture 2⁵ represents the modern female yogi while picture 3⁶ shows the stereotyped image of a «perfect woman» in the contemporary mass media. Picture 4⁷ presents a neutral (without

³ The visual material was taken from the most popular yoga schools and studios in Moscow based on the ratings Gorod Afisha and Forbes (For more information see the links: URL: <http://gorod.afisha.ru/entertainment/10-luchshih-mest-dlya-yogi-v-moskve/>; <http://m.forbes.ru/article.php?id=63094> (accessed: 6.05.2015).

⁴ Due to the fact, that the focus of the current empirical research is mainly studio photos explicitly orientated on the individual practice (the women is the only person represented on the picture), empirical indicators which take into account relation between different characters are excluded from the analysis (e.g. relative size, functional ranking).

⁵ Source: URL: [Satnam.ru](http://satnam.ru) (accessed: 6.05.2015).

⁶ Source: URL: http://creativestudio.ru/articles/foto_krasivyh_devushek/ (accessed: 6.05.2015).

⁷ Source: URL: <http://blog-yoga.com/muzyka-dlya-jogi> (accessed: 6.05.2015).

Picture 2. New femininity in modern yoga

Picture 3. Stereotyped femininity in mass media

Picture 4. Neutral image of the body in yoga practice

explicit gender references) image of yoga practice within a natural context. In order to describe the new femininity ideal in modern yoga we start with a comparison of the first two photos and then proceed to the third to show the hidden meaning of its non-oppressive character.

The modern yoga portrays women in new light as independent actors and active subjects of action (picture 2), while the contemporary mass media still present her as a sexualized and eroticized passive object oppressed and subordinated (picture 3). How did we come to this conclusion? First of all, we use body location and position which reflect such parameters as *the ritualization of subordination* and *licensed withdrawal*. In picture 1, the position of the modern yogi is actively directed to perform a meaningful and functional exercise; she is consciously involved in the context, showing control over her body and the situation. On the contrary, the woman in picture 2 is shown as withdrawn due to her relaxed position and half open mouth. She performs an accessorizing and passive role. Her body language and posture are sexualized: she does not aim at an active transformation of the reality but strives to create an erotic image for the purpose of seduction. The image of women in modern mass media is completed by ritualistic self-touching and caressing (*female touch*), while the modern yogi manipulates her body in a functional manner.

Some more interesting observations can be made by describing the relationship between the represented woman and the viewer (*interpersonal metafunction*). In picture 1 the woman is not simply exposed to the *gaze* of the viewer, but actively builds an original relation with them. She escapes the objectifying gaze of the viewer using direct eye contact on an equal footing. In such a way, the modern feminine yogi makes a demand towards the viewer, who immediately feels included into this communication. In spite of the fact that the woman in

picture 2 also looks at the spectator, her glance is directed upwards (*angle*), therefore, creating a passive and oppressed impression. As for the *distance* established between the viewer and the women, the woman in picture 2 is represented neither under nor above the viewer creating a certain equality in their relation, as two persons face to face. As for the woman represented in picture 3, the viewer feels superiority and the capacity to watch her from above without any moral obligation. It is important that in the modern yoga representation we cannot find a complete intimacy as seen in the case of the mass media image where the spectator is permitted to observe the most private parts of personal life (the bed) including different parts of seminude body with a real set of colors and tonalities which contribute to the high level of credibility (*modality*).

Although yoga offers an alternative representation of femininity, it is possible to see a certain image of a young, slim, flexible woman, which could be oppressive for those who do not meet the standards because of age or body parameters. However, does visuality shape the image of the female body by imposing restrictions on the female body (*technologies of power*) or leave a space for the self-care, self-stylization and critical awareness (*technologies of the self*)? From the structuralist perspective, both images could be considered as oppressive images that serve to make socially productive docile bodies, but picture 2 still could be interpreted as an example of personal transformation and self-stylization. In such a way, this picture could be used to maintain the image of individual development without discursive domination.

We consider yoga as a disciplinary method of controlling, training and manipulating the docile body; from the other hand, we could find in yoga the elements of the technology of the self that are oriented towards the subjected human body. From this point of view the least oppressive images accent on gender neutral parts of body (eyes or hands) or do not contain the pictures of the desirable body and «perfect» shape at all. For instance, in picture 4 we see hands fixed in mudra (a certain fingers posture that helps to concentrate in yoga) on crossed legs in the foreground and the sea in the background. The portrayal is not very readable and we cannot even say for sure whether it is a man or a woman. This photo demonstrates the practice of contemplation and expresses the mental state of calmness.

Yoga is also a regular practice that helps to transform the body and mind through meditation, the internal observation of thoughts and breathing which are very close to the definition of the technology of the self. The focus on the internal and mental practice may lead to avoiding the images of the body, thus women have the possibility of critical awareness of what they do during the practice and what they need for the self-care. In this case, hands represent non-sexualized parts of body in contrast with lips, breasts and buttocks widely used in contemporary advertising products for women.

The sea in the background could be interpreted as a «living environment» with whom the person is connected and with whom he or she interacts. In such a way, we can speak about *narrative process* in relation to nature as the context and place. Generally speaking, nature plays a key role in modern yoga: the idea to be fully integrated to the natural environment in order to succeed in yoga practices is translated very often with the help of visual support. Concerning the *interpersonal metafunction*, the *angle* from which viewers can observe the participant of the presentation evidence the relations on an equal footing.

In such a way, we suppose that the main features identified here create the new femininity in modern yoga as opposed to the «perfect» stereotyped femininity of mass media. This new type of femininity is characterized by an independent and active position, natural beauty with some imperfections, casual appearance and no explicit sexuality. It is quite possible that a particular accent on female health, mindfulness, naturalness, self-care and practice of freedom is a reflection of broader contemporary social requirements and trends developing in contemporary society.

Conclusion

In the context of the significant rise in the popularity of yoga practice in Western countries and the transformation of its gender orientation from a masculine privilege to a mass feminine activity, the study of the special meaning of the representation of the female body as a gendered body seems to be promising for the identification of the particular position of contemporary gender reality.

The first part of this article was devoted to the theoretical perspective of symbolic interactionism and the framework of commercial realism by Goffman who argued that the body is constantly produced and reproduced in social interactions and plays a key role in the construction of one's identity. The term «gender display» was used to show that the images of «femininity» and «masculinity» diffused through mass media are constructed in order to affirm basic social norms regulating the relationship between men and women according to traditional gender roles.

In the second part we considered the structuralist tradition that placed the body in the context of the complex relations of power and knowledge. The concept of the docile body seems to be fruitful for interpreting the body as shaped by multiple discourses, disciplinary processes and technologies of power that control the body and soul. We took Foucault's concept of the technologies of the self in order to focus on how humans turn themselves into subjects and transform themselves during the practice of freedom.

The third part built an integrative methodological scheme based on theoretical approaches of symbolic interactionism by Goffman, structuralism (and poststructuralism) by Foucault and methods of visual analysis by Kress and van Leeuwen. The developed methodological apparatus consists of three dimensions with a number of empirical indicators for each branch: (1) looking-glass and dramaturgical approaches (Goffman), (2) socio-semiotic approach Kress and van Leeuwen, and (3) structuralist approach (Foucault).

Finally, the developed methodological tool was successfully applied to the analysis of some typical images of the female body in yoga taken from the web sites of popular yoga schools in Moscow. The combination of the interactionist and structuralist approaches allows us to analyze the visual material not only by the form, but also by the message that the images transmit.

Based on the illustrative analysis of the images we assume the rise of a new femininity, which is opposed to the stereotyped image of women in the mass media. The image of the female body in modern yoga can be considered as both an oppressive one, and as the practice of transforming the self, since it depends on the existence of a critical awareness of a particular individual. Nevertheless, the image that accents on gender neutral parts of body or does not contain the portrayal of «perfect» shape may serve as the technology of the self to the greatest degree.

We consider the issue of gendered representation through the lens of modern yoga to be a promising path for further research. Moreover, the developed methodological tool could be successfully applied to visual analysis of yoga practice as well as different areas of female physical activities such as fitness practices and strength training. At last, the developed methodological integrative schema can be tested more deeply by conducting research on female corporality in modern yoga using a broader qualitative methodology (interviews and participant observation).

Literature

Otnoshenie moskovskoy molodezhi k yoge. Moskovskiy universitet yogi. 2012. URL: <http://www.nik-etan108.com/research-2.html> (accessed: 12.11.2014).

Barthes R. Image, Music, Text. London: Fontana/Collins, 1997.

- Bordo S. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Brickell C. Through the (New) Looking Glass. Gendered Bodies, Fashion and Resistance in Postwar New Zealand // *Journal of Consumer Culture*. 2002. № 2 (2). P. 241–269.
- Chapman G. Making Weight: Lightweight Rowing, Technologies of Power, and Technologies of the Self // *Sociology of Sport Journal*. 1997. № 14 (3). P. 205–223.
- Choi Y., Leshner G., Choi J. Third-Person Effects of Idealized Body Image in Magazine Advertisements // *American Behavioral Scientist*. 2008. № 52 (2). P. 147–164.
- DeFrancisco V. P., Palczewski C. H. *Gender in Communication: A Critical Introduction*. SAGE Publications, 2013.
- Douglas M. *Purity and Danger*. London: Routledge, 1984.
- Eliade M. *Yoga: svoboda i bessmertie*. M.: Akademicheskii Proekt, 2014.
- Foucault M. *Discipline and Punish*. New York: Vintage, 1979.
- Foucault M. *The History of Sexuality*. Vol. 2: *The Use of Pleasure*. London: Penguin Books, 1985.
- Foucault M. *The History of Sexuality*. Vol. 3: *The Care of the Self*. London: Penguin Books, 1986.
- Foucault M. *Technologies of the Self // Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault* / Ed. by L. H. Martin, H. Gutman, P. H. Hutton. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1988.
- Freedman F. B. *Yoga for Pregnancy, Birth, and Beyond*. DK, 2004.
- Fullerton J., Kendrick A. Portrayal of Men and Women in U. S. Spanish-Language Television Commercials // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2000. № 77 (1). P. 128–142.
- Goffman E. *Symbols of Class Status* // *British Journal of Sociology*. 1951. № 2 (4). P. 294–304.
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday Anchor, 1959.
- Goffman E. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. Glencoe: The Free Press, 1963.
- Goffman E. *Gender Advertisements*. New York: Harper & Row, 1987.
- Golman E. A. *Zhenskaya telesnost: teoreticheskie podhody i perspektivy sotsiologicheskogo issledovaniya*. PhD dissertation. Higher School of Economics, Moscow, 2015.
- Johns D. P., Johns J. S. Surveillance, Subjectivism and Technologies of Power: an Analysis of the Discursive Practice of High-Performance Sport // *International Review for the Sociology of Sport*. 2000. № 35 (2). P. 219–234.
- Khalsa S. *Yoga for Women*. DK, 2007.
- Kress G. R., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London: Routledge, 1996.
- Mauss M. *Techniques of the Body // Economy and Society*. 1973. № 2 (1). P. 70–88.
- Markula P. The Technologies of the Self: Sport, Feminism, and Foucault // *Sociology of Sport Journal*. 2003. № 20. P. 87–107.
- Markula P. «Tuning into One's Self»: Foucault's Technologies of the Self and Mindful Fitness // *Sociology of Sport Journal*. 2004. № 21. P. 302–321.
- Morgan K. P. *Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies // Hypathia*. 1991. № 6 (3). P. 25–53.
- New Study Finds More Than 20 Million Yogis in U.S. // *Yoga Journal*. 2012. URL: <http://www.yogajournal.com/uncategorized/new-study-finds-20-million-yogis-u-s/> (accessed: 29.11.2014).
- Lea J. Liberation or Limitation? Understanding Iyengar Yoga as a Practice of the Self // *Body and Society*. 2009. № 15. P. 71–92.
- Rail G., Harvey J. *Body at Work: Michel Foucault and the Sociology of Sport* // *Sociology of Sport Journal*. 1995. № 12. P. 164–179.
- Sat Nam Yoga Club URL: <http://www.satnam.ru/> (accessed: 29.12.2014).
- Singleton M. *Yoga Body: The Origins of Modern Posture Practice*. New York: Oxford University Press, 2010.
- Sparrowe L. *The Woman's Book of Yoga and Health: A Lifelong Guide to Wellness*. Shambhala Publication, Inc. 2002.

Vanke A. Muzhskaya seksualnost v diskurse zhurnala Men's Health // Zdorove i intimnaya zhizn: sotsiologicheskie podhody / Ed. by E. Zdravomyislova and A. Tyomkina. SPb: Izdatelstvo Evropeyskogo Universiteta v Sankt-Peterburge, 2011. P. 178–209.

Wascul D., Vannini P. Introduction: Body in Symbolic Interaction // Body / Embodiment. Symbolic Interaction and the Sociology of the Body / Ed. by D. Wascul, P. Vannini. Burlington, VT: Ashgate. 2006.

Well Woman Yoga Training. Welcome to Birthlight. URL: <http://www.birthlight.com/training/wellwoman-yoga-training> (accessed: 29.12.2014).

Wesely J. K. Negotiating Gender: Bodybuilding and the Natural/Unnatural Continuum // Sociology of Sport Journal. 2001. № 18. P. 162–180.

Wolska M. Gender Stereotypes in Mass Media. Case Study: Analysis of the Gender Stereotyping Phenomenon in TV Commercials. 2011. URL: <http://krytyka.org/gender-stereotypes-in-mass-media-case-study-analysis-of-the-gender-stereotyping-phenomenon-in-tv-commercials/> (accessed: 29.12.2014).

«Образовательное пространство детского сада»: концептуализация понятия и методика конструирования его измерений¹

Ольга Савинская*

В статье концептуализируется понятие «образовательное пространство» в дошкольном учреждении, подчеркивается его конституирующая роль в формировании дошкольного образования как профессиональной услуги, предлагается обзор основных измерителей этого комплексного понятия на базе российской и зарубежной литературы. Для описания контекста проведения исследования обосновывается значимость комплексной оценки структурных реформ дошкольного образования последних лет и роли родительского мнения в этом процессе. Эмпирическая часть статьи основана на 30 глубинных интервью с матерями детей-дошкольников, проведенных в г. Москве, в рамках построения модели оценки. На основе нарративных интервью, раскрывающих ценности дошкольного образования и развитие ребенка в детском саду, сформированы основные характеристики родительского понимания образовательного пространства детского сада. Представлена методика разработки суждений для многомерной шкалы на базе качественных данных.

Ключевые слова: образовательное пространство, дошкольное образование, оценка социальной программы, родители как субъекты образовательных реформ, конструктивная валидность, качественные методы, разработка шкалы

Дошкольное образование становится все более приоритетным элементом социальной политики современных государств как на Западе, так и на Востоке. Последние десятилетия отмечается рост инвестиций в эту сферу (Naudeau et al., 2011). Причин этому множество. Наиболее значимые — борьба с бедностью и повышение уровня социальной сплоченности, развитие человеческого потенциала будущей смены (Greenberg, 2007), преодоление конфликта работающей матери (Ильина, 2006), помощь семье с детьми (Ржаницына, 2011, с. 87–88) и, наконец, влияние на рост рождаемости и демографическую политику (Носкова, 2012). Следует также отметить, что рост числа организаций, предоставляющих такие услуги, и рост числа воспитанников демонстрируют то, что не только образование, но и уход за детьми перестает быть частным делом матерей и становится все более открытым, публичным и вместе с тем — профессионализированным, рыночным и, наконец, оплачиваемым (Dahlberg et al., 1999). Эти социальные факторы

¹ Данное научное исследование (№ 14–01–0005) выполнено при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 гг.

* Савинская Ольга, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. savinskaya@gmail.com.

дошкольного образования влияют на переосмысление сложившихся в педагогической практике канонов дошкольного образования, создают новые смыслы, понятия и ценности, учет которых принципиально важен в процессе происходящих структурных реформ.

Активное реформирование дошкольного образования в России поднимает вопрос его успешности. Комплексная оценка изменений невозможна без учета мнений всех включенных субъектов воспитания детей, и в первую очередь — родителей как «общественных заказчиков». Разработка методики родительской оценки стала целью данного исследования. Каким образом родители оценивают качество услуг детского сада? Какие критерии им представляются наиболее значимыми? Учитывая то, что дети находятся в детском саду вне родительского контроля, а сами родители не являются профессионалами дошкольного образования, то в ходе родительской оценки необходимо также выявить, какая часть услуги «видима» для родителей, что является прямыми и косвенными измерителями родительской оценки? Однако эти содержательные исследовательские вопросы сопряжены были с методическими. Какие понятия и концепты могли бы стать сквозными в родительской оценке услуг детского сада, и какие характеристики этих концептов могли бы стать измерителями качества услуги?

Понятие «образовательного пространства» стало для нас одним из базовых для оценки услуг детского сада. Однако в рамках нашего исследования его смысл был «локализован». Во-первых, территориально — отдельно взятым учреждением. Во-вторых, субъектно — одним из участников образовательного процесса — родителями. И наконец, контекстом исследования, — нас интересовало конструирование «образовательного пространства» в применении к нашей цели проекта — разработке родительской оценки качества услуг дошкольного муниципального учреждения.

Обзор литературы

Понятие «образовательное пространство» имеет широкие смысловые коннотации в силу своей относительной новизны. На данный момент имеются абстрактные, теоретические определения, например: «специально организованная педагогическая среда, структурированная система педагогических факторов и условия становления личности» (Беккер, Журавчик, 2009, с. 133). В определениях также указывается сложность, многоуровневость пространства, возникновение в его рамках социальных отношений, сфер влияния, субкультур. Н. В. Гоголев описал 11 типов определений этого понятия: как систему условия для получения образования, сеть образовательных учреждений с общими принципами, среду и социальную инфраструктуру, как пространство совместной жизнедеятельности, взаимодействия агентов, пространственно-временной континуум функционирования определенных отношений, протекания определенных процессов (Гоголев, 2012, с. 232). Вместе с тем следует отметить, что это понятие больше применяется для изучения среднего и высшего образования — в изучении дошкольного образования оно пока применяется редко. В дошкольном образовании, на локальном уровне отдельного учреждения, чаще применяются понятие «предметно-развивающая среда», однако оно оказывается узким для того, чтобы в целом охватить все те практики, с которыми сталкиваются дети в течение дня.

Для «локализации» и «контекстуализации» понятия «образовательное пространство» мы обратились к основным постулирующим документам дошкольного образования — стандартам, которые на данный момент существуют за рубежом и в России.

В середине 2000-х годов в Финляндии, одной из ведущих стран ОЭСР в сфере развития дошкольного образования, был принят новый стандарт дошкольного развития и образования, где в основных определениях указывается на единство трех составляющих образовательной услуги: «Финская педагогика раннего развития сочетает в себе

уход, воспитание и обучение в едином целом, реализующийся в ходе дневных мероприятий. Педагогические принципы раннего развития зависят от возраста детей, элементы ухода, воспитания и обучения имеют разную значимость для разных ситуаций» (National curriculum guidelines, 2004, p. 3). Фокусируя внимание на том, что основной целью дошкольного образования является благополучие ребенка, принцип объединения трех составляющих развивается далее: «ЕСЕС (раннее развитие и уход за ребенком) — это целостный процесс, включающий в себя взаимосвязанные аспекты — уход, воспитание и обучение. Их значимость различается в зависимости от возраста ребенка. Чем младше ребенок, тем большее значение приобретают ситуации, связанные с уходом. Эти ситуации также включают в себя воспитание, обучение и наставничество, что нужно и для благополучия ребенка, и для его образования» (National curriculum guidelines, 2004, p. 16). Развивая этот принцип, выделяются следующие показатели качества услуг: роль воспитателя, развивающая среда, удовольствие от обучения (занимательное обучение), языковое развитие, типы детской деятельности: игра, физическая активность, художественный и артистический опыты и самовыражение, исследование/изучение, вовлеченность родителей, специальная поддержка детей с особыми потребностями.

Развивая стандарты, разработанные в первой половине 2000-х годов, исследователи также предлагают свои разработки методик оценки отдельных аспектов дошкольного образования. В финском вышеупомянутом стандарте образования и ухода выделяются три большие сферы качеств услуги: организация физического пространства, психологический и социальный комфорт окружающей среды (National curriculum guidelines, 2004, p. 3).

Канадский опыт также фиксирует обращение к стандарту объединения образования и принятия единой формулы — ЕСЕС (early childhood education and care), однако, как было показано выше, существует проблема справедливого распределения финансов для провайдеров услуг разной формы (местных, муниципальных, частных, государственных и т.д.), вследствие чего качество услуг также сильно различается (Early Childhood..., 2004).

ЕСЕС-стандарт закреплён в целом в стратегических целях социальных политик стран ОЭСР. В нем определены 5 аспектов качества: качество целей и минимальных стандартов, обучающие стандарты и учебные планы, качество педагогического состава, вовлечение родителей и местных сообществ, сбор данных, исследования и мониторинг. Эти пять направлений рекомендуются как базовые в программах дальнейшего развития дошкольного образования стран-участниц.

Оценивая психологическую и социальную среду детского сада, Е. Прејснер-Фрейнберг и ее коллеги разработали следующие критерии системы оценки (Peisner-Feinberg et al., 2013, p. 10–11):

- эмоциональная поддержка (способность воспитателя поддерживать эмоциональный и социальный климат в группе); она включает такие показатели, как позитивный климат — эмоциональные контакты, негативный климат (проявление враждебности и злости), чувствительность воспитателя (реагирование на потребности детей), уважение и признание точки зрения ребенка;
- организация комнаты/класса (процессы, протекающие в группе, связанные с управлением поведения, времени и внимания детей); сюда включены следующие показатели: управление поведением (насколько успешно отслеживается и перенаправляется поведение детей в группе), продуктивность (как организуется время для достижения максимального результата в обучающей деятельности), форматы обучающих инструкций (насколько хорошо воспитатель способствует вовлечению детей, чтобы максимизировать возможности обучения);

- инструкционная поддержка (каким образом обучающая деятельность позволяет детям развивать познавательные и языковые способности), которая предполагает следующие показатели: развитие понятий (как воспитатель развивает высокие способности мышления), качество обратной связи (насколько хорошо воспитатель задействует в обучении ответы на вопросы), моделирование языка (языковая поддержка).

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОСДО, 2013), недавно разработанный и принятый впервые, в пункте 2.6. выделяет пять направлений развития ребенка: «социально-коммуникативное развитие; познавательное развитие; речевое развитие; художественно-эстетическое развитие; физическое развитие», при этом утверждается вариативность образовательных программ и их соотнесенность с личностью ребенка. Это очень важный принцип, поскольку он дает возможность соединения семейных устоев и практик освоения жизненных навыков частного семейного пространства с тем, что делается публично и в большей степени единообразно в группе сверстников. Декларирование разнообразия в методиках воспитания и индивидуализации траектории постижения знаний — это важный поворот дошкольного образования, который сейчас находит себя в разработке новых образовательных программ (Михайлова-Свирская, 2014; Гамова и др., 2014).

Методология и метод

На этапе полевого исследования для разработки критериев родительской оценки услуг детского сада и формирования концепта «образовательное пространство» как одного из базовых понятий оценки, были проведены 30 глубинных интервью с матерями дошкольников в мае–июне 2014 г. во всех административных округах г. Москвы.

Опрос матерей был вызван и большей вовлеченностью в процесс дошкольного воспитания (Гурко, 2008, с. 197; Савинская, 2014), и, как следствие этого, большей информированностью или же «семантической компетентностью» (Рогозин, 2000). Матери детей оказались более доступными и мотивированными участвовать в данном исследовании. Однако, вместе с тем, мы признаем ограниченность результатов нашего исследования только материнским взглядом и необходимость делать в будущем отдельное исследование по «отцовской оценке» дошкольного образования. Интервью проходили вне стен детского сада, чаще всего в публичных местах, например на детских площадках, вследствие чего можно заключить, что оценки информанток не были смещены влиянием сотрудников детского сада.

Гайд глубинного интервью состоял из нескольких взаимосвязанных частей. Во-первых, соотнесенность с хронологической последовательностью действий, связанных планированием посещения детского сада, процедурами записи и легитимации посещения детского сада, подготовкой к посещению детского сада, началом посещения детского сада и периодом адаптации поступления, изменениями, произошедшими с ребенком после прохождения периода адаптации и регулярного посещения. Этот родительский опыт рефлексии изменений в развитии ребенка уникален, поскольку именно родители (матери) являются полноценными свидетелями всего процесса перехода от домашнего воспитания к смешанному, «многосубъектному» (Сухова, 2011), предполагающему воспитание и дома, и в детском саду. Во-вторых, в гайде частично реализовалась дневная хронология событий типичного распорядка дня: питание, физическая активность, развивающие занятия (академические и эстетическо-художественные), спонтанная ролевая игра, сон, прогулка. В-третьих, в гайде предполагалось

оценить образовательное пространство с точки зрения реализации интересов и намерений всех «акторов», и прежде всего профессионалов образовательного процесса, их активности внутри организации. В рамках изучения пространственных характеристик детского сада оценивалась предметно-развивающая среда (ФГОСДО, 2013) игровой комнаты, так же, как и дополнительное, вспомогательное пространство, например, пространство спален, раздевалок, уличных площадок и степень их безопасности для детей, а также подсобных помещений (для приготовления пищи) и т. д., и уровень их «открытости» для родителей.

Вторая часть исследования предполагала на основании анализа высказываний информанток конструирование суждений для последующего количественного опроса. То есть на этом этапе предполагалось совершить реконструкцию смыслов по следующей транзитивной схеме (Рогозин, 2000, с. 20): прозвучавший ответ → услышанный ответ (конструкты первого уровня) → микро-теория², описанная через программы, или конструкты второго уровня → исследовательские вопросы → анкетный вопрос. При этом мы предполагаем, что будут осуществлены как минимум четыре перехода: коммуникативный, концептуализирующий, интерпретативный и операциональный, соответственно (схема 1).

Схема 1. Транзитивные переходы: от глубинного интервью к анкетному вопросу

Реализация транзакционной схемы позволяет добиться высокого уровня конструктивной валидности будущей шкалы (Батыгин, 1986, с. 67; Рождественская, 2014, с. 17) и показывает взаимосвязь качественной и количественной методологий на процедурном уровне, что в последнее время активно обсуждается в научных дискуссиях по реализации стратегий смешивания методов (Morgan, 2013; Семенова, 2014; Полухина, 2014). Для наших целей следование этой схеме необходимо для создания коммуникативно адекватной многомерной шкалы, основанной на серии суждений, отражающих в сумме комплексную услугу дошкольного образования и присмотра.

Результаты

Анализ транскриптов интервью показал, что матери демонстрируют высокую информированность о большинстве аспектов услуг детского сада, обозначенных в гайде, дают развернутые ответы, приводят примеры из практики.

Матери признают, что процесс подготовки к детскому саду требует времени и усилий по развитию у ребенка первичных навыков самостоятельности и контроля своего поведения во взаимодействии с другими. Однако это оправдывается последующим важным этапом — длительным пребыванием в развивающей среде детского сада с ровесниками. Это создает условия для равноправного общения, а вместе с этим для

² В данном случае «микро-теория» понимается как «substantive theory» в понимании Глезера и Стросса (Glaser, Strauss, 1968).

умения решать конфликтные ситуации, справляться с коммуникативными неудачами, сопереживать другому, уметь его успокоить, делиться с ним, обмениваться, дарить ему мелкие подарки и т. д. Как отмечают родители, развитие навыков самостоятельности — очень важная характеристика подготовленности к детскому саду. Она позволяет менее драматично пройти этап снижения привязанности к матери/отцу: на этапе первых месяцев посещения детского сада остается актуальной задача преодоления эмоциональной привязанности. Умение самостоятельно выполнять ежедневные бытовые и гигиенические процедуры создает у ребенка большую уверенность в себе. Таким образом, по мнению матерей, практики самообслуживания оказываются важной частью воспитательного процесса, влияющими на развитие эмоций, самооценки, успешности коммуникативных стратегий с ровесниками и воспитателями. Однако следует отметить, что федеральный стандарт дошкольного образования почти не уделяет внимание развитию навыков самообслуживания как части воспитательного процесса и не видит в том приоритет для определенного возрастного этапа, оставляя их в сфере «присмотра и ухода». Как отмечалось выше, финский стандарт дошкольного образования, наоборот, соединяет эти два понятия как взаимодополняющие и задает хронологическую закономерность значимости «присмотра и ухода» (National curriculum guidelines, 2004).

По оценкам матерей, образовательное пространство детского сада разнообразно, гибко, динамично в смене обстановки. Они позитивно отзываються об учебных занятиях, также как о мероприятиях по развитию художественно-эстетической сферы ребенка — проведение праздников, подготовка поделок, рисунков. Отмечается, что последовательность обучающих занятий не только позволяет обрести новые навыки, но и учит детей быть собранными, дисциплинированными, уметь переключать внимание. Решающую роль здесь играют воспитатели. Профессионализм воспитателей родители видят в умении создать эмоциональный комфорт детей, это качество они маркируют «любовью к детям», умением быть «второй мамой». Воспитатели — это главные акторы создания образовательного пространства детского сада, но и не только они. В нарративах также прорисованы роли других участников образовательного процесса: музыкальных руководителей, инструкторов по физкультуре, методистов, охранников и младших воспитателей. Отдельное внимание уделяется работе поваров дошкольного питания.

Образовательное пространство, то особенное, профессионально организованное в пространстве детского сада, что ценят родители, оказывается шире «предметно-развивающей среды» ФГОСДО (2013). Сюда также входят и процедуры по самообслуживанию, и триада — «прогулка, питание, сон», маркированная в нормативно-правовых документах (СанПиН, 2013) как «содержание ребенка» или же «присмотр». Для родителей также очевидна смысловая связка «уход-присмотр-воспитание». Полнодневный режим детского сада также воспринимается матерями как институциональная возможность восстановления их профессиональной занятости. Родительские нарративы в этом отношении континуальны, время пребывания ребенка не делится на «обучение», «воспитание», «присмотр и уход». Жизнь в детском саду — это целостный процесс, каждая минута которого несет в себе воспитательный момент, если для этого созданы условия, воплощенные в «образовательном пространстве».

Построчное и последующее фокусное, осевое кодирование (Charmaz, 2006) затронутых в нарративах родителей аспектов «образовательного пространства» детского сада привело к построению следующей сетки категорий (см. таблицу 1). В таблице приведены выборочные фрагменты цитат для иллюстрации сформированного дискурса обыденных смыслов, которые наполняют каждую категорию, дают эмпирическую почву для концептуализации.

Категории, характеризующие концепт «образовательное пространство»

Цитаты из интервью	Категории
<p>«Ну, конкретно готовить, что он пойдет в детский сад, такой программы у меня не было (смеется). То, что он должен одеваться, раздеваться, уметь себя обслуживать, есть. Ну это естественно, я его обучала самостоятельной еде, держать ложку... раздеваться, одеваться, чистить зубы. Ну это процесс естественный» (инт. 2).</p> <p>«Пришла часа на полтора, довольная: игрушки, новые знакомства. Новые дети. «Мама. Все хорошо, все замечательно. Хочу еще, не забирай меня из садика». И так недели 2 отходили. По полдня, до обеда, потом на сон. И потом на полный день. Не было проблем с адаптацией» (инт. 4).</p>	Подготовка и адаптация к «образовательному пространству» детского сада
<p>«Мне нравится, да. Ну, если у кого-то есть образование и возможность собрать их в кучу, показать им что-то, чтобы они слушали. Плюс это общение. В их возрасте во дворе практически никто не гуляет уже. Ну вот 1–2 человека, им не хватает общения. Старшей 5 лет, а во дворе играют маленькие. А им нужна игра» (инт. 7).</p> <p>«Ребенок изменился очень в лучшую сторону. Он стал более собранным, лучше стал ладить с детьми» (инт. 15).</p>	Общение и возможности для спонтанных игр со сверстниками
<p>«Ну это то, что посторонние люди, как минимум, не могут туда пройти, то, что дети безопасно здоровью, в том плане, что питание безопасное, что они не навредят себе. Потом, на площадке безопасно и сами они никуда не удерут — это тоже безопасно. То есть безопасность для здоровья и какая-то внешняя безопасность она присутствует в детском саду. Надежно, я спокойна за ребенка» (инт. 10).</p> <p>«Чтобы ничего не угрожало здоровью, чтобы не было таких сооружений, чтобы был соблюден санитарно-эпидемиологический режим, чтобы не было крыс на территории. У нас даже голубей как-то нет, почему-то не залетают. И в группе вот эти кровати тоже придумали, это очень плоско, без острых углов, они задвигаются в такие ровные шкафчики, ровная поверхность, ковры на полу, столики у нас все полукругом, стульчики полукругом, нет углов острых, меня это устраивает» (инт. 15).</p>	Безопасность
<p>«Если мы не успеваем, я звоню бабушке, она забирает до шести. Если я могу подъехать в 6.30, то все равно она забирает. Еще вот надо сказать, что это единственный садик, вот мы пришли, и мне воспитательница (которая мне больше всех нравится) сказала, что садик работает до семи, оставляйте спокойно до семи. А всегда наоборот говорят. Забирайте быстрее...» (инт. 3, продолжение).</p> <p>«В нашей ясельной группе вот что было: пытались детей как можно раньше «спихнуть» на родителей, просили.</p>	Режим дня/режим работы матери

Цитаты из интервью	Категории
<p>Несмотря на то, что сад работает до семи часов вечера, просили забирать максимум в 2–3 часа дня. Даже не просили, а настаивали на этом. Ну, естественно, большинство мамаш с этим соглашались. Они сидят дома. Ну, в основном, ясельная группа, это когда мамы-бабушки сидят дома и имеют возможность забирать. Нам приходилось изгачаться» (инт. 6).</p> <p>«Ну, в восемь я их привожу, у них завтрак. Одинаково завтрак. Поскольку теплое время года, они гуляют. С 10.30 может до 11.30. ну, у маленьких обед пораньше. У старших попозже. И кладут всех спать. Их, по-моему, особо не будят на полдник, потому что воспитатели сами устают. Ну как проспятся, так и проспятся (смеется). Потом гуляют» (инт. 3).</p>	
<p>«Но это как-то наши воспитатели сами организывают, но получается у них очень хорошо, потому что мой сын очень хорошо дома отзывается о воспитателях, он очень быстро запомнил, как их зовут, это тоже для меня показатель, что это не просто тетя, вот Елена Николаевна. И вот сейчас у нас прошла фотосессия групповая, и он с удовольствием смотрит фотографии: «Покажи мне Елену Николаевну, какая она красавица». Чувствуется, что между ними контакт налажен очень хороший» (инт. 15).</p> <p>«У нас всегда утром веселая музыка играет, они делают зарядку. Они приходят всегда с улыбкой. Стараются просто поднять настроение сразу ребенку, чтоб тот не расстраивался» (инт. 26).</p>	Эмоциональный комфорт
<p>«Воспитатели играют на улице, работают, я их из окна вижу, у меня дом напротив. Я не знаю, как эти игры называются, но они с ними водят и хороводы, и какая-то игра, вот они встают в хоровод, один ребеночек выбегает, бежит за другим, то ли собачки, то ли еще как-то называется, не знаю. Но они играют постоянно» (инт. 15).</p> <p>«Они любят играть в бадминтон, «вышибалы», «Царя горы». Разные подвижные игры» (инт. 25).</p> <p>«Им регулярно делают прививки, соответствующие их возрасту. У нас сад привязан к поликлинике, поэтому мы практически не ходим в поликлинику, специалисты оттуда сами приходят в сад и заполняют карту» (инт. 9).</p>	Уход за ребенком и физический комфорт
<p>«Меню вывешено в раздевалке в специальном месте. Вечером, когда я прихожу, там уже висит меню на следующий день. До определенного года детей плохо очень кормили. Была проблема с кашами, супов было очень мало, и тогда мамы вышли на пикет с просьбой поменять детское меню. Наше правительство их услышало и, по-моему, с нового года (12 или 13) поменялось меню. ... Вернули каши, мясо, яйца, супы. И я, в общем, довольна» (инт. 2).</p>	Питание

Цитаты из интервью	Категории
<p>«У нас пятиразовое: завтрак, второй завтрак, обед, полдник и ужин. Но мы пропускаем завтрак и ужин, мы аллергики. К сожалению, все на коровьем молоке. У нас повар, повар готовит сам все, то есть вплоть до того, что тесто для булочек не из смеси, не знаю, как я понимаю, это в нашем детском саду такая особенность этого питания. Я сама пробовала, достаточно вкусное. Но дети привередливые, они не все едят» (инт. 18).</p>	
<p>Интервьюер: Вы следите за тем, какие занятия проходят? Например, с логопедом. Респондент: Ну, я их не вижу, я вижу результат. Я вижу, что ребенок стал нормально говорить. Результатом я довольна. Ну, что там идет, я не знаю, ну ребенок иногда рассказывает. Там что-то приближенное к школе. Ну это и так видно, что там доска, воспитатели занимаются с ними как учителя, разные темы затрагивают, конкурсы разные. Интересно (инт. 1).</p>	<p>Обучение и подготовка к школе</p>
<p>«Поменялся музыкальный руководитель, и программа довольно обширная, и много стихов дают учить. Разнообразно и очень нравится. Праздников много у них: и день победы, и 8 марта и 23 февраля и новый год, соответственно. И масленица и что-то еще. Их довольно много» (инт. 2). «Да, у нас очень неплохой педагог, такой... советской закалки еще тетенька. На фортепиано она играет, праздники, утренники у нас. Кроме обычных праздников у нас еще праздник весны, праздник осени, праздник мамы проходит. Здесь да, очень интересно все организовано. Вот последний праздник, когда у меня ребенок уже более осознанный был, это как раз праздник весны. Ну, вообще шикарно было. Она их обучила танцам, песенкам, стишки они читали, рассказывали. Плюс импровизация была. Ну у меня ребенок периодически приходит, показывает какие-то новые движения, какие они выучили» (инт. 6).</p>	<p>Развитие музыкальных и художественных способностей</p>
<p>«Ну там тоже ритмика есть. Бассейн есть. Там правда по желанию, хочешь водишь, хочешь — нет» (инт. 1). «У нас и семейные праздники и спортивные. У них была олимпиада одновременно с Олимпиадой в Сочи, масленица. День здоровья осенью на улице. У них есть спортплощадка на улице. Играют в разные подвижные спортивные игры» (инт. 4).</p>	<p>Физическое развитие и физическая активность</p>
<p>«Да, они их потом выставляют в раздевалке сверху шкафчиков в специально отведенных местах, к тому же есть много стендов. Все рисунки, которые они там делают, аппликации можно забрать, посмотреть. И регулярно это все обновляется, то есть не раз в полгода» (инт. 2).</p>	<p>Открытость общения с родителями и возможность участия родителей</p>

Цитаты из интервью	Категории
<p>«Воспитатели постоянно идут на контакт, разговаривают. Я когда прихожу, спрашиваю. Они могут 10–15 минут говорить, сколько мне необходимо для общения, столько они и уделяют» (инт. 6).</p> <p>«Есть такая возможность. У родительского комитета есть возможность. Они могут прийти и проконтролировать процесс готовки (если у родителей есть санитарная книжка, их допускают на кухню), заведующая не препятствует» (инт. 4).</p>	
<p>И.: Есть из каких-то неблагополучных, богатых семей? Р.: Богатые, мне трудно сказать насчет богатых, все мы разные, то есть у всех разные понятия насчет богатства. А вот что там какие-нибудь неухоженные дети — такого вообще нет, то есть все детки прям аккуратненькие, чистенькие, воспитанные, и всех родителей я как бы периодически встречаю — все к деткам относятся очень внимательно.</p> <p>И.: Есть ли других национальностей дети? Р.: Что-то, я сейчас так подумаю... Мне кажется, в нашей группе нет. Мне так кажется. По крайней мере, чтобы резко было заметно, нет (инт. 18).</p>	Терпимость к социальным различиям

Таким образом, изучив транскрипты интервью и разработав сетку кодов и категорий, были выделены следующие аспекты работы детского сада, которые могут быть поняты и оценены родителями, и прежде всего матерями. Это: адаптация в первые дни посещения; общение и спонтанные игры со сверстниками; безопасность; режим дня; эмоциональный комфорт; уход за ребенком и физический комфорт; питание; обучение и подготовка к школе; развитие музыкальных и художественных способностей; физическое развитие и физическая активность; открытость общения с родителями и возможность участия родителей. Выделенные категории в дальнейшем были операционализированы в серию суждений для табличного вопроса типа кафетерия Лайкерта (табл. 2). В дальнейшем разработанные суждения будут применены в количественном исследовании после изучения консистентности шкалы.

Таблица 2

Серия суждений, характеризующих «образовательное пространство» для применения в оценке услуг детского сада

Общение и возможности для спонтанных игр со сверстниками	Самое главное умение, которому научился мой ребенок в детском саду, — это умение общаться со сверстниками
	Мой ребенок справляется со всеми конфликтами, возникающими между сверстниками в детском саду
	Мой ребенок любит играть и часто играет в ролевые и другие спонтанные игры в детском саду

Режим дня (время и пространство детского сада)	Пространство в детском саду удобно организовано (спальня, игровая, раздевалка, спортзал и т. д.)
	Меня полностью устраивает режим работы детского сада
	Мой ребенок любит тихий час
Физическое развитие и физическая активность	Мой ребенок много двигается в детском саду
	Мой ребенок гуляет в детском саду каждый день
	В нашем детском саду хорошо организованы спортивные занятия и прекрасный учитель физкультуры.
	В детском саду всегда внимательно относятся к состоянию здоровья моего ребенка
Питание	Моему ребенку нравится еда в детском саду
	Меню детского сада разнообразное и дополняет домашнее питание ребенка
	Для меня важно, что я всегда могу прочитать меню на день
Эмоциональный комфорт	Для меня важнее эмоциональный комфорт ребенка в течение дня, нежели большое количество обучающих занятий
	В детском саду мой ребенок чувствует себя как дома
	Чаще всего, мой ребенок не хочет уходить из детского сада
Развитие музыкальных и художественных способностей	Я всегда рассматриваю и обсуждаю с ребенком поделки, которые выставлены в раздевалке группы
	Подготовка и выступление на праздничных утренниках очень важны для развития моего ребенка
	В нашем детском саду много дополнительных обучающих занятий
Обучение и подготовка к школе	В нашем детском саду много бесплатных занятий по основной программе обучения
	Для меня очень важно, что в нашем детском саду есть сильные образовательные программы по подготовке к школе
	Я знаю, по какой образовательной программе воспитатели проводят подготовку к школе в нашей группе
Безопасность	В детском саду ребенок чувствует себя в полной безопасности
	Я доверяю охраннику(-ице) детского сада
	На детских площадках садика детям комфортно играть
Терпимость к социальным различиям	Я никогда не обсуждаю с ребенком, насколько богаты родители детей из группы детского сада
	В группе дети доброжелательны к сверстникам другой национальности
Открытость среды для участия родителей	В нашем садике бывают мероприятия, в которых участвуют родители
	Воспитательницы в детском саду отзывчивые и с ними всегда легко обсудить любые проблемы
	В нашей группе дружные родители, мы часто общаемся друг с другом

Заключение

Услуга дошкольного образования — это сложный комплексный процесс. Для его оценки необходимо учитывать мнение всех включенных субъектов образовательного процесса, среди которых родители занимают одну из ведущих позиций как главные «заказчики» этой услуги. Результаты исследования показывают, что, несмотря на отсутствие родителей в дневные часы, у них имеется множество косвенных источников информации, позволяющих им комплексно оценивать ситуацию в детском саду. С другой стороны, для выполнения принципа целостности оценки необходимо применение объединяющих сложных понятий. В нашем случае таким «зонтичным понятием» стало «образовательное пространство детского сада».

Детальный анализ дискурсов родительских нарративов выявил родительские ценности дошкольного образования и, в частности, образовательного пространства детского сада, а также профиль родительских компетенций и уровень вовлеченности в жизнедеятельность детей в детском саду. Выявленные в процессе анализа транскриптов родительские смыслы и ценности локального образовательного пространства, отраженные впоследствии в разработанных суждениях для построения шкалы, в целом демонстрируют систему критериев, заложенных в федеральный стандарт дошкольного образования. Однако более внимательное изучение мнений родителей показывает, что они воспринимают ценность образования в детском саду значительно шире.

Следуя принципам оптимизации экономики дошкольного образования, ФГОСДО в большей степени сфокусирован на дошкольном обучении. Для родителей же особую ценность представляет не только обучение, но и полудневное и постоянное воспитание ребенка в контексте выполнения рутинных действий, кроме различных аспектов социализации, где главенствующую роль играет умение общаться и разрешать конфликты между сверстниками. Сюда также входит эмоциональный комфорт ребенка при умелом управлении эмоциональным фоном общения, спонтанные игры детей, также как и воспитательная функция выполнения рутинных практик по уходу за самим собой, приводящая к физическому и физиологическому комфорту ребенка. Все это включается в концепт «образовательное пространство», сконструированный нами с точки зрения родительского представления о качестве услуги детского сада. Выявленное расхождение между пониманием ценностей услуг детского сада поднимает вопрос о необходимости возвращения к общественным дискуссиям о роли присмотра и ухода в воспитательном процессе, концептуальной неразрывности этих понятий, также как и о роли воспитания в дошкольном образовании в целом.

Литература

- Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
- Беккер И. Л., Журавчик В. Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Общественные науки. 2009. № 12 (16).
- Гамова С. Н., Герасимова Е. Н., Деркунская В. А. и др. Успех. Примерная основная общеобразовательная программа дошкольного образования. / Под науч. рук. Н. В. Феединой. М.: Просвещение, 2014.
- Гоголев Н. В. Категория «образовательное пространство» как объект научного исследования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1–2. С. 230–237.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
- Ильина М. А. Детский сад как механизм реализации «контракта работающей матери» (на материалах Санкт-Петербурга) // Общественная экспертиза процесса трансформации системы дошкольных учреждений / Отв. ред. О. Б. Савинская. СПб.: ЛЕМА, 2007.

Носкова А. В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60–70.

Полухина Е. В. Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках: от методологического плюрализма к 3-х парадигмальному континууму: Сб. науч. статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности», 12–13 декабря 2014 г. / Под ред. Н. Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов; Вариант, 2014. С. 137–142.

Ржаницына Л. С. Молодые семьи с детьми: кто такие, как живут, чего хотят // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 85–94.

Рождественская Е. Надежность качественных исследований и качество данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 8. С. 16–29.

Рогозин Д. Когнитивный анализ опросного инструмента // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 18–70.

Савинская О. Б. Значимость услуг детского сада как социального института // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6. С. 165–173.

Семенова В. В. стратегии комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 8. С. 5–15.

Сухова А. С. Услуги по уходу за детьми: масштабы и факторы потребления российскими семьями // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 473–494.

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования // Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». URL: <http://bda-expert.com/2014/01/federalnyj-gosudarstvennyj-obrazovatelnyj-standart-doshkolnogo-obrazovaniya-minobrnauki/> (дата обращения: 27.04.2015).

Charmaz K. Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London: Sage Publication, 2011 (2006).

Dahlberg G., Moss P., Pence P. Beyond Quality in Early Childhood & Care: Postmodern Perspectives. London: Palmer Press, 1999.

Early Childhood Education and Care Policy. Canada. Country Note. OECD Directorate For Education. 2004. URL: <http://www.oecd.org/education/school/33850725.pdf> (accessed: 27.03.2014).

Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Chicago: Aldine, 1968.

Greenberg M. Next Steps for Federal Child Care Policy // The Next Generation of Antipoverty Policies. 2007. № 17 (2). P. 73–96. URL: <http://www.princeton.edu/futureofchildren/publications/journals/article/index.xml?journalid=33&articleid=67> (accessed: 27.03.2014).

Kimiko T., Lowry D. Mental Well-being of Mothers with Preschool Children in Japan: The Importance of Spousal Involvement in Childrearing // Journal of Family Studies. 2013. № 2 (19). P. 185–195.

Morgan D. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. London: Sage Publications, 2014.

National Curriculum Guidelines on Early Childhood Education and Care (ECEC) in Finland, 2004. URL: https://www.thl.fi/documents/605877/747474/vasu_english.pdf (accessed: 27.03.2014).

Naudeau S. S., Kataoka N., Valerio A., Neuman M. J., Elder L. K. Investing in Young Children an Early Childhood Development Guide for Policy Dialogue and Project Preparation. Washington: The World Bank, 2011.

Peisner-Feinberg E. S., Schaaf J. M., Hildebrandt L., La Forett D. R. Quality and Characteristics of the North Carolina Pre-Kindergarten Program: 2011–2012 Statewide evaluation. Chapel Hill: The University of North Carolina, FPG Child Development Institute, 2013. P. 10–11.

Полевые исследования

Энигма, враг или амиго?: роль аттитюдного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов

Алиса Толстокорова*

Целью данной работы является анализ миграционного опыта украинцев через призму аттитюдного и гендерного факторов, рассматриваемых в контексте как микро-практик, так и макро-динамики повседневного социального взаимодействия гостевых работников с представителями принимающих обществ. Для этого ставится более узкая задача выявления этнически маркированных и гендерно-стереотипизированных аттитюдных моделей, с которыми приходится сталкиваться украинским гостевым работникам во время работы за рубежом, а также идентификация их влияния на качество взаимоотношений с представителями принимающих сообществ.

Ключевые слова: украинская трудовая миграция, аттитюдный фактор, стереотипы этничности, стереотипы маскулинности, стереотипы феминности

Введение

«По одежке не встречают, по уму не провожают» — так можно перефразировать известную поговорку, чтобы отразить отношение к чужакам в современном глобализованном мире с его вызовами мультикультурности. Как показывают исследования (Jasinskaja-Lahti et al., 2006; Todorova et al., 2010; Ward et al., 2011), значимым аспектом конструирования опыта зарубежного трудоустройства трудовых мигрантов является отношение к ним со стороны местного населения, т.е. аттитюдный фактор. В данной работе он понимается как склонность индивидов реагировать благоприятным или неблагоприятным образом на некий объект, лицо, институт или событие, варьирующаяся по степени благоприятности или неблагоприятности в отношении различных аспектов окружения индивидов. Восприятие мигрантов и реакция на них со стороны коренных жителей может определяться как групповыми особенностями гостевых работников — географическим происхождением, плотностью концентрации в той или иной местности и ее характером (городская или сельская), степенью интегрированности в принимающее общество, так и индивидуальными характеристиками (возраст, пол, уровень образования, область занятости и т. д.) (Hood, Morris, 1997; Card et al., 2005; Kehrborg, 2007; Berg, 2010; Ward et al., 2011). Гендерный фактор является подоплекой специфических вызовов, с которыми приходится сталкиваться гостевым работникам во время работы за рубежом, поскольку одним из важных организующих

* Толстокорова Алиса, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь. alicetol@yahoo.com.

факторов «мигрантскости» является процесс конструирования моделей феминности и маскулинности, восприятие которых может существенно отличаться в культурах обществ исхода и назначения миграции (см. Berg, 2010). Поэтому изучение данных аспектов зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов является *актуальной научной проблемой*. Однако, в то время как аттитюдные реакции на иммиграцию с точки зрения населения принимающих стран уже давно привлекают внимание исследователей, восприятие их самими мигрантами является неизученной научной проблемой. Это объясняет *цель* данной работы, направленной на выявление аттитудных моделей в отношении населения принимающих стран к украинским трудовым мигрантам, рассматривая их через призму гендерного фактора в контексте как микро-практик, так и макро-динамики повседневного социального взаимодействия гостевых работников с представителями обществ назначения. Социальное взаимодействие понимается здесь в терминах интеракционистского подхода Эрвина Гоффмана (Гоффман, 2009), трактующего этот концепт как разновидность событий, происходящих благодаря взаимному физическому присутствию и предполагающих внешние знаки вовлеченности. Специфика социального взаимодействия между мигрантами и местным населением предопределяется особенностями межэтнического взаимодействия этнического меньшинства с этническим большинством. При этом социокультурные аспекты межэтнического взаимодействия служат локусами идентичности мигрантов и предопределяют спектр аттитудных реакций во взаимоотношениях между ними и местным населением.

Аналитическим инструментом, используемым для изучения аттитудных моделей, формирующихся при социальном взаимодействии украинцев с местным населением в принимающих странах, является понятие «стереотип» как неотъемлемый элемент общественного сознания. Он понимается вслед за И.С. Коном (Кон, 1994) как концепт, аккумулирующий некий стандартизованный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогающий ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляющий его поведение. Стереотип может быть истинным и ложным. Он может вызывать и положительные эмоции, и отрицательные. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной социальной группы к определенному явлению.

Эмпирическая база исследования: полевое исследование для данной работы является одним из компонентов многоэтапного транс-дисциплинарного проекта, направленного на изучение гендерных аспектов постсоветской украинской трудовой миграции, или «заробитчанства» — явления, которое, по словам экспертов, стало для многих украинцев не только стилем жизни, но и образом мысли и «групповой экзистенциальной культурой». На первом этапе (начиная с 2003 г.) проводилось выборочное включенное и невключенное наблюдение за целевой группой, ставшее возможным благодаря участию автора в научных проектах в странах Евросоюза. Это предоставило возможность непосредственного общения с работающими там соотечественниками и участия в деятельности их объединений и общественных организаций.

Летом 2008 г. были организованы глубинные интервью и дискуссия в фокус-группе с 25-ю украинскими экспертами по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т. д.

В течение 2007–2013 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и во Львове проводились полужформализованные интервью с мигрантами и членами их семей (31 женщина и 12 мужчин разных возрастных групп). Методологическая стратегия исследования включала опрос респондентов, имевших опыт

работы за границей в прошлом, приехавших из-за границы навестить родных, а также тех, кто находился дома между циркулярными поездками на заработки за рубеж. Ряд интервью проводился в телефонном режиме, посредством интернет-программы skype и электронной почты. Имена респондентов в тексте изменены. Методологическим инструментом исследования являлся дискурс-анализ как метод описания смыслов, позволяющий эксплицировать картину мира респондентов (Варшавер, Рочева 2015, с. 323).

Аттitudные модели на основе стереотипов этничности

Этнические/национальные стереотипы, основанные на делении на «своих» и «чужих», традиционно являются частью обыденного сознания, отражая представления нации о самой себе или о другой, как правило, очень пристрастные (Филошкина, 2005, с. 142). Это в первую очередь относится и к образу мигранта как обобщенного «социального другого», формируемого прежде всего средствами массовой информации и анти-иммигрантской политической риторикой (Гасанов, 1994; Андреева, 2004; Мукомель, 2005; Стрельцова, 2005; Скребцова, 2007; Дробижина, 2013; Spoonley, 2003; Malinkin, 2013). Эти стереотипы могут носить как положительные, так и отрицательные коннотации, но независимо от страны трудоустройства уже сам «ярлык мигранта» (Абашин, 2014, с. 80) предполагает настороженное отношение к гостевым работникам как к «чужакам», ассоциирующимся в сознании местного населения прежде всего с негативными сторонами социальных сдвигов, с разрушением привычных ценностей и отношений (Померанц, 1994).

Несмотря на неоднозначное отношение к мигрантам в принимающих обществах, во многих из них сформировалось стойкое позитивное отношение к украинцам как желаемым гостевым работникам, поскольку в своей массе они отличаются трудолюбием, толерантностью, способностью к быстрой адаптации в незнакомой среде (Николаевский, 2007, с. 124). В экспертных интервью также неоднократно подчеркивалось, что украинцы в целом пользуются положительной репутацией у зарубежных работодателей и стереотипное представление о них зиждется на таких качествах, как высокая работоспособность, дисциплинированность, образованность, высокий уровень бытовой и общей культуры:

«Эти люди создают положительный имидж Украины, потому что те, кто туда едут, это прежде всего очень трудолюбивые люди, люди с высоким уровнем духовности. И даже итальянцы, когда их официальные лица сюда приезжают, они говорят, что украинцы, которые работают в Италии, они привносят духовность в итальянское общество, которой Италии так не хватает» (эксперт по вопросам миграции аналитического центра)» (28.06.2008).

Благодаря таким аттitudным моделям в принимающих обществах сформировался «спрос на украинцев» (Марков, 2009, с. 82). Так, в Португалии, являющейся основной страной назначения мужской миграции из Украины, отмечается потребность в украинских рабочих, славящихся мастерством строителей. Здесь даже бытует поговорка, что легче научить украинца говорить по-португальски, чем научить португальца строить так же хорошо, как это делают украинцы. В России, по мнению местных экспертов, приток мигрантов из Украины отвечает представлениям и ожиданиям населения, которое испытывая неприязнь к мигрантам из центральной Азии, приветствует присутствие русскоговорящей, пророссийски настроенной украинской рабочей силы на российском рынке труда (Чудиновских, 2014).

Однако, как это ни парадоксально, положительные коннотации, связанные с образом украинских гостевых работников, могут иметь неблагоприятный эффект для их взаимоотношений с местным населением, поскольку такие их качества, как трудолюбие, добросовестность и дисциплинированность могут интерпретироваться как индикатор высокой эксплуатируемости, чем пользуются работодатели, а сами мигранты немало страдают. Как заметила в неформальной беседе эксперт по вопросам миграции: *«На африканцах далеко не уедешь, где сядешь — там и слезешь, а вот на украинцах [можно ездить] — сколько угодно. А кто везет, того и погоняют»* (23.04.2012).

Кроме того, в общественном сознании принимающих обществ широкое распространение получает аттитудный негативизм, базирующийся на ксенофобии и нетерпимости по отношению к мигрантам. Мигрантофобию как «причудливое последствие» «психологии осажденной крепости» (Паин, 2014), свойственной современному «веку миграции», ощущали информанты проекта, подчеркнувшие, что этот фактор существенно осложняет положение украинцев в странах трудоустройства, создавая им негативную «социальную репутацию». Вот что сказал в интервью информант Денис, 42-летний преподаватель вуза, ездивший на заработки в российскую столицу: *«Москва никого не ждет, никого не гонит. Но второсортность ощущается. Даже не второсортность... мы здесь не второй и даже не третий сорт, а тридцать третий. Пока не научился говорить «а» по-московски, только тогда отношение стало меняться»* (11.07.2012).

Субъективные впечатления информанта, озвученные в данном интервью, подтверждаются социологическими исследованиями динамики отношений россиян к украинцам и украинцев к россиянам, свидетельствующими об очевидном аттитудном дисбалансе между двумя народами (Дацюк, 2014). С одной стороны, начиная с 2008 г., отношение украинцев к россиянам отличается стабильностью. В то время приблизительно от 80 до 88% украинцев хорошо относились к россиянам, и это отношение было фактически неизменным на протяжении последних лет, ухудшившись лишь во время известных событий конца 2013–2014 гг.: сначала до 82% в ноябре 2013 г., а потом до 78% в феврале 2014 г. (Динамика отношения..., 2014). С другой стороны, в марте 2008 г. лишь 50% россиян относились к украинцам положительно, причем такое отношение постоянно ухудшалось (Мищенко, 2013): в январе 2015 г. эта цифра упала до 24% (Левада-Центр, 2015).

Наличие аттитудного дисбаланса между российским и украинским информационным пространством подтверждали и другие информанты. Так, Игорь, житель небольшого курортного города на юге Украины и профессиональный музыкант, во время гастрольных подработок в российской столице в середине 2000-х годов остановился у своих украинских знакомых, проживавших в коммунальной квартире в центре Москвы. Аттитудный негативизм по отношению к украинцам, проявившийся в близком социальном взаимодействии на уровне бытового общения с россиянами-соседями по квартире, заставил его пересмотреть отношение не только к россиянам, но и к собственной этнической идентичности: *«Ну ты же отлично знаешь, мы все тут говорим по-русски, считаем себя русскими, я сам себя всегда воспринимал исключительно как русского. Но после этого [поездки в Москву] — все! Я не-на-ви-жу этот народ. Я не хочу, чтобы меня считали русским»* (22.06.2013).

Возможно, недоброжелательное отношение к гостю российской столицы, так негативно повлиявшее на собственную аттитудную реакцию информанта, частично объясняется сугубо московской спецификой, поскольку многие приезжие, особенно гастрарбайтеры, в Москве ощущают враждебность окружения, в котором сложно завести настоящих друзей (Weine et al., 2013, p. 68). С другой стороны, аналогичные сентенции звучали и в других интервью, где «фактор чужого» проявился в совсем ином контексте. Практически теми же словами сформулировал свое отношение к россиянам

информант-харьковчанин, 8 лет проработавший на квалифицированной работе в Канаде, где он женился на москвичке. Трансграничные семейные отношения с московской родней супруги сформировали у него стойкий аттитюдный негативизм по отношению к их стране, нации и культуре в целом, с которой русскоязычный информант отказался себя ассоциировать. Поэтому в данном контексте не следует исключать влияния факторов, на которые обращают внимание российские исследователи. В частности, И. С. Кон указывает, что предубеждения против «чужаков», укоренившиеся в российском обществе и превратившиеся в норму общественного поведения, сознательно используются для разделения людей, отвлекая их внимание от коренных социальных проблем и тем самым помогая господствующим классам удерживать свою власть над ними (Кон, 1998). Это согласуется с утверждением Л. М. Дробижевой о том, что отношение к мигрантам практически никогда не бывает связанным только со встречей с чем-то новым, непривычным. Оно формируется в связи с конкретными интересами заинтересованных людей или групп. Мифы или какие-то характерные особенности, идущие от исторических описаний, входящие в стигматизацию групп, конструируются силами, которые в этом заинтересованы (Дробижева, 2013). Украинские эксперты отмечали, что особую роль в этом играют средства массовой информации: *«Уже более 10 лет СМИ формирует негативное отношение к мигрантам. Это связывается с проституцией, торговлей людьми и т. д. (эксперт по вопросам миграции и диаспоры)» (01.07.2008).*

Аттitudные модели на основе стереотипов маскулинности

В средствах массовой информации трудовая миграция подается преимущественно с позиций маскулинной идеологии: как «сугубо мужское дело» (UNIFEM, 2009, р. 5), ассоциирующееся как с позитивными, так и с негативными маскулинными качествами: склонностью к риску, преодолением опасностей и проявлением мужественности наряду с грубостью, криминальностью, вирильностью, насилием и т. д. Тем самым в общественном сознании создается искаженное представление о трудовой миграции как о «спектакле маскулинности» (Гладарев, 2007).

Однако, по данным полевого исследования, в отношении украинцев в принимающих странах преобладают аттitudные модели, основанные скорее на стереотипе «девальвированной маскулинности» (см. Толстокорова, 2014). Исследования показывают, что в Западной Европе и Северной Америке украинские гостевые работники чаще всего ассоциируются с мафией, проституцией, гендерным насилием (Європа без бар'єрів..., 2012). Информанты указывали на то, что господствующая в представлении западноевропейцев аттitudная ассоциация постсоветских мужчин со злоупотреблением спиртными напитками и алкоголизмом не лишена оснований. Проведенное чешскими специалистами социологическое исследование состояния здоровья постсоветских мигрантов, в том числе украинцев, свидетельствует о том, что в сравнении с местным населением они намного чаще курят и употребляют алкоголь (Dobiasova, Hnilicova, 2010). В интервью газете «Украина молодая» украинский разнорабочий в Барселоне рассказывал: «Кое-кто спивается. Скажите, как он может удержаться, когда в день зарабатывает на 80 литров вина? А люди сами, без контроля семьи, так вот каждый день устраивают гулянки по разным поводам. Иногда меня просили — пойдём в «Вестерн Юнион», вышлём деньги в Украину, а то я сам не донесу. И я многих водил, как малых детей» (Косинська, 2008).

Информанты указывали на то, что к злоупотреблению спиртными напитками мигранты прибегают как к средству борьбы со стрессами и одиночеством. Это подтверждается исследованиями, показывающими, что хотя эмоциональные переживания мужчин-мигрантов редко предаются огласке, они, безусловно, также страдают, а их стратегии эмоциональной защиты могут иметь даже более самодеструктивный эффект,

чем у транснациональных матерей (Carlin et al., 2012, p. 195). Однако, в силу распространенного в обществе гендерного стереотипа, предполагающего, что мужчина должен быть сильным, заботиться о семье и по умолчанию просто не может быть пострадавшим, мужчины не хотят признавать себя таковыми и остаются один на один с проблемами, которые проявляются в депрессиях, конфликтах, зависимостях и т. п. (Климчук, 2011, с. 22; IOM, 2008, p. 11). Чаще всего эмоциональное напряжение, одиночество, психологические комплексы из-за несоответствия принятым нормам маскулинности получают выход в злоупотреблении алкоголем и неупорядоченных половых связях (Pribilsky, 2004; Worby, Organista, 2007; Schmalzbauer, 2005).

Информант Петр (49 лет), трудившийся разнорабочим в странах Евросоюза, рассказал, что к стереотипному образу алкоголиков украинские мужчины присовокупили репутацию мелких воришек спиртного. Он поделился наблюдениями о тех ухищрениях, к которым прибегают наши соотечественники за границей, чтобы бесплатно и безнаказанно наслаждаться дегустацией самых дорогих и изысканных напитков в винных отделах супермаркетов, не подозревая, что за их «тайными» действиями не только пристально наблюдают, но и фиксируют на пленку: *«Ну скажи, вот как к нашим потом относиться будут, если он вот такое вытворяет? Вот смотри: зашел в супермаркет, ну, типа, прохаживается, глазает, что там на прилавках. Потом так: зашел в такой закуток, ну, вроде пусто, нет никого. Туда — зырк, сюда — порядок. Нашел классную бутылочку, быстренько крышку скрутил и — буль-буль-буль... Лепота! И тут же на место ее, вроде как «нас тут не стояло». И дальше гуляем. А то бывает и за пазуху ее, да, тоже есть любители. А оно ж не соображает, что там везде камеры стоят, каждый шаг твой записывается. Походит к кассе, руки показывает, ну, типа: «Пустой, нет ничего». А она ему: «А за коньячок кто платить будет?» «Какой коньячок? Ты че?» Ну, тут и секьюрити, конечно, подтягивается. «Плати, брат, вот тут на пленочке все твои выкрутасы». Так чему потом удивляться? Кто нас потом уважать будет?» (23.01.2011).*

Учитывая, что в общественном сознании употребление алкогольных напитков является маркером маскулинности (Громашева, 2011; Fiddes, 1993; Haukanes, 2003), возможно, такое поведение можно считать проявлением маскулинного «super-хохлизма» (Пешкова, 2005, с. 146–147).

Аттitudные модели на основе стереотипов феминности

Как свидетельствуют материалы полевого исследования, реакции местного населения на украинских мигранток характеризуются широким разнообразием. Результаты анализа позволили выделить следующие аттitudные модели по отношению к ним.

Модель «заботливые берегини»

Экспертные интервью показали, что в странах назначения украинской трудовой миграции, особенно в Италии, являющейся основной принимающей страной женских миграционных потоков из Украины, украинские сиделки, няни и домработницы пользуются хорошей репутацией и высоко ценятся. Как сообщил в экспертном интервью посол Италии в Украине, на его родине участие украинок на местном рынке труда весьма приветствуется. Итальянцы ценят в них то, что они более ответственные и дисциплинированы, чем мужчины, не приносят хлопот своим работодателям, проявляют себя как заботливые, чистоплотные и обязательные работницы. О таком отношении к украинкам в странах назначения, в частности, в Испании, говорили и информанты: *«Наши украинские женщины востребованы везде, потому что они и красавицы, и прекрасные хозяйки, и ответственные матери. Где бы она ни жила, украинка, даже в самых отвратительных условиях, она*

всегда сможет превратить это место в «настоящий дом». Там всегда будет чистенько, уютненько, там всегда будет огородик с огурчиками-помидорчиками и садик с цветочками под окнами. Вот Майя как раз такая. Красавица женщина и замечательная хозяйка. Поэтому, как только она нашла себе там работу, в Испании, начала обживать, ее хозяин-испанец тут же ее заприметил и глаз на нее положил» (Варвара, 68, мать мигранта в России, 17.08.2011).

Действительно, славянские женщины пользуются большим спросом на международных брачных рынках и умело используют свои преимущества для обеспечения будущего семейного благополучия, вступая в смешанные браки с мужчинами из более экономически успешных государств. Украинки являются высококонкурентными даже в соседних славянских странах, например, в России, благодаря высокому качеству их человеческого капитала и классическому образу украинки как идеальной «берегини», т. е. хранительницы домашнего очага, господствующему в обыденном сознании рядовых россиян. Это в частных беседах подтверждали российские эксперты по вопросам миграции.

Модель «похитительницы мужей»

В таком контексте неудивительно, что в принимающих странах об украинках сложилось представление как о «похитительницах мужей». Так, в Греции их за это считают «чуть ли не врагами народа» (Гошій, 2013), а в Италии окрестили «Vorago», т. е. охотницы за чужими мужчинами (D'Ottavio, 2006). Такая репутация нередко вызывает у местных жителей, особенно женщин, аттитудный негативизм. Социологические исследования украинской миграции показывают, что этот «миграционный миф» не имеет под собой оснований. В той же Италии всего 5% опрошенных украинок отметили, что намерены выйти замуж за итальянца (Акімов, 2009). Скорее всего, этот миф является реакцией местного населения на образ «интимного другого» (Truong, 1996, с. 47), вернее «другой», занимающей в социальной иерархии самую нижнюю ступень, но более успешную в приватной сфере интра-гендерной конкуренции. Такое мнение прозвучало в интервью с Илоной, 34-летней переводчицей и журналисткой, которая работала в качестве «aux-pair» в Германии, а затем в Австрии, где вышла замуж и стала матерью двоих детей: «В Германии появилось много роликов, они там говорят, что наши «aux-pairs» жаждут одного — выйти замуж, что «aux-pairs» — это только повод туда попасть, а не цель, чтобы изучить язык и культуру. Ну, а что они хотят? Нам же ничего не остается. И потом, наших девочек здесь охотно берут замуж. Для наших выйти здесь замуж — не проблема. У наших и внешность, и все мы умеем, и трудолюбивые. Так чему удивляться?» (23.08.2012).

Аттitudный шовинизм в отношении к украинкам как успешным бенефицианткам межгендерных отношений в транснациональных браках подтверждается образами из художественной литературы. Так, в нашумевшем англоязычном романе Марины Левицкой «Краткая история тракторов по-украински» (Lewuska, 2005), дочь 84-летнего англичанина украинского происхождения откровенно пасует перед напором молодой мачехи — энергичной украинской иммигрантки, «взорвавшей» буржуазный быт английской семьи «словно розовая пушистая граната». Эта «шикарная блондинка-разведенка», игнорирующая традиционный гендерный этикет и использующая свою женскую привлекательность в качестве пропуска в «хорошо охраняемый процветающий клуб западного мира» (Beck, Beck-Gernsheim, 2005, с. 5), воспринимается западным обителем как угроза пуританской морали и этике. Подобная аттитудная модель служит основой для стереотипа об украинских женщинах как об искусительницах, часто муссируемый в прессе принимающих стран. Однако и информантки, и эксперты отмечали,

что легенда об украинской заробитчанке как «охотнице за мужьями» является надуманной и необъективной. На это обратила внимание эксперт по вопросам миграции и диаспоры: *«У меня на работе есть две молодые женщины. Их матери работают в Италии... Но ни одна из них в Италию уезжать не собирается. Они говорят: «Мы хотим выйти замуж за украинских мужчин, иметь украинских детей и воспитывать их в Украине... Имейте в виду, что когда их матери уезжали за границу, они были еще совсем подростками, одной четырнадцать, другой тринадцать. Эти дети жили сами по себе, совсем одни, и тем не менее...» (01.07.2008).*

Кроме того, указанная аттитюдная модель является небезопасной, т. к. создает неблагоприятный контекст для работы женщин в семье работодателя и для интеграции в принимающее общество. Несколько наших респонденток сталкивались с агрессивностью хозяек, обвинявших их в посягательствах на своих мужей.

Модель «объекты страсти нежной»

Между тем многим женщинам, особенно гостевым работницам в Италии, приходилось оказывать сопротивление сексуальным домогательствам любвеобильных местных мачо, пыл которых не зависел ни от их собственного возраста, ни от возраста объекта вожделения. Ирина рассказала, что ее 85-летний хозяин, не встававший с инвалидной коляски, не упускал возможности пофлиртовать с ней и не уставал сожалеть об утраченном мужском потенциале истинного ловеласа. Елена, 53-летняя домработница в большой итальянской семье, рассказала, что ей приходилось «отбиваться» от назойливых ухаживаний всей мужской половины рода:

«В первую же неделю, как только к ним переехала, так сразу и началось. Они как узнают, что украинка в доме есть, так и начинают! Сначала хозяин стал вокруг меня крутиться. Я — ни гу-гу. Он и так, и сяк, я делаю вид, что ничего не понимаю. Ну, потом, видно, решил, что не произвел на меня впечатления как мужчина, отстал. Ну, думаю, слава Богу! Не тут-то было! На следующей неделе к нему сын на выходные в гости приехал. Опять та же история. Отбиваюсь, как могу! Остался ни с чем. Ну, думаю, теперь уже точно оставят меня в покое. Ага! Жди! На следующие выходные брат его приехал и давай ходить вокруг меня кругами, а потом вообще стал руки распускать. Эх, как меня все это достало! Как хватанула с плиты кастрюлю, да как вlepила ему в лоб! «Ах ты, паршивец ты такой! Украинки он попробовать захотел! А вот тебе украинка!»! Он как завизжит: «Ой! Ты мне сделала больно!» «А-а-х, какие нежности! Больно ему! А мне, думаешь, не больно, что меня как женщину унизил?» И все, как отрезало. Потом они у меня как по струнке ходили. Так я все-таки в возрасте уже, умею за себя постоять. А как оно, если девочка молоденькая, неопытная еще? Один раз уступила, другой, а потом пошло-поехало. Пропадают здесь девчонки» (10.11.2011).

Подобные гендерно-стереотипизированные и эротизированные аттитюдные модели местного мужского населения по отношению к украинским гостевым работницам в свою очередь генерируют реверсивные аттитюдные реакции. Практически все женщины, работавшие в Италии, отзывались об итальянцах обоего пола как о людях, неразборчивых и нечистоплотных в интимных отношениях.

Сексуализованная аттитюдная модель в отношении мигранток из стран бывшего СССР во многом обусловлена тенденцией к «эротизации телесности мигрантов» (D'Ottavio, 2006) и так называемым «Наташа-дискурсом» (Şimşek, 2010), зиждущимся на стереотипном образе соблазнительной блондинки, безотказной в плане сексуальных притязаний, распространяемым средствами массовой информации стран назначения трудовой миграции (см.: Фиалкова, 2005, с. 39–43). Информантки и эксперты указывали, что возникновению этого стереотипа немало способствовало часто

цитируемое как в прессе, так и в научной литературе высказывание, приписываемое экс-президенту Леониду Кучме, который в интервью корреспонденту итальянской газеты якобы назвал украинок, работающих в Италии, «проститутками»¹. Масла в огонь аттитюдного негативизма к украинским мигранткам в Западной Европе подливают эпатажные выходы известной группы «FEMEN». Так, в ноябре 2011 г. ее участницы провели одиночные акции протеста «Молот ведьм» в Риме и Ватикане, усиливая их эффект плакатами с шокирующими нецензурными лозунгами. Это событие оскорбило христианские чувства итальянских католиков и вызвало неоднозначную реакцию в украинской диаспоре, состоящей преимущественно из женщин, репутация которых пострадала в первую очередь (Украинцам в Италии..., 2011). Чтобы отстоять свое женское достоинство, они даже поставили спектакль, в котором высказали свое негативное отношение к акциям радикальных соотечественниц (Українські заробітчани..., 2012).

Модель «три в одном: сексизм, ейджизм, шовинизм»

Интервью свидетельствуют о том, что аттитюдные реакции коренного населения по отношению к мигрантам базируются на сочетании этнических факторов с гендерными и возрастными. Так, информантки, работавшие домработницами в Москве, подтвердили данные об организации полицейских «облав» на нелегальных мигрантов в крупных городах России, но опровергли утверждение, что наличие регистрации в документах проверялось только у мужчин, и никогда у женщин (Бредникова, 2003, с. 146). Более того, гостевые работницы утверждали, что украинки, особенно молодые, иногда становились объектами особого внимания со стороны российских «стражей порядка»: *«У меня регистрации не было, так я в паспорте всегда деньги держала. На тот случай, если задержат и потребуют паспорт. Ну, чтобы не придирались и в кутузку и не уволокли. Знаете, они нас, хохлушек, на раз вычисляют. По внешности, по речи, да черт их знает как! Это уже у них вроде бы как такой профессионализм ментовский. Но, слава Богу, пронесло, ни разу не остановили. Но я всегда деньги держала наготове. Если что — всегда есть что «дать на лапу» ментам» (Марина, 54 года, уборщица в Москве, 12.02.2011).*

На сочетание «сексизма» и «эйджизма» в отношении к украинским гостевым работницам в России со стороны правоохранительных органов указала Светлана: *«Да, документы — это проблема. Но больше для молодежи, особенно для молоденьких девушек. К ним чаще придираются, чем к нам, ну, кто уже в возрасте. Молодые как раз главная группа риска. Всегда можно пришить проституцию. И с этим много поганых историй связано. Часто на них просто облавы устраивают. Если документов нет — все: обвинение в занятии уличной проституцией, а потом ведут в отделение. А там уже и изнасилования, и групповуха, и все, что угодно. Чего только там не происходит с этими девочками молоденькими! Они ж беззащитные совсем. Так рассказывают, что многих и венерическими [болезнями] заражают, и избивают их» (Светлана, 56 лет, няня в московской семье, 25.02.2011).*

Исследователи показывают, что шовинизм в отношении к украинкам, сопряженный с гендерной дискриминацией по возрасту и внешности, начинается еще на стадии получения визы в посольстве страны назначения. С этим столкнулась молодая женщина, желавшая выехать в краткосрочную поездку в Италию: *«В очереди в консульское*

¹ Как свидетельствует личная переписка с американской коллегой, занимающейся исследованием миграции украинских женщин в Италию, поиск этого интервью в материалах итальянской прессы не дал результатов, как не было найдено никаких упоминаний о визите Леонида Кучмы в Италию или каких-либо его интервью итальянской прессе в указанный период.

отделение... как-то услышала, что если тебе тридцать, ты не замужем, да еще и блондинка, то визу не получишь. Все — словно обо мне! Подумала — шутки... Но когда осталась без визы, поняла — все намного сложнее» (Музыка, 2006, с. 77).

С точки зрения концепции социальной реальности Пьера Бурдьё (Bourdieu, 2011) такую аттитюдную модель в отношении женщин, в особенности молодых и привлекательных, можно расценить как «символическое насилие», посредством которого «гипнотическая власть» истеблишмента принимающих государств легитимирует свое «маскулинное доминирование» по отношению к обществу с «сильными женщинами, но слабой властью» (Zhurzhenko, 2004). Кроме того, исследователи указывают, что «гиперфеминность» мигранток, в том числе украинок, выполняет компенсаторную функцию, позволяя этим женщинам дистанцироваться от условий жизни, которые они считают унижительными (Cvajner, 2011).

Аттитудный шовинизм ощущали многие женщины, указывавшие, что предвзятое отношение к мигранткам во многом формируется средствами массовой информации. Так, летом 2012 г. разгорелся международный скандал, вызванный оскорбительными высказываниями польских радиожурналистов в адрес работающих в их стране украинских гостевых работниц. После многочисленных протестов украинских общественных организаций и критики правозащитников в адрес редакции, журналисты принесли извинения украинской стороне, а их программа была закрыта (УНИАН, 2012).

Модель «дегуманизация и демонизация»

Женщины, трудившиеся домработницами в российской столице, упоминали о телевизионных роликах, предупреждавших россиян о рисках и опасностях, связанных с наймом иностранных домработниц для частных домохозяйств. В них мигрантки представлялись в крайне невыгодном свете, что накладывало отпечаток на отношение к ним со стороны окружающих и существенно осложняло процесс адаптации женщин к принимающему обществу. Информантки жаловались, что им тяжело было мириться с тем, что с целью контроля за ними работодатели устанавливали в помещениях камеры слежения и прослушивающие устройства для домашних телефонов: *«Вся работа обслуживающего персонала просматривается и записывается на видеокамеру. Наше общество в данном отношении более целомудренное, чем общество людей, которые пытаются посмотреть на проблему сквозь призму своих духовных немощей. Есть над чем призадуматься!»* (Юлия, преподаватель вуза, гувернантка в Москве, 05.06.2011).

Как справедливо отмечают российские коллеги, опасность подобной «дегуманизации трудовых отношений» заключается в том, что испытывающие ее, естественно, не будут питать уважения и теплых чувств к российским работодателям, а порой и к России в целом, ассоциируя с ней пережитые лишения (Дмитриев, Пядухов, 2011, с. 56). Другой опасностью является то, что «демонизация» образа мигранта (Lazaridis, 2007, с. 239) и ксенофобия нередко приводит к социальной эксклюзии как крайней форме социальной стратификации, а это лишь усугубляет аттитудный негативизм и провоцирует напряженность во взаимоотношениях между местными жителями и гастарбайтерами. В свою очередь отсутствие доверия между сторонами трудового контракта повышает издержки на обеспечение условий безопасности, так как требует оплаты контролирующих и надзирающих органов, юристов, охранников и т. д., в то время как общество с повышенной степенью внутреннего доверия и априорным уважением к правам личности автоматически снижает расходы на обеспечение безопасности и тем самым резко повышает эффективность функционирования экономики в целом (Сулейменов и др., 2014, с. 48–49).

Модель «транзакции взаимности»

В то же время многие женщины отмечали, что находили понимание у своих работодателей, которые по мере сил пытались помочь и поддержать их в сложных жизненных ситуациях. Так, с благодарностью вспоминала о своем работодателе информантка Мария, работавшая няней в московской семье. Она рассказала, что когда у нее начались проблемы со здоровьем, ее «хозяин», высокопоставленный чиновник и бизнесмен, помог ей найти квалифицированных врачей и воспользовался своими личными связями, чтобы организовать ей хирургическую операцию в клинике высшего уровня и даже помог в оплате медицинских услуг. Несколько женщин подчеркивали в интервью, что их работодатели ценили их преданность принимающей семье и детям-клиентам, что проявлялось в предоставлении финансовых бонусов, дорогостоящих подарков или дополнительных отпусков в честь праздников, дней рождений и других важных событий. Многие информантки отмечали, что смогли наладить со своими работодателями не просто хорошие деловые отношения, но даже дружеские и теплые межсемейные связи, которые продолжались и после того, как домработницы вернулись домой в Украину. Некоторые работодатели приглашали к себе в гости детей или членов семей домработниц и сами ездили погостить у них на родине. Нередко они настолько привыкали к своим служанкам, что не хотели их отпускать, когда тем приходило время заканчивать работу и увольняться.

Такие аттитудные модели, базирующиеся на «неконтрактных аспектах контракта» (Durkheim, 1984), способствуют построению отношений доверия и интимности между участниками трудовых отношений и не только создают доброжелательную атмосферу в рабочем микроколлективе домашнего хозяйства, но могут способствовать возобновлению миграционного цикла. Так, многие респондентки упоминали о том, что благодаря таким доброжелательным, уважительным отношениям их «хозяева» способствовали «карьерному росту» своих домработниц, рекомендуя женщин другим перспективным клиентам через свои неформальные сети. Именно таким образом смогла сделать «карьеру домработницы» Ольга (49 лет), которая оставила должность главного инженера коммунальной службы в украинской провинции для работы уборщицей в муниципальной службе Москвы. В одном из обслуживаемых ею домохозяйств ее попросили помочь при подготовке праздничного стола. «Кулинарные чудеса» Ольги были по достоинству оценены ее хозяевами, и они не только щедро отблагодарили ее за помощь в организации важного мероприятия, но и стали рекомендовать женщину в качестве повара эксклюзивных блюд своим обеспеченным знакомым, которые могли позволить себе оплату подобных услуг.

«Ой, как зашла на кухню и открыла холодильник — у меня просто глаза разбежались. Я такого изобилия никогда не видела! Ну что сказать, если там огромный холодильник, и забит до отказа всякими деликатесами. Ох, я тогда душу отвела! Такое вдохновение нашло! Я там такие чудеса творила, что они языки попроглатывали... На следующие выходные меня к себе пригласили их родственники. И так пошло-поехало. Стали рекомендовать меня своим знакомым. Я на этом стала зарабатывать больше, чем на основной работе. Ну это же туалеты драить! Работа чистая, приятная, и относятся к тебе как к человеку, ценят» (23.02.2011).

Таким образом, «транзакции взаимности» (Portes, Sensenbrenner's, 1993, с. 1324) с работодателями в сочетании с персональным «кулинарным капиталом» (см. Толстокурова, 2014) женщины обеспечили ей не только дополнительный заработок, но и возможность приложения своих талантов, причем более прибыльную и комфортную в плане условий труда, чем ее постоянное трудоустройство в Москве. Это согласуется с наблюдением, что хотя контакт сам по себе ассоциируется с более благоприятным

аттитюдным результатом, контакт при благоприятных обстоятельствах (интимных, кооперативных, позитивных, контакт на равных при общих целях) является более эффективным (Pettigrew, Tropp, 2006).

Заключение

Нельзя не согласиться с мнением, что проблема отношения к мигрантам выходит за рамки общей миграционной проблематики, что связано с особенностями локального социума, его этноструктурой, состоянием локального рынка труда. В то же время эта проблема отражает состояние принимающего общества в целом, его ценностных представлений и поведенческих моделей (Попова, Осипова, 2013, с. 88). Проведенное исследование свидетельствует, что спектр аттитюдных моделей по отношению к украинским гостевым работникам в странах назначения миграции может варьировать в широком диапазоне: от «демонизации» мигрантов средствами массовой информации и «дегуманизации» трудовых отношений в семьях работодателей до «актов дарения» и взаимной поддержки, между гостевыми работниками и их хозяевами. Представляется, что последние модели способствуют формированию «эффекта обратной связи» (Beine, Sekkat, 2012, с. 2) между ними, что является неперменным условием как для успешных трудовых отношений, так и для повседневных практик социального взаимодействия с коренным населением. В то же время в принимающих обществах об украинцах как о нации сложилась масса негативных стереотипов и предрассудков на основе сексизма, эйджизма и шовинизма, оказывающих неблагоприятное влияние на качество взаимоотношений между гастарбайтерами и местным населением.

В преодолении этого эффекта решающая роль должна принадлежать государству, в частности его политике по отношению к зарубежному украинству. В первую очередь это заключается в лоббировании прав и интересов своих соотечественников, работающих за рубежом, создании положительного имиджа Украины и украинцев для обеспечения их статусных позиций в государствах трудоустройства, заключении международных договоренностей по вопросам положения украинских гостевых работников в странах назначения миграции, поддержке украинской диаспоры и т. д.

Однако, как показывают исследования, во время работы за границей большинство украинцев оказываются вне каких-либо определенных или артикулированных правосубъектностей, т. е. вне пространства взаимоотношений между украинским государством, его учреждениями, гражданами, неправительственными и международными организациями (Марков, 2009, с. 82). Это ставит на повестку дня проблему ответственности государства за своих граждан, в силу обстоятельств оказавшихся за пределами родины. Для ее решения в первую очередь необходимо повышение эффективности государственной миграционной политики, которая должна исходить из принципа, что работающие за рубежом украинцы являются неотъемлемой частью украинской нации и имеют право на соответствующее отношение к ним со стороны государства. Она должна быть нацелена прежде всего на установление взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными соотечественниками. Для этого следует направить усилия соответствующих государственных органов на совершенствование ее законодательной базы, административного и институционального устройства, усиление информационного сопровождения и финансового обеспечения, а также на реализацию практических программ, нацеленных на плодотворное сотрудничество с «глобальным украинством».

Литература

- Абашин С. Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Pro et contra. 2014. № 1–2 (62). С. 73–83.
- Акімов Д. Arrivederci Ucraina?... BUON GIORNO Italia... // Атлантична панорама. 2009. № 6 (25). С. 24–28.
- Андреева Т. В. Дискурс-анализ центральной прессы: социально-культурный фон временных трудовых миграций из стран СНГ в Россию // Культура & общество. Интернет-журнал. М.: МГУКИ, 2004. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Andreeva> (дата обращения: 15.02.2015).
- Бредникова О. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. / Под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Попковой. Самара: Самарский университет, 2003.
- Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов в контексте культурного разнообразия: сообщества мигрантов в «этнических кафе» Москвы // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0.: Сб. статей. Т. XX. / Под общей ред. М. Г. Пугачевой, А. Ф. Филиппова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 321–341.
- Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: Рос. академия упр-я, 1994.
- Гладарев Б. В поисках «мужских» пространств: рыбалка // Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. М.: Индрик, 2007. С. 233–243.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
- Гошій І. Чоловік-грек заробітчанки з Тернопільщини не відпускає сина в Україну — загублені діти заробітчан // Новини Тернопілля. 30.05.2013. URL: <http://www.0352.ua/article/324650> (дата обращения: 15.02.2015).
- Громашева О. А. Мужское и женское в практиках питания: интерпретации петербургских родителей и детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5 (58). С. 241–251.
- Дацюк С. Россия во лжи // Украинская правда. 14.01.2014. URL: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/53116eef447b1/> (дата обращения: 15.02.2015).
- Динамика отношения населения Украины к России и населения России к Украине, каких отношений с Россией хотели бы украинцы. Пресс релиз // Сайт Киевского международного института социологии. 04.03.2014. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=236&page=1> (дата обращения: 15.02.2015).
- Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 50–59.
- Дробижева Л. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Сайт российского совета по международным делам. 25.06.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top (дата обращения: 15.02.2015).
- Європа без бар'єрів. Українсько-іспанський міграційний вектор. Український внесок до міграційної карти ЄС на прикладі Іспанії. Київ, 2012.
- Климчук Г. И. Трудовое рабство — перспективы украинских трудовых мигрантов-нелегалов // Сборник эссе о миграции «Миграционные проблемы в странах Западной Европы, Российской Федерации и других республиках СНГ» / Фонд «АВО Хайматгартен». Одесса: Элтон, 2011. С. 29–34.
- Кон И. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) // Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия / Сост. Ю. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 5–48.
- Косинська Ю. «В Україні, сину, ти робив би все це для своїх...» // Україна молода. № 212. 12.11.2008.
- Левада-Центр. Пресс-выпуск по теме «Международные отношения». 09.02.2015. URL: <http://www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya?> (дата обращения: 15.02.2015).
- Марков І. Українська трудова міграція в ЄС: Соціологічно-статистичний портрет // На роздоріжжі. Аналітичні матеріали комплексного дослідження процесів української трудової міграції (країни Європейського Союзу та Російська Федерація) / За ред. І. Маркова. Львів: Карітас, 2009. С. 87–122.

Мищенко М. М. Громадська думка росіян щодо України коливається разом з позицією ЗМІ // Сайт Центру ім. Разумкова. 27.06.2013. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/expert.php?news_id=4096 (дата обращения: 15.02.2015).

Музика В. Українці в Італії. Кілька років у минуле // Політика і час. Україна в міжнародних відносинах. 2006. № 2. С. 75–80.

Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции: нулевые годы // Демоскоп Weekly. 2011. № 479–480. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/demoscope0479.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).

Николаевський В. Інтелектуальна міграція та соціальна безпека // Міграція та толерантність в Україні / Ред. Я. Пилинський. Київ: Стилос, 2007. С. 121–126.

Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et contra. 2014. № 1–2 (62). С. 34–53.

Пешкова В. М. Инсценирование «украинскости»: некоторые культурные практики репрезентации этнических различий в современной Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 136–148.

Померанц Г. Кто такие «чужаки»? // Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия / Сост. Ю. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 48–58.

Попова И., Осипова В. Отношение принимающей стороны к мигрантам // Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии. 2013. № 1 (114). С. 81–88.

Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 115–118.

Стрельцова Я. Чужие: «Плюсы» и «минусы» миграции // Вестник Европы. 2005. № 15. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/str10.html> (дата обращения: 15.02.2015).

Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Шалтыкова Д. Б., Сулейменова К. И. Пространство смысловых кодов современной цивилизации // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 46–68.

Толстокорова А. В. «Хлеб наш насущный»: социальная значимость пищевых практик украинских мигрантов // Диаспоры. 2013. № 2. С. 208–230.

Толстокорова А. В. О бедном мигранте замолвите слово: Модернизация маскулинности в украинской трудовой миграции // Диаспоры. 2014. № 2. С. 178–197.

Українцям в Італії соромно за активисток FEMEN // Обозреватель. 09.11.2011. URL: <http://life.obozrevatel.com/boiling/ukraintsam-v-italii-styidno-za-aktivistok-femen.htm> (дата обращения: 15.02.2015).

Українські заробітчанки в Італії поставили спектакль «Анти-FEMEN» // Вікна. 06.03.2012. URL: <http://vikna.stb.ua/ua/news/2012/3/6/95921/> (дата обращения: 15.02.2015).

УНИАН. Польские журналисты попросили прощения у украинских женщин: на четырех языках. Новостное агентство УНИАН. 22.06.2012. URL: <http://www.unian.net/politics/665659-polskie-journalisty-poprosili-proscheniya-u-ukrainskih-jenschin-na-chetyreh-yazykah.html> (дата обращения: 15.02.2015).

Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 141–155.

Чудиновских О. Россияне будут рады мигрантам с Украины. Интервью интернет-порталу RIA-новости. 09.04.2014. URL: <http://ria.ru/society/20140409/1003215505.html> (дата обращения: 15.02.2015).

Beck U., Beck-Gernsheim E. Distant Love. Cambridge: Polity Press, 2013.

Beine M., Sekkat K. Skilled Migration and the Transfer of Institutional Norms // ERF Working Paper Series. 2012. № 681.

Berg J. A. Race, Class, Gender, and Social Space: Using an intersectional approach to study immigration attitudes // The Sociological Quarterly. 2010. № 1(2). P. 278–302.

Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

Card D., Dustmann Ch., Preston I. Understanding Attitudes to Immigration: The migration and minority module of the first European Social Survey. Discussion Paper Series, CDP № 03/05. London: CReAM, 2005.

Carlin J., Menjivar M., Schmalzbauer L. Central Themes in the Study of Transnational Parenthood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. № 38 (2). P. 191–217.

Cvajner M. Hyper-femininity as Decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // *Ethnography*. 2011. № 12 (3). P. 356–374.

Dobiasova K., Hnilicova H. Migrants from the Former Soviet Union Health and Healthcare in the Czech Republic. Migratory processes in Europe: Evolution of the migratory interactions of the EU and Central and Eastern European countries. Odessa: Ministry of Transport and Communications of Ukraine, 2010. P. 56–57.

D'Ottavio G. Shuttle Female Migration in an Enlarged Europe // *Migration online*, 2006. URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/GDOttavioShuttle_Female_Migration_in_an_Enlarged_Europe.pdf (accessed: 15.02.2015).

Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York: Free Press, 1984 (1893).

Fiddes N. Where Theory Meets Practice // *Anthropology in Action*. 1993. № 14. P. 6–7.

Haukanes H. Ambivalent Traditions: Transforming gender symbols and food practices in the Czech republic // *The Anthropology of East Europe Review*. 2001. № 21 (1). P. 23–42.

Hood M.V., Morris I.L. Amigo o enemigo?: Context, attitudes and Anglo public opinion toward immigration // *Social Science Quarterly*. 1997. № 78 (2). P. 309–323.

IOM. *Trafficking of Men — a Trend Less Considered. The case of Belarus and Ukraine*. IOM migration research series. № 36. Geneva: International Organization for Migration, 2008.

Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Perhoniemi R. Perceived Discrimination and Well-being: A victim study of different immigrant groups // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2006. № 16 (4). P. 267–284.

Kehrberg J.E. Public Opinion on Immigration in Western Europe: Economics, tolerance and exposure // *Comparative European Politics*. 2007. 5. P. 264–281.

Lazaridis G. Les Infirmières Exclusives and Migrant Quasi-Nurses in Greece // *European Journal of Women's Studies*. 2007. № 14 (3). P. 228–245.

Lewycka M. *Short History of Tractors in Ukrainian*. London: Penguin Books, 2005.

Malinkin M. E. *A Wary Welcome: Varying reception of migrants in Russian cities*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2013.

Pettigrew T. F., Tropp L. R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. № 90. P. 751–783.

Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the social determinants of economic action // *American Journal of Sociology*. 1993. № 98 (6). P. 1320–1350.

Pribilsky J. «Aprendemos a Convivir» Conjugal Relations, Co-parenting, and Family Life Among Ecuadorian Transnational Migrants in New York City and the Ecuadorian Andes // *Global Networks*. 2004. № 4 (3). P. 313–334.

Schmalzbauer L. *Striving and Surviving: A Daily Life Analysis of Honduran Transnational Families*. New York: Routledge, 2005.

Şimşek B. The Strategies that Foreign Women Domestic Workers Use to Overcome the Stereotypes They Face in Turkey // *Ethnologia Balkanica*. 2010. № 14. P. 71–85.

Spoonley P. Making Sense of Cultural Diversity: The media and immigration in New Zealand, 1993–2003. Paper presented to the End-users' Seminar on Immigration, Wellington, 2003.

Todorova I. L. G., Falcon L. M., Lincoln A. K., Price L. L. Perceived Discrimination, Psychological Distress, and Health // *Sociology of Health and Illness*. 2010. № 32. P. 843–861.

UNIFEM. *A Needs Assessment of Women Migrant Workers. Central Asia and Russia*. Bratislava: UNIFEM, 2009.

Ward C., Masgoret A. — M., Vauclair M. Attitudes Towards Immigrants and Immigrant Experiences: Predictive models based on regional characteristics. Wellington: Department of Labour, 2011.

Weine S., Golobof A., Bahromov M., Kashuba A., Kalandarov T., Jonbekov J., Loue S. Female Migrant Sex Workers in Moscow: Gender and Power Factors and HIV Risk // *Women & Health*. 2013. № 53 (1). P. 56–73.

Worby P. A., Organista K. C. Alcohol Use and Problem Drinking among Mexican and Central American Im/migrant Laborers: a review of the literature // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2007. № 29 (4). P. 413–455.

Zhurzhenko T. Strong Women, Weak State: Family politics and nation building in post-Soviet Ukraine // *European Journal Women's Studies*. 2004. № 8 (1). P. 29–49.

The role of the entrepreneur's family in choosing a career path¹

Anastasia Poylova*

The article is focused on the role of family as one of the main institutions of socialisation in the selection and implementation of the entrepreneurs' life trajectories. The analysis is presented using data from 16 biographical interviews with young entrepreneurs (18 to 30 years old). Here is discussed the role of family in choosing and realizing the informants' life strategies. The theoretical framework of the study is based on the results of the project «The Social Mobility Age in Russia»². Tactics devised by V. Semenova, form the basis of the analysis of the life trajectories of young entrepreneurs. The study concludes that parents' support promotes the adoption of the mobility strategy, characterized by frequent work changes and choosing work for enjoyment. By contrast, in the stability strategy, informants defend their own views despite the lack of family support.

Key words: family, entrepreneurship, life trajectories, the adaptation process, changing values, biographical choice, biographical interviews, the qualitative methodology

Entrepreneurship as a phenomenon in Russia

The transition from the planned to the market economy was associated with a transformation of the values of the Soviet «parents» to «capitalistic» values, which are characterized by individualistic attitudes and the money cult. Labor market changes have affected Russians' life strategies, forcing them to adapt not only to the narrowing opportunities, but also to reconsider their views and values. This period, which is known as the adaptation period, has led to an increase in the number of small businesses in Russia and has laid the foundation for the phenomenon of entrepreneurship in our country.

Traditional collectivism, stability and «mass» psychology, leading in the Soviet period, were rapidly supplanted by the individualistic and capitalistic ideas. That period had been described

¹ The article was prepared as a part of the project «Intergenerational social mobility from XX to XXI century: four generations of Russian history», supported by the Russian Science Foundation grant № 14–28–00217.

* Poylova Anastasia, Master student at the National Research University Higher School of Economics, Management department. Anastasia.poylova@gmail.com.

² We use the materials from the archive of the division of social change research using qualitative methods — ISRAS, which are obtained as a part of the biographical project «The Social Mobility Age in Russia». It covers the life span of three Russian generations from different social groups, which makes it possible to compare the informants' life trajectories in different historical periods in Russia. The study was conducted in the period from 1985 to 1993. The theoretical framework of the research was based on V. Semenova's chapter which was dedicated to the study of past generation entrepreneurs' life stories.

by V. Semenova (Semenova, 1996) as an «adaptation» period: not every Russian was ready to lose the previous guarantees of stability and state security.

Entrepreneurship as phenomenon was formed in Russia only at the end of the 20th century (Chepurenko, 2012). The adaptive behavior during the crisis period led to a sharp increase in small businesses. People who adapted quickly in the changing labor market conditions and adopted new individualistic values succeeded in business and began rapidly getting rich. The bulk of the people whose upbringing and lifestyle contradicted capitalist views were suspicious about the changes taking place in society. During that time, a negative image of the entrepreneur as a person of anti-state, anti-social, mercantile and rational was formed. These features contradict the ethnic values of Russians (Chepurenko, 2001).

A transformation of values was observed not only in the parents' generation, but also among today's youth who were born in the period of instability (1980–1990-ies.). Their basic attitudes towards entrepreneurship were formed in the family. Nevertheless, important solutions were formulated as a result of their own experience. Thus, the presence of successful entrepreneurs in their close surrounding offers them the ability to see how market relations operate.

The opportunity to earn more, the fulfillment of ambitions and independence were attractive, even though they contradicted the traditional views and family norms (Djankov, 2005).

The transition from one generation to another has led to a shift from secular-rational values, characterized by the presence of authority and the cult of rationality, order and security, to the values of self-expression. The sociologist R. Inglehart called this phenomenon as «post-modernization» (Inglehart, Welzel, 2011)³. If the parents' generation valued those qualities because they were the basis for survival, the new generation explored new horizons: the ideas of self-knowledge, civic engagement and tolerance were actively developing (Rudnev, 2011). Since social development is intended to increase human choice — «the desire for freedom is, by definition, inherent in man» (Inglehart, 2011, p. 21), — the transition to the market economy, as well as the development of entrepreneurship in Russia can be considered engines of social progress.

The individual's adaptation in a changing society: the first entrepreneurs (data from the project «The Social Mobility Age in Russia» 1985–1993)

Normative-value aspect of adaptive behaviour is the key in the study of entrepreneurial potential. This occupation requires the existence of certain personal characteristics, such as «business gumption, the propensity for innovation, organizational skills, high sense of responsibility, a sense of thrift and economy, the ability to risk, energy and strength of will» (Smirnov, 2005). The sociologist T. Zaslavskaya denotes the traits of the Russian businessman: «Today, the greatest chances to get rich have Russians who do not necessarily have high qualifications, knowledge, energy and talent but the presence of beneficial contacts, people who are also characterized as cheeky with the disregard for the law and morality» (Zaslavskaya, 1995, p. 18). Thus, the «successful» entrepreneur must have both human (knowledge and skills) and social capital (connections and contacts). Based on the informants' life strategies, which are

³ In the work «Modernization, Cultural Change, and Democracy», Inglehart and Welzel (2005), describe the theory of two shifts, which is based on the differences among three generations. The first of them, people who grew up with a lack of basic goods (food and safety), is characterized by the value of survival. The second generation, which already had these goods, began to appreciate order, authority and rationality. Children of these people's generation being provided with everything necessary for life, started to focus on self-development, environmental protection and the ideas of civic engagement. Inglehart called them — «modernization» and «postmodernization» respectively.

identified within the project «The Social Mobility Age in Russia», we observe «the role of families in the adaptation process.

According to the 40 in-depth interviews with respondents from the Tula (10 people), Kurgan (10 people) and the Moscow Region (20), two key trends in their adaptive behaviour were noted: the mobility and the stability strategies (table 1). Successful adaptation is considered as the acceptance of new self-expression values, characterized by individualism, competition and profit orientation (Semenova, 1996).

Table 1

Informant's life strategies

Strategies	Tactics	The informant's ratio	The role of family	Adaptation process
Mobility	Creative	It is important to find a fulfilling job, the financial aspect goes by the wayside	Assuming things can be done in a child like way	Adaptation is not always successful in a search for self
Stability	Conflict	Compromise (finding a balance: family versus personal goals)	Against important traditions and stability	The combination of old and new values — successful adaptation
	Returnable	Nonconformity to new market laws: it is important to feel support and be a contributor to society	Firmly establish values of solidarity and social protection in their children	An attempt is made, but the adaptation does not happen: a return to old values
	Waiting	Better to have less money but to take the honest route	Against potentially dishonest path	The adoption of only old values: adaptation does not happen

The creative type of life choices represents the first strategy: frequent job changes (sometimes 5–6 times), because the lack of demand for the informants' education in the market economy (musicians, composers, sport manager, etc.) and due to their personal characteristics (the ability to take risks, propensity for change and innovation). Parents usually do not impede their choice of creative specialties and allow them to search for their «own» way.

The adoption of new self-expression values was associated with the search for satisfying employment that would have brought not only material but also spiritual benefits. The adaptation process in this case often does not happen since professions, which bring financial stability as well as satisfaction (as in the case of a profession like seamstress), were difficult to find because of a lack of demand (e.g., music theorist).

«There is a growing contradiction between my profession as a musician and the job I am now forced to deal with. But a musician, especially a theoretician, in our country is deemed unnecessary. Such people simply are not needed. Have you noticed how many

musicians have left for the West in recent years, or have drunk themselves into oblivion, or simply left» (Igor)⁴.

Three tactics represent the stability strategy: conflict, return and expectant. It is successfully described by the psychology of «Simple soviet man» (Semenova, 1996, p. 402), where a guarantee of social security takes priority over an attempt to take risks and earn more money.

The conflict tactics, unlike the other two, involve a compromise in professional choice. Despite the fact that parents want their sons to choose a military career, none of them want to do so. The first son goes into the commercial sector, quarrels with his father, while another prefers «balancing» tactics. On the one hand, he was military three times a week carrying on the night shift and, on the other, — helping his brother to conduct his own business. In this case, adaptation occurs through the adoption of new social values without neglecting the traditional ones.

An attempt to make «fast money» in private institutions, which clash with the rules of competition, which an individual is unable to accept, is characterized as the return tactics. The concepts of solidarity, social security and mutual support are replaced by views of individualism and personal profit, which contradict the working class values, striving to be useful for society.

«I decided to come back to the factory and to my colleagues. You always know that everyone you ask for help will do so. Here everyone tries only for himself; take care of his own skin. ... Eventually all of us there (at the factory) build helicopters, which are needed for the whole country. There you feel needed. It would be better if they could pay more...» (Stepan).

In this case, adaptation will not happen. An attempt is made to adopt new views because of the workers' material needs, but it is rejected due to a different upbringing and the informant's social experience.

Expectant management is the most indicative tactic that holds conservative views in the professional field. Its typical representatives are military and intelligence (the first generation), for whom the acquired social status is more significant than the obtained material rewards.

This upbringing model is the most conservative and does not imply the adoption of new values. This affects the life choices of the next generation. Failure to accept the profession such as an entrepreneur happens «in absentia», on the ideological level: informants never dabbled in the private sector and do not want to change their habits. The environment, in which they grew up, formed a negative attitude towards entrepreneurship, emphasized its «unfair» and «greedy» character, which contradicts the family's status. In this case, adaptation will not happen.

«My parents always taught that being honest is the most important thing in life. My duty today is to teach children and I'm trying to do my best. ... I never deal with any sorts of private structures and prefer only the state trade. I just do not believe in them» (Tatyana).

Life strategies as mentioned above refer to the period from 1985 to 1993. Among 40 informants, just 10 belong to the mobile type of professional behavior, while the rest — the stable type, is characterized by the prevalence of traditional values in choosing a career path. The study which is conducted with the «new» generation of entrepreneurs — 16 informants aged 18 to 30 years (1980–1990), is intended to explain the changes in their life trajectories in terms of values transformation and the «new» upbringing model of future entrepreneurs.

⁴ Quotes are taken from the work of V. Semenova «Path to entrepreneurship, life stories of young generation» (Semenova, 1996, p. 396).

Family as an entrepreneurs' institution of socialization

Institutions of socialization — are the «sustainable forms of human activity, providing social stability and fixing the rules of social interaction. They dictate norms of social relations and legitimize inequality» (Yadov, 2006, p. 4). Family is one of the main institutions of socialization, which forms the individual's personality and attitudes towards entrepreneurship.

Based on the life strategies types, identified by V. Semenova, attention is given to those where the informant's adaptation process somehow took place: creativity and conflict tactics — and used as a basis for the research aimed at investigating the life trajectories of young entrepreneurs in Russia.

Methodology: collection and analysis of data

The study was conducted using the probability sample. Quotas include the informants' socio-demographic characteristics such as age and gender. 16 participated in the research: 8 men and 8 women, aged 18 to 30 years (table 2).

Table 2

Principle of informant's selection

	18–24 years old	25–30 years old
Men	4 people	4 people
Women	4 people	4 people

Narrative interviews consisted of 3 parts (phases): free narrative story, narrative questioning and the evaluation phase of the informant's life. The first one was characterized by the interviewer's nonintervention in the informant's life story. The individual, as a rule, began the story long ago (from childhood) and ended with modern days. In the second phase, informants were asked specific questions aimed at identifying the necessary details about their lives. In the third — narrators were asked to evaluate their lives.

Interviews were usually taken in cafes during the lunch break due to a lack of free time entrepreneurs have. This informal atmosphere facilitates communication where informants were open minded and honest: «Just do not tell anybody...», «You can guess how this happens in our country... There are always loopholes in the law», etc. Informants enjoyed talking about themselves in details and shared their personal life stories. Narration went under thematic blocks such as institutions of socialization: informant's family, education, social environment and professional experiences.

Narratives were analyzed using the method of ground theory⁵: procedures such as open and axial coding. This method makes it possible to expose qualitative data to the theoretical structuring while using analytical units and defining their relationships (Klushkina, 2000). This technique makes a transition from the informant's experience to the general categories via specific topics such as family, education, profession and social environment (table 3).

To make the further analysis more convenient, informants' life trajectories were visualized in the form of 16 trees: biographical life choices⁶. Each of 4 branches depicted the main institutions of socialization such as informant's family, education, social environment and professional experience (figure 1).

⁵ This methodology involves the use of procedures such as open, axial and selective coding. A. Strauss and J. Corbin firstly developed it in the work «Basics of qualitative research. Grounded Theory Procedures and techniques» (Strauss, Corbin, 1990).

⁶ I would like to thank E.Y. Rozhdestvenskaya for her advice regarding the data analysis and productive discussion, which brought an idea to visualize life trajectories of entrepreneurs in the form of trees.

**An example of the informant's narrative analysis
(Family as an institute of socialization)**

Institution of socialization	Categories (axial coding)	Codes (open coding)	Quotations
Family	The motivation for doing business (acted against family)	Family did not support	I cannot say that my family supported my idea to become an entrepreneur. I do not have my father and my mother is a pensioner. She had been always against my ideas to go to Moscow, America or China. She wanted me to stay in my home city — Bryansk, and did nothing. I did what I personally found right and what other people recommended, not my family. Thus, there was no business education in my childhood at all.
		Grew up without father	
		Mother against Moscow and any other business trips	
		Did what I personally found right and what other people recommended, not my family	
		There was no business education at all	

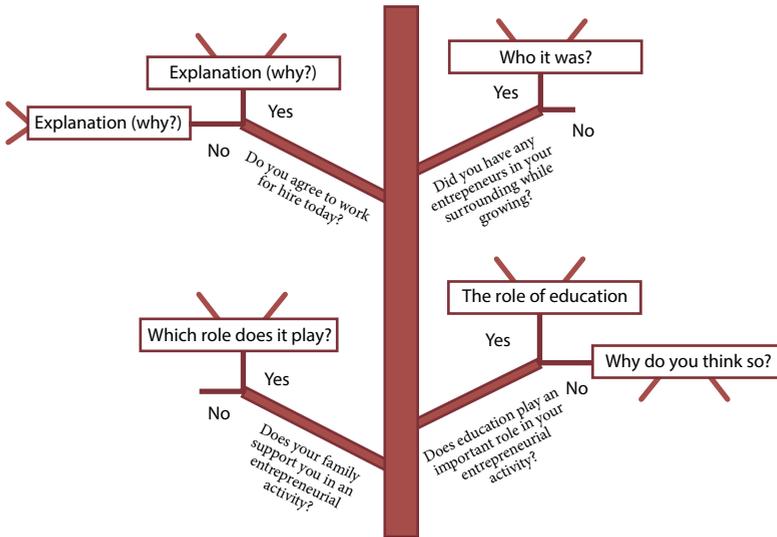

Figure 1. Example of the tree

For every tree branch I assigned codes, which I picked from informants' narratives. Thus, I have got 16 trees of biographical choices for each informant.

The method of analytic induction⁷ offers the ability to identify the presence of common feature: family support (or lack thereof) depends on informants' characteristics such as

⁷ Method of analytical induction in qualitative research represents the logic of theoretical knowledge from the «the particular case» to «general». There forms the phenomenon on the basis of typical signs (Gotlib, 2014).

gender and the city of socialization (the role of family in individual's decision to become an entrepreneur will be specifically discussed in the next section). These two factors formed the basis for the entrepreneurs' life trajectories construction. This study could be continued while using the mixed methods procedure (qualitative and quantitative) and the principle of «sequential contributions» (Morgan, 2013, p. 270). It builds a continuity chain between the data: the results of qualitative research can be used for further quantitative study. Thus, this approach will integrate the results of both research types (Gotlib, 2014). As a result, qualitative research data could be extended to the macro-level by using quantitative method: entrepreneurs' survey.

The role of family in forming the life trajectories of young entrepreneurs

During the study, it was found that creative and conflict tactics, which describe the life trajectories of young entrepreneurs, are determined by gender. In addition, the fighting tactic was created, which is characterized by the negation of «old» values in favor of individualistic views and profit motives. Thus, the conflict tactic includes two: «compromise» and «fight» (figure 2).

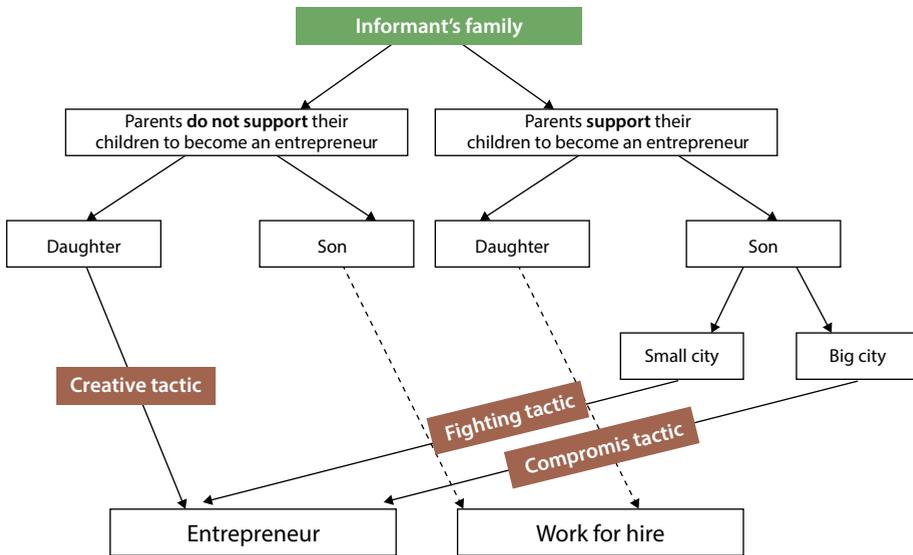

Figure 2. The role of family in choosing the professional path

Figure 3 illustrates the role of family in choosing the professional path, depending on their differences in gender and the city of socialization. Dotted lines show tactics (returnable and waiting), which are characterized by non-acceptance of the new capitalist values, and therefore, mean the individual's choice to work for hire. These tactics tend to stick the sons whose parents are more positive about their choice to become an entrepreneur, and the daughters who do not receive this support. Since the study examined only the life trajectories of businessmen, it was not possible to further explore the individuals' strategies, who prefer to work for hire. Thus, their motives and the family's role in choosing their career path, remain unaddressed. The solid lines mark tactics, which would more likely contribute to the individual's selection of entrepreneurial path. It can be noticed that the support of daughter's entrepreneurial endeavors, is the important factor of their career

decision. By contrast, sons' decision to choose the entrepreneurial career, do not need their parents' approval. Interestingly, their professional tactics vary, depending on their city of socialization.

Creative tactic

This tactic is peculiar to individuals who stick to the mobility strategy and searching for a fulfilling job. Narratives' analysis showed that creative tactics are mostly typical for women — entrepreneurs. According to them, they were growing in a family support, where parents encouraged daughters' aspirations, even if their ideas contradicts their own views. The way of earning money, as well as the financial aspect goes by the wayside: «*Parents have contributed to everything that I like, whether it is a science or a business*» (Irina, 23, Dubossary, 02.03.2014).

Even sharing traditional values, families allow daughters to choose their professional path by themselves, so they could follow their own aspirations and desires: «*My mother still wonders about my professional choice, she cannot understand me (I do not have father, just mother). She cannot understand why I am not interested in a stable income. Especially, it happens that there are no orders it all. Mother always wants me to have stability, she just brought up differently. However, she never tried to stop me, because she saw that generally things are doing well and I like what I am doing*» (Margo, 25, Moscow, 14.03.2014).

Some informants noted that their parents used to have their own businesses in Soviet time, so they fully support the entrepreneurial initiatives of their daughters: «*Generally, I can say that I have a symbiosis. Mother is also in a leadership position, but in a restaurant business, she is a chef. Father has always had some business ideas even in Soviet times: he bred chickens, calves, and pigs. Thus, my mother's organizational skills and father's enthusiasm have a huge impact on me*» (Alena, 30 years old, Podolsk, 03.04.2014).

An interesting trend was noticed while taking the interviews with women: almost each of them first attempted to run their own business only in the final years at the University or even after the graduation. Most of informants worked for hire and combined it with things that they enjoyed doing, which later started bring a stable income. Entrepreneurship was the way of self-realization and did not originally planned to become a «core» employment. Parents often provided them with a financial support and allowed them to choose their own career path. They contributed to the development of informants' business activities, mainly due to their moral support: there was no pressure from the outside as well as no fear of making a mistake.

Conflict tactic

This tactic characterizes the men's life trajectories, whose family did not support their entrepreneurial efforts. This phenomenon can be explained by gender theory in terms of family's role distribution. Man, as head of the family and the main «breadwinner» should bring home a stable income, providing his family with everything necessary (Lytkina, 2004). Entrepreneurship, being a risky activity, goes against this theory, which explains the parents' (especially mothers) disapproval, for whom stability is the key element of the successful family relations development: «*Mother treats entrepreneurship as a bad thing because she concerns about security. It is clear that women used to concern about their family' hearth safety*» (Roman, 24, Novosibirsk, 22.03.2014). Despite the fact that informants' family did not support their decision to become an entrepreneur, however, the reasons for this were different, which are determined their further life strategies.

Compromise tactic

Compromise tactic is mostly common among men from big cities⁸. Their parents, as a rule, were dissatisfied with their sons' professional choice, considering entrepreneurship useless to society. According to informants, their parents have traditional views. Prestigious professions for them are those, which are approved by society: such as teacher, doctor, engineer and etc.: «No, family never supported my idea to become an entrepreneur as they found it useless. The big problem is my parents still think that I am doing something nonsense» (Eugene, 29, Moscow, 29.03.2014).

This tactic is mostly peculiar to entrepreneurs aged 25 to 30 years old, whose business is successful and brings considerable income. Informants emphasized that they did not want to quarrel with already elderly parents, because they understand that their own generation and their parents' generation — are very different. Thus, the majority of male from big cities combine their own business with the work for hire. The second job they mostly take for social approval and, in some cases, — for self-satisfaction (ex.: teaching at the university).

Fighting tactic

Fighting tactic is mostly common among men from small cities⁹. Collisions happen not only with their parents, peers and teachers, but also with themselves. This type is characterized by huge ambitions, commitment and desire to improve their lives: change the environment they originally grew up.

They changed their friends' circle and interests: «Those guys who stayed in Bryansk — they are different from me. I can go with them for a drink, but that's it. I had a classmate who had always been an excellent student. Today he is working at the plant for 12 thousand rubles! I told him that he has such a smart head and he can easily find a better job. Nevertheless, he does not understand it. Better to work with your brain, not — hands» (Andrew, 24 years old, Bryansk, 17.03.2014).

Entrepreneurs from small towns, who moved to Moscow, indicate a lack of family support. Informants consider that parents (especially mothers) do not support entrepreneurship activity as they find it very risky, dangerous and unstable.

However, according to informants, it is only stimulates their business. It is important to prove yourself and others that you can achieve a lot. Even in the case of «failure», they continued to stubbornly defend their position by launching new business projects: «Of course, my parents do not want me to leave Kishinev, but what am I supposed to do there? Now I am involving in business projects, have recently returned from MIT. I have my own plans and way to follow» (Sergio, 22, Kishinev, 02.03.2014).

Men use fighting tactic to satisfy their own ambitions. Capacity of the financial assets and self-realization become paramount. This path is associated with isolation from peers and parents who shared old values and attitudes. Thus, the negative adaptation is happening: new values completely replaced by those in which informant raised. Figuratively speaking, there is a rejection of the «old self» in favor of «successful self».

Conclusion

Social changes, characterized by ideological and value-normative transformations, became the driving factor for the development of entrepreneurial activity in our country. The adaptation process for Russians went differently: for some people through the rejection of new

⁸ According to the Lappo's classification (Lappo, 1996) from the largest cities and megalopolises with a population over 500000 people.

⁹ According to the Lappo's classification (Lappo, 1996) from the small, middle and big cities with a population less than 500000 people.

capitalist values, for someone — by rethinking of existing foundations, for others — through the displacement of old values in favor of new ones. Family has a huge impact on individual, mostly defining which characteristics he or she will acquire. It also influence on child's decision: particularly, which professional path to choose. If the adaptation process of new values did not take place, as in cases of «return» and «delaying» tactics, the individual would not pick an entrepreneurial path, as it contradicts the values of solidarity and social protection. If old values were replaced by new ones (negative adaptation, fighting tactic), its representatives will promote the active growth of entrepreneurial activity, but their choice might have a negative impact on their relationships with parents and peers, who are still holding the traditional views.

Creative tactic can be considered as a successful adaptation strategy, which is mostly used by women. In this case, moral and financial family support plays an important role. However, business, which is interesting for informants, does not always become profitable, considering their frequent occupation changes. Thus, they can complete their business on its inception stage and start working for hire.

In terms of increasing the level of entrepreneurial activity in Russia, the compromise tactic is the most suitable one. Despite the fact that parents have a rather negative attitude toward children's professional choice, considering entrepreneurship useless to society, however, compromise tactic combines their business activity with participation in social projects, allows entrepreneurs to find a balance between satisfying their own ambitions and parental wishes.

Thus, informants' professional trajectories are largely formed by their family and determined by their upbringing values. The study also showed that career path choices vary due to gender differences and the city of socialization.

Literature

Djankov S., Miguel E., Zhuravskaya E. Who are Russia's Entrepreneurs? // Journal of the European Association. 2005. № 3. P. 587–597.

Inglehart R. F., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005.

Morgan D. L. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks: Sage Publications, 2013.

Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. California: Sage, 1990.

Gotlib A. S. Vvedeniye v sotsiologicheskoye issledovaniye: kachestvenny i kolichestvenny podkhody. Metodologiya. Issledovatel'skiye praktiki. M.: Flinta, 2014.

Zaslavskaya T. Biznes-sloy rossyskogo obshchestva: sushchnost, struktura, status // Sotsiologicheskoye issledovaniya. 1995. № 3. P. 3–11.

Klyushkina O. B. Postroyeniye teorii na osnove kachestvennykh dannykh (iz istorii razvitiya metodologicheskogo napravleniya) // Sotsiologicheskoye issledovaniya. 2000. № 10. P. 92–101.

Lappo G. M. Geografiya gorodov. Klassifikatsiya OON. M.: Gumanitarny izdatelsky dom VLADOS, 1997.

Lytkina T. S. Domashny trud i gendernoye razdeleniye vlasti v semye. 2004. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/417/599/1231/016.LYTKINA.pdf> (accessed: 23.02.2015).

Rudnev M. G. Prichiny i sledstviya izmeneniya massovykh tsennostey // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2011. T. 12. № 2. P. 138–143.

Semenova V. V. Strategii kombinatsii kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov pri izuchenii pokoleny // Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya. 2014. № 8. P. 5–15.

Semenova V. V. Put v predprinimatelstvo: zhiznennyye istorii molodogo pokoleniya // Sudby lyudey. Rossiya. XX vek. Biografiy semey kak obyekt sotsiologicheskogo issledovaniya. M.: Avtorsky kollektiv, 1996. P. 390–411.

Smirnov V. T. Chelovechesky kapital: sodержaniye i vidy, otsenka i stimulirovaniye: monografiya / Smirnov V. T., Soshnikov I. V., Romanchin V. I., Skoblyakova I. V.; pod red. d. e. n., professora V. T. Smirnova. M.: Mashinostroyeniye-1, Orel: Orel GTU, 2005.

Chepurenko A. Yu. Chto takoye predprinimatelstvo i kakaya politika v otnosheniye predprinimatelstva nuzhna Rossii? (Zametki na polyakh rabot sovremennykh klassikov) // Zhurnal Novoy ekonomicheskoy asotsiatsii. 2012. № 2 (14). P. 102–124.

Chepurenko A. Yu. Maloye predprinimatelstvo v Rossii // Mir Rossii. 2001. № 4. P. 130–161.

Yadov V. A. Sotsialnye instituty // Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye. 2006. № 1. P. 4–13.

«Обретение красоты» в женских нарративах¹

Елена Онегина*, Полина Остроухова**

В современном постиндустриальном обществе транслируется культ молодости. В этом контексте знаки старения стигматизируются и осуждаются. В большей мере эта проблема актуальна для женщин, чьим основным капиталом считается красота, а ее потеря может привести к серьезным социальным последствиям. В рамках данной статьи фокус будет сделан на период 30–35 лет, как на промежуточный между молодостью и началом старения. Будет рассмотрено, как женщины говорят о себе в этом возрастном периоде и как они оценивают свою привлекательность.

Ключевые слова: средний возраст, молодость, представление о красоте, старение, телесность

Введение

Красота — это конструкт, который связан с историческим периодом и образами, доминирующими в определенной культуре. Если обратиться к средним векам, то в качестве женского идеала мы увидим округлые формы, которые являются показателем плодородия. В то время как сейчас идеальными считаются худоба, молодость и стройность (Bordo, 1995; Grogan, 2008, p. 16). В рамках современного постиндустриального общества тело является центральной точкой формирования представления о себе, где привлекательность становится источником уважения, признания, имиджа (Бодрийяр, 2006). Стандарты массовой культуры предъявляют больше требований именно к женской красоте, в соответствии с чем она репрезентируется как «изначально нуждающаяся в доработке» (Frost, 2005). К примеру, такое явление, как «тирания стройности», которое представляет собой совокупность технологий «нормализации» тела, или его производства согласно доминирующему стандарту красоты, и репрезентации худого тела как образца (Bordo, 1995).

Для многих исследователей, работающих в рамках феминистской традиции, такая повседневная и непрекращающаяся битва за «красивое» и «идеальное» тело интерпретируется как реализация патриархального порядка (Крупец, Нартова, 2014, с. 530). Стандарты красоты являются формами контроля, которые воспроизводят гендерное неравенство через распространение нереалистичных идеалов красоты (Bordo, 1993; Grogan, 1999; Вульф, 2013).

¹ Данная статья подготовлена в рамках научного исследования ««Возраст в работе»: конструирование возраста девушками и молодыми женщинами» № 14–05–0054, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

* Онегина Елена, студент департамента социологии НИУ ВШЭ. elena.onegina@gmail.com.

** Остроухова Полина, магистрант департамента менеджмента НИУ ВШЭ. pvostroukhova@edu.hse.ru.

Сегодня мы должны быть сексуально привлекательными, чтобы являться социально приемлемыми. Девочек с детства приучают к тому, что их тело должно быть красивым, чтобы иметь успех на «рынке невест» (Фролова, Скугаревский, 2004, с. 64). Если девочка недостаточна женственна, она осуждается, таким образом происходит социальное конструирование реальности (и социальной конструкции гендера как ее варианта), которое заключается в запоминании культурных образцов в процессе социализации (Бергер, Лукман, 1995). Представления о том, что женщины приобретают статус и ценность с помощью внешности характерно для патриархального гендерного порядка, тогда как мужчины могут приобретать статус посредством более широкого круга качеств, таких как интеллект, здоровье и сила (Tiggemann, 2004, p. 31). Согласно Миллетту, в патриархальном порядке «одна половина населения (женщины) контролируется другой (мужчины)» (Миллетт, 1999, с. 120). Российский гендерный порядок является патриархатным, и для него свойственно разделение ролей в семье на мужские и женские. В его формировании участвуют многие факторы: от государственной политики и влияния религии до представлений, сложившихся в семье об отношениях мужчин и женщин (Здравомыслова, Темкина, 2008, с. 56).

В современном обществе красота становится той ценностью, к которой стремятся женщины как к абсолютному, религиозному императиву (Бодрийяр, 2006, с. 172). «Хорошо выглядящее» тело является формой культурного капитала для девушек (Бурдые, 2004). Одной из причин озабоченности женщин внешним видом является тот факт, что при выборе партнерши мужчины обращают большое внимание на ее физическую привлекательность (Фролова, Скугаревский, 2004, с. 66). Во многом поэтому тело становится своего рода капиталом, который женщина может инвестировать, к примеру, в успешное замужество. Тело, его красота, становится «объектом инвестиции», который может принести не только успешное социальное положение, но и реальный доход (шоу-бизнес, модельный бизнес) (Бодрийяр, 2006, с. 170).

В рамках исследования было собрано 20 лейтмотивных полуструктурированных интервью с молодыми женщинами в возрасте 30–35 лет, проживавшими в Санкт-Петербурге в 2014 г. Для возрастного периода 30–35 лет характерно становление профессиональных карьер и освоение требований к внешнему виду, также к этому хронологическому возрасту происходит накопление культурных и социальных компетенций в обращении с телом, финансовая автономность от родителей, опыт совместного проживания и рождения детей, — все это влияет на практики ухода за телом. Информантки были разделены на представительниц условного рабочего и среднего класса. В определении категорий рабочего и среднего классов изначально не лежало полученное образование, а только настоящая профессиональная занятость. Под рабочим классом мы понимаем тех, кто занят ручным и сервисным трудом, а под средним классом мы понимаем специалистов, менеджеров, работников, занятых интеллектуальным трудом. В рамках данной статьи это дает возможность проследить возможные отличия в оценках и понимании красоты.

От молодости к среднему возрасту: проблематизация периода тридцатилетия

В контексте позднего модерна жизнь индивида перестает определяться жизненными циклами, сформированными через опыт предыдущих поколений. Формирование индивидуальной биографии становится более рефлексивным и меньше зависит от структурных ограничений (Giddens, 1991). Но несмотря на то, что границы между различными этапами жизни стали более размытыми, не стоит отрицать, что каждый возрастной период связывается с определенными ожиданиями. Понимание биографии

человека через категорию «жизненного пути» (life course) предполагает наличие определенных правил, по которым индивиды проводят свою жизнь (Kohli, 2007, p. 256). Жизненный путь понимается как социальная структура и институциональная модель, в которую встраивается индивидуальная биография человека (Mayer, 2009, p. 415). На различных этапах жизни человек включен в стандартизированные модели поведения в зависимости от возраста, социального статуса, экономических, культурных или политических обстоятельств (Scheiner, 2014, p. 47). Жизненный курс — это определенная последовательность жизненных этапов и «закономерности, «производящиеся» институтами и структурными возможностями» (Diewald, Mayer, 2009, p. 6). В рамках таких стандартных моделей все больше возникает подвижек и вариантов индивидуализации биографий. Но, несмотря на то, что индивидуальные жизненные траектории все меньше определяются семьей и местом проживания, стандартизация по возрасту не теряет своей актуальности (Shanahan, 2000, p. 669). В соответствии с возрастом нормативно определяются не только социальное положение, профессиональный статус, но и особенности внешнего вида.

В современном обществе потребления на передний план выходит образ молодого и сексуального тела. Публично демонстрируемые полуобнаженные тела приводят женщин к дополнительной рефлексии по поводу состояния своего тела и перфекционизму в заботе о нем (Twigg, 2004). Оценивание сводится к двум категориям: «молодой» и «старый», в результате важность приобретает не то, насколько ты стар, а то в какой степени ты молод (Woodward, 1991). Когда глобальную ценность обретает не только хронологическая, но и физическая молодость, первые признаки старения могут быть восприняты негативно. Женщины больше следят за появляющимися знаками старения, потому что изменение их облика в сторону увеличения возраста имеет значимые социальные последствия. Если взять представительницу среднего класса, то отказ от фитнеса и заботы о своем здоровье будут рассматриваться как девиация (Oberg, Tornstam, 1999, p. 629).

Существует несколько подходов к определению среднего возраста. С одной стороны, он понимается как период открывающихся возможностей для самореализации, развития, время относительной свободы от финансовых и семейных обязанностей. Период, когда можно наслаждаться бесконечной «средней молодостью» (middle youth) (Featherstone, Hepworth, 1991). Это время, когда прошлое, настоящее и будущее пересекаются, и становится легче размышлять о курсе жизни, который был взят, и куда он может привести (Wray, 2007). Психологи определяют средний возраст как «время расцвета», пик достижений в творчестве и в профессиональной сфере (Ильин, 2012, p. 14).

С другой стороны, это период ограничений. Взрослая женщина подвергается двойному исключению, так как она не просто является женщиной в патриархальном мире, более того, она теряет молодость, которая является важной составляющей красоты (Twigg, 2004, p. 62). Появляются первые признаки старения, которые видны как во внешнем виде (морщины, лишний вес), так и в физической активности (Levy, 1988). Доминирующая культура учит нас с отвращением относиться к старости, и люди не собираются покорно принимать признаки телесного упадка. Это приводит к дополнительным практикам телесного конструирования: косметические процедуры, спорт или пластическая хирургия. И здесь пластическая хирургия является не просто способом поддержания молодости, а возможностью приобрести уверенность в современном мире (Budgeon, 2003, p. 45). В период среднего возраста актуализируется взаимосвязь идентичности и возраста. В связи с этим появляется понятие «маска старения» (mask of ageing), которая является способом демонстрации психологического/внутреннего возраста через практики и внешние атрибуты хронологической молодости (Biggs, 2004, p. 52). Использование такой маски связано с расхождением между стареющим лицом в зеркале

и ощущением себя как молодого (Featherstone, Hepworth, 1991). В подтверждение этому исследования показывают, что расхождения между хронологическим возрастом и психологическим могут достигать 9–12 лет (Oberg, Tornstam, 1999).

Интерес ученых к изучению возраста также поляризован, как и сами категории оценивания молодой/старый. Значительное внимание уделяется периоду молодости, юности и пожилому возрасту. В то время как средний возраст, в частности начало тридцатилетнего периода, является не изученной областью. На данный момент сложно говорить о четко определенных границах среднего возраста. Можно встретить работы, где он определяется в рамках 30–60 лет (Featherstone, Hepworth, 1991; Wray, 2007), однако границы могут быть сдвинуты в сторону 50–75 лет (Twigg, 2004). В рамках данной статьи мы прибегаем к категории «среднего возраста», однако берем во внимание, что 30–35 лет занимают пограничное положение, которое может быть оспорено в рамках некоторых подходов.

Исходя из размытости категории среднего возраста и нестабильности положения наших информанток в определении себя как молодых/старых, вытекают вопросы, на которые мы пытаемся ответить в рамках статьи. Как женщины говорят о своем возрасте? И как они оценивают себя и свою привлекательность в тридцатилетнем периоде?

«Просто с возрастом женщина должна становиться лучше»: красота в контексте начала среднего возраста

В общественном представлении разговор о возрасте является чувствительной темой для женщин. И чем старше женщина становится, тем более неуместным считается вопрос о ее возрасте. Можно говорить, что 30–35 является пограничным периодом. Для части женщин телесные изменения становятся явными, они замечают морщины и другие признаки старения. Примеры наших информанток отчетливо показывают, как в этом возрасте происходит работа по поддержанию красоты: *«Когда я стала обнаруживать, что у меня начались морщины, меня это, ну, стало смущать, да. А-а-а, поэтому с... с ними я борюсь косметически. И-и-и я понимаю, что вот мой натуральный внешний вид сейчас меня уже не устраивает. То есть на свои тридцать один, вот так, как дожила до этого биологически, я выглядеть не хочу. Я уже делаю вещи, чтобы выглядеть моложе»* (ж., 31 год, интервью № 10).

Женщины активно включаются в борьбу за молодость, прибегая к разным практикам телесного конструирования. Вариативность и количество действий, которые женщина производит со своим лицом и телом, тесно связаны с ее материальным положением и родом занятости. Женщины рабочих профессий в меньшей степени озабочены поддержанием молодости, более того, значительная часть косметических процедур является финансово затратными, поэтому они не могут себе это позволить: *«Ну я думала сделать ботокс, но это... ну по деньгам не потянуть»* (ж., 34 года, интервью № 5).

Информантки, занятые ручным и сервисным трудом, имеют меньше компетенций по уходу за собой и используют косметику или другие способы ухода только в особых случаях. Такой тип женщин не прибегает к дополнительным услугам омоложения, они не пользуются услугами специалистов, но и самостоятельно процедур по поддержанию красоты не производят: *«Нет, макияж совсем никакого не делаю, даже не умею, ресницы только иногда крашу, губы никогда. Наоборот, бывает иногда что... как... я не могу в помаде вообще ходить, мне кажется, что это сразу видно, и вообще как-то вызывающе выглядит, что-то отдельная какая-то вещь получается»* (ж., 34 года, интервью № 3).

Другой тип женщин ухаживает за собой с некоторой периодичностью. Это может быть связано с желанием подготовиться к определенному событию или нерелевантным порывом информанток: *«Есть определенные периоды [...] я покупаю миллион*

банок каких-то для всех частей тела, начинаю все это втирать с утра до ночи, каким-то заниматься безумно безудержным фитнесом, то есть бегать, обливаться, втирать, а потом меня отпускает, и я даже перестаю умываться, ну так заодно, водичкой только ополоснусь и все. И все эти тоники, скрабы, — все забыто на какое-то время. Потом приходит опять» (ж., 33 года, интервью № 4).

Для них характерно эпизодическое внимание к средствам и процедурам по уходу за собой, которое сменяется равнодушием. Такие женщины считают себя привлекательными и пытаются работать над своей внешностью, но это происходит не стабильно. Часть процедур по уходу за собой они делают самостоятельно, но также могут обратиться к специалистам за помощью.

Особое внимание к внешнему виду проявляют представительницы среднего класса. Они чаще говорят о своем возрасте в контексте красоты, ее обретения или поддержания. Для них характерна и большая внимательность к ежедневным процедурам по уходу за собой. Они активно инвестируют средства в поддержание привлекательной внешности. Эти результаты подтверждают взаимосвязь внешнего вида и социального положения, которые были описаны Бурдые (Бурдые, 2005). Маникюр, педикюр, антивозрастные кремы и маски — это минимальный набор, который женщина может самостоятельно выполнять в домашних условиях. К таким техникам скорее прибегают женщины, которые не имеют времени обращаться к специалистам, к примеру, из-за ухода за детьми. Еще одним условием самостоятельного ухода за собой является наличие определенной компетенции или опыта в этой области: наличие аппарата для маникюра, опыт обращения с кремами и маслами, которые подходят под тип кожи.

Другую ситуацию мы можем наблюдать у женщин, которые не замужем и заняты построением карьеры. Они активно пользуются услугами профессионалов: косметологов, фитнес-тренеров, мастеров по маникюру: *«...в 30 точно уже я поменяла косметолога... я уже сменила ее, потому что я стала понимать, что грядет тот день, когда мне потребуются инъекции какие-то, я должна уже четко понимать, что специалист в теме, так сказать» (ж., 32 года, интервью № 17).*

Информантки знают, к помощи каких специалистов нужно прибегать, чтобы оставаться привлекательными. Регулярно обращаясь к профессионалам, они приобретают знания о современных способах поддержания красоты и молодости. Такие женщины не боятся применять новые методики и могут высказывать критику не только относительно процедур, но и работы специалистов из этой области. Инвестирование в тело является важной и существенной статьёй их расходов. Работа над собой требует определенной регулярности и режима, который является условием сохранения красивого тела. Необходимость поддержания красоты связана с трудовой деятельностью, когда в ходе коммуникации с клиентами, коллегами и начальством внешняя привлекательность является или условием успешного выполнения работы, или же способом достижения определенных целей. При отсутствии семьи инвестирование в практики по поддержанию молодости может быть рассмотрено как стремление быть привлекательной для мужчин, с целью поиска потенциального партнера и поддержания своего социального статуса.

Не смотря на первые признаки увядания, наши тридцатилетние информантки определяют свой возраст как комфортный. Этот возраст не воспринимается как критичный и не ассоциируется со старостью. Женщины не стремятся его скрыть, и совершенно открыто говорят о том, сколько им лет: *«Мне не нравится чувствовать себя моложе, мне кажется, из чувства протеста какого-то, я отказываюсь чувствовать себя моложе, мне не нравится эта гонка за молодостью, и мне нравится, сколько мне лет. Я никогда вообще не привираю, что мне меньше, потому что да, мне вот столько лет. Но вообще, довольно глупо, потому что всем бывает 18 лет, 365 дней, никому не бывает два года, 18 лет. Ну и 33 мне тоже не будет никогда больше» (ж., 33 года, интервью № 4).*

В интервью мы не столкнулись с проявлением «ностальгии по молодости». Для женщин молодость — это период поиска себя, неопределенности в жизни, финансовых трудностей, неуверенности в себе. В противоположность этому средний возраст является для них точкой достижений, пиком возможностей. Это определяется через создание семьи, рождение детей, обретение определенного профессионального статуса, уверенности в настоящем и будущем: *«Это вот возраст, в котором я наконец-то чувствую себя достаточно комфортно, потому что я уже добилась возможности жить здесь и сейчас, а не в прошлом или будущем»* (ж., 31 год, интервью № 10). *«Это очень хороший период. Ну, когда что-то уже за плечами есть, но при этом понимаешь, что еще вся жизнь впереди, по большому счету больше всяких возможностей, и можешь и профессию сменить, пойти обучиться, можешь еще детей родить, в общем, это очень хороший»* (ж., 30 лет, интервью № 16).

Кроме этого, женщины оценивают молодость через категории красоты и опыта по уходу за собой. Для многих молодость — период, когда они не знали о своей привлекательности или не умели ее подчеркнуть: *«Ну, допустим, когда я заканчивала свою школу и соответственно только поступала на первый курс университета, у меня был такой странный макияж. Я красила все время губы очень темным цветом помады, почему я так делала — не знаю, может, модно было. И еще я подводила глаза черным карандашом, тоже это некрасиво смотрелось, но я почему-то так делала»* (ж., 32 года, интервью № 17).

Это связано, с одной стороны, с внешними обстоятельствами: невозможностью приобретать качественную косметику из-за отсутствия ее на рынке. С другой стороны, это процесс обретения навыков по созданию красивого лица и тела. С возрастом происходит научение уходу за собой, нанесению макияжа, подбору фасонов, которые будут подчеркивать и улучшать их внешний вид. Настоящий этап дает им также компетенции в области поддержания той красоты, которой они достигли к настоящему периоду.

Данный жизненный этап рассматривается как «золотая середина» жизненного пути. Информантки оценивают себя как «зрелых», что понимается как наличие определенного накопленного опыта и навыков, которые могут быть инвестированы в дальнейшее развитие. Период тридцатилетия является не только периодом пика жизненных достижений в нарративах женщин, но и временем их наивысшей привлекательности. Этот возраст определяется как время обретения «полной» красоты, которая обретает новую силу и еще не начинает увядать. Женщины определяют свою привлекательность в этом возрасте как «другую»: *«еще растет как бы красота, что ну она еще не затухает, наоборот, уже она переходит в другую какую-то»*. Важным становится не просто миловидность, которую связывают с молодостью, а красота, которая характеризует зрелую женщину, с ее опытом и знанием себя. Тридцатилетние женщины знают свое тело, как с ним работать и поддерживать настоящую красоту. *«Такой возраст — ты еще очень красивая, такая прям созревшая, красивая, и все на тебя еще обращают внимание, но ты вот еще не перекинула этот рубеж 40»* (ж., 30 лет, интервью № 13).

Более того, у них есть пул компетенций, которые позволяют им постоянно воспроизводить различные образы, которые подчеркивают их привлекательность. *«Декольте я даже больше стала с возрастом. Я поняла, что вроде мне как есть что показать, да, и вроде бы я еще достаточно молодая, чтобы это все выглядело прилично»* (ж., 33 года, интервью № 14). *«А когда тебе 20, то это все равно: «Ну что ты такая со всеми подряд». И еще что-то такое. Какие-то глупости. А если тебе в 30 лет нравится, то ты можешь быть более откровенной. Не надо уже так»* (ж., 30 лет, интервью № 2).

К этому возрасту происходит раскрытие сексуальности. Женщины с уверенностью носят декольте, так как лучше понимают возможности и достоинства своего тела. А сексуальный опыт и знания понимают как одну из граней своей «настоящей» красоты. Как определенное конкурентное преимущество, которое отличает их от молодых девушек.

Заключение

Современное общество создает особые возрастные рамки, которые являются социально приемлемыми. Молодость и сопоставляемая с ней красота становятся той нормой, которой хотят соответствовать. Тридцатилетие является пограничным периодом, когда хронологическая молодость заканчивается, а говорить про старение еще рано. Появление первых морщин еще не является критичным, а требует пока особого телесного режима по контролю красоты. Представительницы условного среднего класса в этом периоде являются более компетентными в практиках ухода и поддержания привлекательного внешнего вида. Они готовы инвестировать в свою красоту, прибегая к помощи профессионалов, чтобы в дальнейшем использовать свою привлекательность в профессиональной сфере или при поиске партнера. Женщины могут осуществлять часть процедур в домашних условиях, что связано с приобретением компетенции в определенных сферах по уходу за собой или же из-за отсутствия временных возможностей для обращения к специалистам. В сравнении с ними информантки из условного рабочего класса проявляют меньшую регулярность по уходу за собой и меньше обеспокоены необходимостью хорошо выглядеть. Для них заботу о внешности можно назвать ситуативной, когда необходимо хорошо выглядеть во время важных событий в их жизни. Или другим характерным типом является периодическое особое внимание к внешнему виду, которое сменяется апатией и равнодушием к тому, как они выглядят.

В период тридцати лет женщины пребывают в возрасте, который характеризуют как возраст комфорта, так как они уже обрели статус и желаемое профессиональное положение и в то же время достигли пика своей привлекательности. Они получают удовольствие от пребывания в данном возрастном периоде и стараются максимально долго в нем задержаться. Красота тридцатилетних женщин отличается зрелостью, обретенной сексуальностью, опытом и наличием компетенций в области поддержания и воспроизведения привлекательной внешности. Они отстраивают свою красоту от красоты молодого тела, выстраивая свое понимание женской привлекательности.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич / Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, Культурная революция, 2006.

Бурдые П. Социальная Критика Суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 26–48.

Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.

Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для «чайников»: сб. ст. / Фонд им. Генриха Белля. М.: Звенья, 2008. С. 55–84.

Ильин Е. П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012.

Крупец Я. Н., Нартова Н. А. «Худой значит нормальный»: управление телом в среде городской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 523–538.

Миллетт К. Теория сексуальной политики // Феминизм и гендерные исследования / Под ред. В. Успенской. Тверь, 1999. С. 120–132.

Фролова Ю. Г., Скугаревский О. А. Социальные факторы формирования негативного образа тела // Социология. 2004. № 2. С. 61–68.

- Biggs S. Age, gender, narratives, and masquerades // *Journal of Aging Studies*. 2004. Vol. 18. P. 45–58.
- Bordo S. *Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Bordo S. Reading the Slender Body // *Feminism and Philosophy* / Ed. by M. Vetterling-Bruggin et al., 1995. P. 467–488.
- Budgeon S. Identity as an Embodied Event // *Body & Society*. 2003. № 9 (1). P. 35–55.
- Diewald M., Mayer K. U. The sociology of the life course and life span psychology: Integrated paradigm or complementing pathways? // *Advances in Life Course Research*. 2009. Vol. 14. P. 5–14.
- Featherstone M., Hepworth M. The mask of ageing and the post-modern life course // *The Body: Social Process and Cultural Theory* / Ed. by M. Featherstone, M. Hepworth, B. S. Turner. London: Sage, 1991. P. 371–389.
- Frost L. Theorizing the Young Woman in the Body // *Body & Society*. 2005. Vol. 11. № 1. P. 63–85.
- Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Grogan S. *Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women, and Children*. London: Routledge, 2008.
- Kohli M. The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead // *Research In Human Development*. 2007. Vol. 4. № 3–4. P. 253–271.
- Levy J. A. Intersections of gender and aging // *The Sociological Quarterly*. 1988. Vol. 29. P. 479–486.
- Mayer K. U. New Directions in Life Course Research // *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35. P. 413–433.
- Oberg P., Tornstam L. Body images among men and women of different ages // *Ageing and Society*. 1999. Vol. 19. P. 629–644.
- Shanahan M. J. Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Perspective // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 667–692.
- Scheiner J. Gendered key events in the life course: effects on changes in travel mode choice over time // *Journal of Transport Geography*. 2014. Vol. 37. P. 47–60.
- Tiggemann M. Body image across the adult life span: stability and change // *Body Image*. 2004. Vol. 1. № 1. P. 29–41.
- Twigg J. The body, gender, and age: Feminist insights in social gerontology // *Journal of Aging Studies*. 2004. № 18. P. 59–73.
- Woodward K. *Ageing and its discontents: Freud and other fictions*. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
- Wray S. Women making sense of mid-life: ethnic and cultural diversity // *Journal of aging studies*. 2007. Vol. 21. № 1. P. 31–42.

Список информанток

№	Пол	Возраст (в годах)	Место работы
1.	жен.	30	Менеджер
2.	жен.	30	Менеджер
3.	жен.	34	Владелец собственной кондитерской
4.	жен.	33	Парикмахер
5.	жен.	34	Работает на конвейере
6.	жен.	31	Помощник воспитателя
7.	жен.	32	Владелец частного бизнеса по изготовлению одежды
8.	жен.	34	Актриса

№	Пол	Возраст (в годах)	Место работы
9.	жен.	31	Юрист
10.	жен.	31	Бизнес тренер
11.	жен.	34	Преподаватель
12.	жен.	30	Дизайнер-верстальщик
13.	жен.	30	Сметчица
14.	жен.	30	Экономист
15.	жен.	32	HR менеджер
16.	жен.	29	Преподаватель
17.	жен.	32	Менеджер

Визуальная социология

Визуальная политическая ирония в Рунете: кейс сообщества «Potsreotizm»

Анна Санина*

Статья раскрывает инструментальные аспекты визуальной политической иронии, локализованной в социальных сетях и блогах. Предмет исследования составляют контекст, контент и эмоциональный фон использования визуальных инструментов иронической политической коммуникации в сообществе «Potsreotizm», организованном на платформе LiveJournal и существующем уже более 10 лет. Факты визуальной политической иронии рассматриваются как результат эмоциональной оценки событий, который выражается в «визуальном иносказании» — сообщениях, обладающих скрытым смыслом, понятным участникам сетевого сообщества. В теоретико-методологическом плане исследование опирается на социологическую теорию иронии и теорию визуального анализа. Методика исследования носит качественный характер и направлена на анализ восприятия власти и государственно-гражданских отношений со стороны дискурсивно активной аудитории. На основе использования интерпретативного анализа визуальных данных, метода сценарного анализа, методики анализа ситуативной иронии делается вывод, что визуальная политическая ирония демонстрирует совокупность сигналов необходимости социально-политических изменений. Широкое распространение визуальных форм политической иронии трактуется как процесс формирования нового способа передачи информации, трансляции социальной позиции и обозначения социальных границ.

Ключевые слова: российский политический дискурс, визуальная ирония, блогосфера, интернет-сообщество, интернет-коммуникация, визуальный анализ

Визуальная ирония в сети Интернет

Стремительное развитие интернет-технологий, в том числе социальных сетей и блогов, привело к изменению традиционной модели односторонних сообщений, которые используются телевидением, радио и печатными СМИ. Веб 2.0 формирует современное поколение интернет-сообществ, которые не только создают и распространяют контент, но и включают в себя элементы социального взаимодействия: комментарии, выражение одобрения («лайки»), возможность поделиться текстом, видео или картинкой с другими людьми. Как отмечает Й. Бэнклер (Benkler, 2006), преимущество сетевого общения состоит в том, что оно изменяет медиа-архитектуру общества, направляя

* Санина Анна, кандидат социологических наук, доцент департамента государственного администрирования, приглашенный сотрудник Лаборатории интернет-исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. anna.g.sanina@gmail.com.

информационные потоки таким образом, что люди сами становятся активными участниками и создателями социально и политически релевантной информации. Интернет становится пространством рутинного формирования огромного количества значений, посредством создания и потребления которых реализуется переход от коммуникационной модели «от одного — ко многим» к коммуникационной модели «многие — многим» (Landow, 1997).

Современные исследования (Blumler, Gurevitch, 2001; Papacharissi, 2002; Kaltborn-Stachau, 2008; Mummery, Rodan, 2013) показывают, что социальные сети, блоги и новые медиа обладают потенциалом демократизации, а также что использование этих новых политических средств коммуникации способно изменить отношения между государством и обществом: повысить индивидуальные и коллективные оценки доверия к государственным институтам; способствовать формированию инклюзивной национальной идентичности и становлению сопричастной гражданской позиции. Данные тенденции становятся тем более интересными для изучения, чем интенсивнее в Интернете получают распространение новые формы политической коммуникации, инициатором которой выступают не политики, а народ.

Одной из таких форм коммуникации является визуальная политическая ирония (Chastva, 2006). Данный вид иронии интересен тем, что его можно рассматривать не только как форму политической коммуникации, но и как вариант политического протеста. Карикатурный скандал 2005–2006 гг., причиной которого послужили карикатуры на исламского пророка Мухаммеда, напечатанные в датской газете «Jyllands-Posten», а также недавняя трагедия сатирического еженедельника «Charlie Hebdo» (2015 г.) подтверждают, что визуальная ирония может стать серьезным аргументом в политике и различными путями отразиться на обществе.

Данная статья посвящена анализу контекстуальных и инструментальных характеристик визуальной политической иронии в российском сегменте сети Интернет. Сегодня становится очевидным, что развитие отечественной политической культуры в виртуальной среде происходит под влиянием двух антагонистических тенденций. Первая тенденция связана с контекстом глобализации, стремлением людей к разрушению границ, воспроизводству демократических норм и ценностей. Вторая тенденция формируется советско-российскими политическими традициями, суть которых сводится к стремлению законсервировать существующие общественные отношения. Начиная с 2010 г. в России принимаются федеральные законы, направленные на ограничение доступа к информации (поправки к закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и др.), которые общественностью расцениваются как первые шаги к интернет-цензуре. Эти условия подталкивают к использованию иронических инсказаний и метафор как инструментов выражения политической позиции.

Ирония в российском политическом дискурсе имеет свои традиции, сформировавшиеся еще в царские времена и закрепившиеся в советской «подпольной» коммуникации: карикатурах, шаржах, анекдотах. Как утверждают Д. Штурман и С. Тиктин (Штурман, Тиктин, 1985), насмешка над угнетающей действительностью давала советским людям определенное ощущение свободы и реванша по отношению к власти. Анекдоты и карикатуры помещали условного врага в нелепые ситуации, выставляли в невыгодном свете, искажали внешние черты, гипертрофировали речевые недостатки и т. д.

Визуальная ирония в сети Интернет, с одной стороны, продолжает эти традиции, но, с другой стороны, имеет собственный арсенал средств иронического производства, не характерных ни для политического анекдота, ни для политической карикатуры. В данной статье мы рассмотрим эти способы и покажем особенности визуальной политической иронии и инструментов их создания в современном Рунете.

Политическая ирония в Рунете

В течение первого десятилетия XXI в. Интернет становится новым подпольем для российской политической иронии. Условия виртуальности, отсутствия цензуры и анонимности стимулируют непрерывный рост изображений и текстов: остросатирических, иронических, с ярко выраженной критической направленностью в отношении современной политической власти. Как отмечает О. Козловский (Kozlovskii, 2010), визуальная политическая ирония — одно из проявлений феномена виртуальной эмиграции, посредством которой индивиды ограничивают свою деятельность нерискованной виртуальной активностью и избегают необходимости выражать свои критические замечания в оффлайне. К наиболее популярным примерам политической иронии с виртуальным типом локализации можно отнести следующие.

1. *Авторские карикатуры и блоги карикатуристов.* Карикатура в интернет-пространстве является самостоятельным, специфическим информационным продуктом, основной целью которого является репрезентация политических субъектов с помощью комических приемов. Одним из наиболее «раскрученных» является авторский блог карикатуриста Сергея Ёлкина¹. С начала 1990-х годов Ёлкин сотрудничает с такими изданиями, как «Известия», «Российская газета», «The Moscow Times», «Ведомости», «Полит.ру», «The Guardian», «Economist» и др. Объектами его карикатур и иллюстраций чаще всего становятся политики, бизнесмены и государственные деятели. На январь 2014 г.² блог Ёлкина имел более 15000 зарегистрированных подписчиков. Посты блога представляют собой, в основном, единичные картинки или ссылки на внешние ресурсы, где эти изображения опубликованы.

2. *Демотиваторы на политическую тему.* Это своеобразный гибридный жанр, широко распространенный в виртуальном пространстве. Демотиватор — изображение, состоящее из графического компонента в черной рамке и поясняющего его слогана. Как правило, слоган представляет собой неожиданную интерпретацию основного сообщения — рисунка. Он нарушает логику визуального восприятия и по отношению к картинке имеет эмоционально противоположное значение. Результат зачастую является юмористическим, ироничным и пародийным. Создание демотиваторов — очень простой процесс и под силу практически каждому пользователю Интернета, поэтому они встречаются повсеместно в виртуальных сетях, блогах и форумах, а также объединяются в систематизированные сборники на специализированных юмористических сайтах³.

3. *Твиттер «Перзидента Роисси»* (анаграмма от Президент России)⁴. Данный микроблог на базе сервиса Twitter был создан летом 2010 г. В январе 2015 г. он насчитывает более миллиона подписчиков. Как указывает само название блога, твиты (публикации) в нем иронизируют над государственными инициативами и ежедневными новостями, касающимися первых лиц государства. Изначально @KermlinRussia был создан как пародийная имитация официального микроблога Дмитрия Медведева, в то время Президента России. Реальный президентский микроблог — классический пример «добросовестной» коммуникации (Leech, 1983). Ироническое содержание твиттера @KermlinRussia создавалось прежде всего через пародии на сообщения Медведева, например:

¹ URL: <http://ellustrator.livejournal.com> (дата обращения: 25.03.2015).

² В апреле 2014 г. LiveJournal.com закрыл статистику пользователей популярных русскоязычных блогов. Также прекратил свою работу рейтинг пользователей и сообществ, формировавшийся по количеству просмотров.

³ См.: <http://demotivators.to/p/tag/политика>; http://vk.com/info_kriminala_net; http://vk.com/polit_dem и др. (дата обращения: 25.03.2015).

⁴ URL: <https://twitter.com/KermlinRussia> (дата обращения: 25.03.2015).

@Kremlin: Этим летом мы пережили непростое испытание. Пожары в наших регионах выявили необходимость пересмотра лесного законодательства.

@Kermlin: Этим летом мы пережили непростое испытание. Пожары в регионах выявили необходимость смены власти, но мы просто пересмотрим законодательство.

@Kremlin: Дороги, построенные для Олимпиады в Сочи, будут самыми дорогими дорогами, построенными в мире.

@Kermlin: Чтобы сэкономить 327 миллиардов рублей, мы решили перенести Олимпийские Игры в Ванкувер, где уже все построено.

Действия «Перзидента Роисси» напоминают реализацию призыва Р. Барта (Barthes, 1957) к борьбе с официальной мифологией посредством ее вторичной мифологизации, создания искусственного мифа на базе существующего. Популярность @KermlinRussia основана на том, что его сообщения достаточно точно соотносятся с мнением общества по поводу социальных и политических проблем. Когда официальный Твиттер президента заявляет о важности той или иной проблемы, его Альтер-эго выявляет наиболее болезненную точку в этой теме для общества и заявляет о нем в шуточной форме. Многие читатели обоих блогов, по мнению создателей KermlinRussia, уверены, что он выражает «настоящие» мысли Президента, в то время как записи официального блога представляют собой лишь попытку имитировать деятельность первого лица государства (Тюнджи, 2011).

4. *Интернет-сообщество «Potsreotizm»*⁵. Это виртуальное сообщество людей, цель которых — подрыв существующих убеждений и правил поведения, связанных с государственными и институциональными отношениями. Данный интернет-журнал был основан 22 июня 2006 г., и на январь 2014 г. насчитывал более 4500 участников, зарегистрированных в Живом Журнале⁶.

Большую часть контента «Поцреотизма» составляют иллюстрации (фотографии или коллажи); также присутствуют тексты и видеоклипы. Объекты, интересующие членов сообщества, достаточно разнообразны и как правило включают в себя широко узнаваемых лиц, простых граждан, а также символы и социальные институты. Лидерами по количеству репрезентаций в сообществе являются Президент и Премьер-министр Российской Федерации, Владимир Путин и Дмитрий Медведев. Контекст изображений достаточно ироничен. Медведев может быть представлен в смешных позах: смотрящим в микроскоп во время визита в научно-исследовательский институт, заглядывающим в прицел гранатомета, расписывающим красками игрушку в детском центре. Путин может быть запечатлен, например, во время тренировки юных хоккеистов в спортзале или поющим песни у костра со строителями олимпийских объектов в Сочи.

Другая категория фотографий представляет собой иллюстрации, которые обращают внимание на демонстративное поведение, касающееся национальных и религиозных вопросов, а также на использование символов государства (включая изображения первых лиц) в неподходящих ситуациях и местах. Наиболее показательными иллюстрациями являются изображения советских лидеров на матрешках, алкогольный напиток «Патриот», гроб «Патриот», мороженое и торты, выполненные в цветах российского триколора, надпись на сапогах «Made in Russia», портрет Путина в детской секции дзюдо,

⁵ URL: <http://potsreotizm.livejournal.com> (дата обращения: 25.03.2015).

⁶ Более низкая актуальная цифра (3680 в январе 2015 г.) опять-таки связана с тем, что с апреля 2014 г. в Живом Журнале не отображается количество подписчиков и указывается только количество людей, которых сам пользователь добавил в друзья.

надпись в московском ночном клубе «Putin Party» и почтовая марка с детской фотографией Путина.

Комментарии к постам имеют не только речевую, но и визуальную форму. В этом сообществе пользователи часто *разговаривают картинками*, и именно картинки наиболее полно отражают содержательный характер сообщения, в то время как слова и фразы зачастую имеют лишь характер междометий и выражения одобрения («Круто!», «Здорово!», «Ок» и т. д.).

«Potsreotizm» является одним из старейших и наиболее показательных интернет-сообществ, основанных на визуальной политической иронии. Устойчивость воспроизводства иронических практик политической направленности в рамках одного сообщества на протяжении почти десяти лет предопределила выбор интернет-сообщества «Potsreotizm» в качестве объекта эмпирического исследования.

Теоретические основы: теории иронии и концепция визуального взаимодействия

Если рассматривать визуальную политическую иронию как последовательность действий, то ее можно выразить через три основных шага: (1) рефлексия текущих политических процессов и проблем, (2) фиксация данной рефлексии в момент восприятия конкретного изображения, (3) размещения картинка в интернет-журнале, контекст которого позволяет транслировать данное изображение как объект иронии. Первый шаг является основным предметом нашего интереса, поскольку он определяется комплексом личных и социальных процессов, происходящих в стране. Его интерпретация позволила бы понять актуальные ценности и предпочтения людей, их убеждения и установки. Именно рефлексивный опыт участников сообщества позволяет им увидеть ту или иную политическую ситуацию как ироническую.

Виртуальное сообщество как «символическая локальность» (Рождественская, Семенова, 2014, с. 25) позволяет реализовать манифестацию недоверия к политикам, чиновникам, государственным институтам, к возможности позитивных изменений в обществе благодаря действиям властей, а также укрепившимися стереотипами коррумпированности чиновников, их бездействием по поводу значимых вопросов. Однако выяснить конкретное содержание этих установок и ценностей напрямую не представляется возможным, поскольку именно нежелание их прямой демонстрации ведет к использованию визуальной иронии. Поэтому мы можем попытаться понять это содержание посредством анализа двух последующих шагов. Теоретическими рамками анализа при этом будут выступать теории иронии и концепции визуального взаимодействия.

В социологии теоретические аспекты иронии изучаются преимущественно в двух традициях: вербальной и ситуативной. Обе они одинаково важны для нашего исследования. Теоретики вербальной иронии (Sperber, Wilson, 1981; Haverkate, 1990; Hutcheon, 1995) показали, что ирония может способствовать процессу создания политического смысла как на когнитивном, так и на эмоциональном уровнях. В социальных коммуникации по поводу политического ирония является необходимым инструментом создания социального напряжения, поскольку позволяет имплицитно выражать мнение о существующих порядках и социальных ценностях, демонстрировать негативное отношение к оппоненту. Д. Спербер и Д. Вилсон (Sperber, Wilson, 1981) рассматривают иронию как результат металингвистической деятельности: говорящий к чему-либо сказанному кем-то до этого и в то же время выражает свое личное отношение к сказанному. Ирония — это способ дистанцировать себя от цитируемой точки зрения, чтобы посмеяться над ней или доказать ее несостоятельность. Ирония возникает как эхо, в результате отсылки к тому, что уже было сказано ранее, в новом контексте. При этом говорящий дистанцируется

от упоминаемого высказывания, подчеркивает свое негативное отношение к нему. Другими словами, иронический дискурс изначально предполагает различные значения, толкования и интерпретации. При этом значение иронического дискурса не может быть отделено от контекста, в котором он используется, равно как и от словаря своей целевой аудитории.

Теоретики ситуативной иронии (Littman, Mey, 1991; Lucariello, 1994; Shelley, 2001; Thagard, 2000) затрагивают еще один интересный для нас аспект иронического дискурса. Он основан на предположении, что ситуация считается иронической, если она задумана как имеющая бикогерентную концептуальную структуру и вызывает соответствующие формы эмоций. Другими словами, чувство иронии формируется посредством нашего восприятия происходящего с учетом восприятия, происходящего со стороны других людей, которое мы легко можем наблюдать, например, в собственной френдленте⁷. Ситуативная ирония в политическом дискурсе отличается от вербальной: если вербальная ирония создается и предполагает непосредственное взаимодействие иронизирующего субъекта и интерпретатора (человека, который решает, является ли высказанное ироническим или нет), то за ситуативной иронией наблюдают (Hutcheon, 1995), и большая часть примеров ситуативной иронии имеют только наблюдателя.

Ирония — это одновременно и инструмент мышления, и дискурсивная политическая практика, то есть целенаправленное использование языковых средств не только для передачи смысла, но и для воспроизводства определенных социальных отношений (Bloor M., Bloor T., 2007). Несмотря на то, что вербальная и ситуативная теории иронии достаточно различны, в каждой из них на первый план выдвигаются рефлексия (наличие общего опыта) и контекст, как вербальный, так и социальный. Рефлексия и контекст делают возможным создание самой иронии, а также являются своеобразным «мостиком» к пониманию иронии визуальной.

Начиная с середины XX в. изображения, образы становятся не просто формой искусства, но и формой управления массовым сознанием. Э. Холл подчеркивает, что визуальным данным присущи специфические функции в социологических исследованиях: стимулирование внимания и воображения; «эвристическая инспирация», регистрация; документирование, описательная инвентаризация визуальных фактов; иллюстративная интерпретация социологических понятий, категорий и закономерностей; практическая (идеологическая) функция (Hall, 1986).

Как отмечает П. Штомпка (Штомпка, 2007), в визуальную эпоху большое значение в межчеловеческом общении приобретают образы, которые переносят информацию, знания, эмоции, эстетические ощущения, ценности, воздействуя не только на сознание, но и на подсознание. Образное мышление способствует порождению новых социальных практик и отношений, последствия которых для человека и общества неоднозначны. В целом современные визуальные исследования в социологии сегодня характеризуются ориентацией на интерпретативную парадигму, то есть на понимание изображений как репрезентаций, визуальных конструкторов, которые транслируют ценностные ориентации и идеальные представления своих создателей (Мохеу, 2008). Н. Е. Покровский (Покровский, 2007) основным методом визуальной социологии считает «интеллектуальное моделирование процессов виртуализации и определение внутренних смысловых граней этого процесса». Е. Ярская-Смирнова и П. Романов (Ярская-Смирнова, Романов, 2009) развивают предложенную М. Бэнкс (Banks, 2001) двойную перспективу анализа: контент и контекст. Именно они позволяют объяснить формирование смыслов, которое

⁷ Френдлента — страница в блоге или социальной сети, на которой отображается в режиме постоянного обновления подборка сообщений (постов) от тех людей, которых данный пользователь добавил в друзья.

происходит через создание и восприятие изображения. Контекст позволяет объяснить формирование смыслов, которое происходит через создание и восприятие изображения. Это сближает иллюстративные и иронические модели коммуникации, что в случае нашего исследования важно для понимания инструментов создания иронии в интернет-сообществе.

На основе теоретического анализа инструменты создания политической иронии в сообществе «Potsreotizm» могут быть условно разделены на три группы: вербальные, ситуативные и иллюстративные. Объединяет данные инструменты *контекст* — условие, благодаря которому тот или иной визуальный или вербальный объект становится понятно ироничным для других участников сообщества. Обращаясь к предмету нашего эмпирического исследования, сообществу «Potsreotizm», невозможно не отметить, что само оно, начиная от названия и «показательных» поцреотичных фотографий в его профиле⁸, представляет собой контекст, помогающий его участникам увидеть и понять иронию. Тем не менее, контекст также предполагает (1) знание текущей политической ситуации; (2) знание «закулисной» интернет-интерпретации политической ситуации. Непосвященному в эти два аспекта читателю сложно понять, почему Дмитрия Медведева изображают в виде шмеля, а Владимира Путина — в виде краба⁹.

Логика исследования

Принимая во внимание вышеприведенные характеристики, мы будем рассматривать интернет-сообщество «Potsreotizm»¹⁰ как ироничное, политизированное, преимущественно визуальное поле для общения (взаимодействия). Чтобы определить, какие инструменты используют члены сообщества, чтобы создать иронию, мы ограничились только одним, самым распространенным форматом постов — фотографиями.

Исследование включает в себя анализ журнала сообщества за восемь лет (с июня 2006 г. по октябрь 2014 г.) и проводилось в несколько этапов. Первый этап заключался в изучении всех иллюстраций, опубликованных в журнале. После исключения повторяющихся изображений (некоторые публиковались более двух раз) их количество составило 4218.

На втором этапе картинки, которые не были распознаны участниками сообщества как «поцреотичные» (например, на это указывали такие комментарии, как «Ну и где здесь поцреотизм?») и/или были обработаны компьютерным способом, были исключены. В результате количество анализируемых иллюстраций составило 2361. Они были подвергнуты процедуре открытого ручного кодирования с использованием программы MAXQDA.

На третьем этапе посредством коллективной дискуссии выбранные изображения были классифицированы по методике сценарного анализа (Suhar, 1997)¹¹, предполагающей формирование визуального контента на основе ряда вопросов, конкретизирующих

⁸ URL: <http://potsreotizm.livejournal.com/profile> (дата обращения: 25.03.2015).

⁹ Мем «Путин — краб» получил широкое распространение в русскоязычном Интернете после того, как в 2008 г. в новостях с опечаткой напечатали следующую цитату Путина из: «Мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды... Все эти восемь лет я пахал, как краб на галерах, с утра до ночи...». Д. Медведева стали называть «шмелем» благодаря статье в газете «Деловой Петербург» (март 2008 г.), приводящей слова его однокурсников о том, что они не замечали за ним лидерских наклонностей, зато запомнили, как на свадьбе друга он переоделся в цыгана и от души спел песню «Мохнатый шмель».

¹⁰ Подробнее о характеристиках данного сообщества и смысле приставке «поц» см.: (Sanina, 2012).

¹¹ Автор выражает глубокую благодарность участникам научно-учебной группы «Экономика и социология изменений» (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) за участие в процессе обработки и анализа данных.

проблему (подробнее см.: Санина, 2012). Целью данного этапа было добиться достаточно однозначного понимания смыслов, которые вкладывают участники сообщества в публикуемые ими изображения, и сформулировать общий смысл понятия «Potsreotizm» — с тем, чтобы провести процедуру осевого кодирования. Вопросы, характеризующие инструментальный блок предмета анализа изображений, были сформулированы следующим образом:

- 1) Какие технологические особенности создания иронии в сообществе мы можем выделить?
- 2) Какие содержательные аспекты объектов иронии являются основанием для формирования общеразделяемого иронического контекста?

Ответами на данные вопросы, согласно методике сценарного анализа, стали коды, присваиваемые изображениям (см. рис. 1). Каждому изображению было присвоено от 1 до 6 кодов инструментального характера.

На заключительной стадии исследования мы обратились к методикам избирательного кодирования, чтобы определить, какие инструменты создания визуальной политической иронии используют участники сообщества. В результате приращения «родительских» кодов мы получили следующий результат (см. рис. 2).

Таким образом, в результате нашего анализа все коды, присвоенные изображениям, были сгруппированы в инструментальные категории: вербальные, ситуативные и иллюстративные (рис. 3). В каждой из категорий были сформулированы подкатегории, описание которых представлено ниже.

Необходимо отметить, что в каждом конкретном посте представлена комбинация этих инструментов, поэтому предложенная классификация носит аналитический характер и имеет своей целью продемонстрировать тот набор средств, который характеризует инструментальный уровень визуальной политической иронии в российском Интернете.

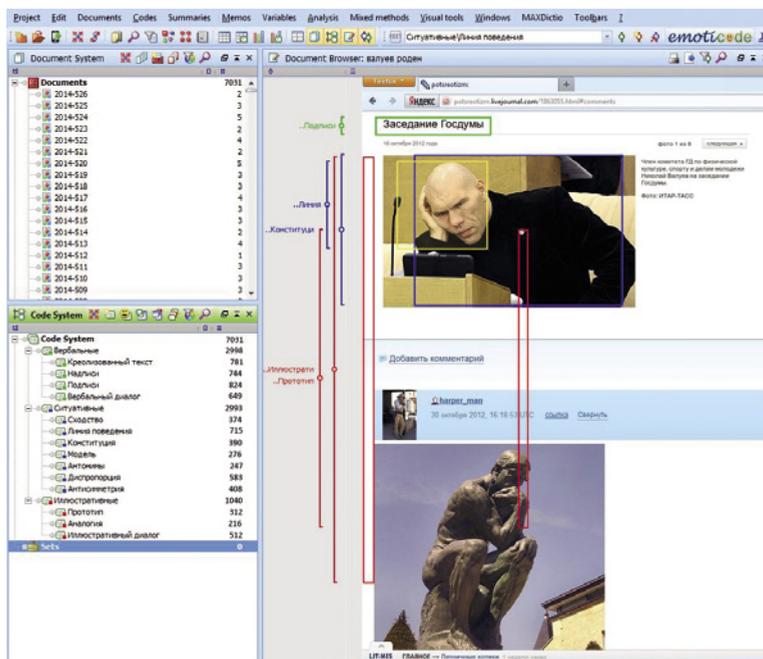

Рис. 1. Кодирование изображений в программе MAXQDA

	Code-ID	Position	Parent code	Code	All coded s...	All coded se...
●	7	1		Вербальные	2998	42,64
●	19	6		Ситуативные	2993	42,57
●	4	14		Иллюстративные	1040	14,79
●	6	4	Вербальные	Подписи	824	11,72
●	10	2	Вербальные	Креолизованный текст	781	11,11
●	9	3	Вербальные	Надписи	744	10,58
●	25	8	Ситуативные	Линия поведения	715	10,17
●	5	5	Вербальные	Вербальный диалог	649	9,23
●	21	12	Ситуативные	Диспропорция	583	8,29
●	2	17	Иллюстративные	Иллюстративный диалог	512	7,28
●	20	13	Ситуативные	Антисимметрия	408	5,80
●	24	9	Ситуативные	Конституция	390	5,55
●	26	7	Ситуативные	Сходство	374	5,23
●	18	15	Иллюстративные	Прототип	312	4,44
●	23	10	Ситуативные	Модель	276	3,93
●	22	11	Ситуативные	Антонимы	247	3,51
●	1	16	Иллюстративные	Аналогия	216	3,07

Рис. 2. Распределение частоты кодов на этапе избирательного кодирования (построено в программе MAXQDA)

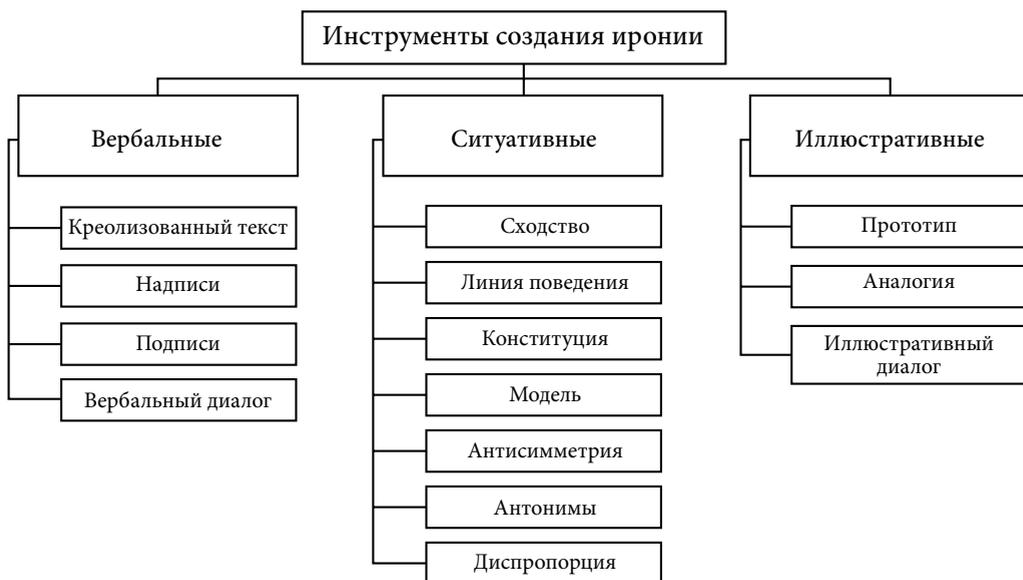

Рис. 3. Инструменты создания иронии в сообществе «Potsreotizm»

Вербальные инструменты

Иллюстративное взаимодействие, безусловно, полностью не исключает вербальные способы выражения иронии. Напротив, зачастую слова помогают понять ироническую интенцию и облегчают создание коллективного контекста для наблюдателей. Вербальные инструменты включают креолизованный текст, надписи на картинках, подписи к картинкам, вербальные диалоги.

1. *Креолизованный текст.* Многие посты в сообществе «Potsreotizm» обладают спецификой многоформатности. Одно сообщение может содержать и картинку, и инкорпорированную в нее надпись.

Конфликт, необходимый для возникновения иронии, здесь основан на игре слов и их визуального окружения. Смысл надписи и смысл картинки представляют собой два возможных, но противоречивых типа реальности, которые были сформированы рефлексивным сознанием наблюдателя. Примером данного инструмента создания иронии являются фотография, запечатлевшая вывеску «Кафе 1144. Здесь обедал Президент России», размещенную рядом с мусорным ведром, или фотография глухого церковного забора с размещенным на нем плакатом «Духовность — величайшая сила экономического развития!».

2. *Надписи.* Этот инструмент создания иронии имеет нечто общее с демотиваторами, с той лишь разницей, что в классическую черную рамку рисунок не оформляется. Подпись «Каменты пришли!» на рисунке, на котором изображен Дмитрий Медведев, с довольной улыбкой склонившийся над сайтом Живой Журнал, иронизирует над общеизвестным пристрастием тогдашнего российского президента к социальным сетям. Информационный повод для поста, о чем свидетельствует его название и приведенная ссылка, — Медведев стал лучшим блогером страны по итогам конкурса «Блог рунета 2011». Иронический эффект достигается усилением того, что известно (контекст), и тем, что изображено (картинка) словами, словно выражающими мысли Медведева.

3. *Подписи.* Подпись к картинке, которая размещается либо в качестве заголовка поста, либо под самим рисунком, направлена на трансформацию контекста из его «нормального» состояния (того, в котором фотография была использована изначально) в состояние ироническое. Для этого используются классические инструменты вербальной иронии: игра слов, перифраз, метафора, цитирование широко известных текстов или фраз, риторические вопросы. Например, риторический вопрос «Избирательная урна или почтовый ящик?» использован в качестве заголовка к посту с фотографией, изображающей мусорный бак, на котором написано «Путину». Ирония возникает через две интертекстуальные (точнее, интервизуальные) отсылки: во-первых, к дистанции между властью и народом (просьбы и жалобы настолько очевидно не исполняются, что могут быть «переданы» через мусорный бак); и, во-вторых, к работе Почты России, медлительность и низкий уровень сервиса которой стали притчей во языцех в российском Интернете.

Часто для создания иронии используется интернет-лексика, ограничивающая круг «посвященных», то есть знающих закулисную интернет-интерпретацию политической ситуации. Например, использование интернет-лексики можно увидеть в названии поста «под гипнозом краба»¹², изображающего депутатов, явно скучающих (зевающих, закрывших глаза, смотрящих в одну точку) во время выступления Президента.

4. *Вербальные комментарии.* Комментарии к постам, носящие вербальный характер, являются инструментом не только создания, но и развития иронии, раскрытия того контекста, что задал ироничный наблюдатель. К этому, безусловно, располагает среда Веб 2.0. Как мы указывали выше, большинство комментариев в сообществе носят междоментный характер. Нельзя не отметить и то, что очень часто в них встречается ненормативная лексика.

Как правило, данный инструмент используется для выражения презрительного отношения к изображенному, что характеризует особую коммуникативную стратегию «игру на понижение». Данная стратегия используется, когда объектом иронии становится человек, изначально обладающий более высоким социальным статусом

¹² URL: <http://potsreotizm.livejournal.com/848144.html> (дата обращения: 25.03.2015).

и властью. Комментатор сообщает нечто, что понижает этот статус в глазах наблюдателя/читателя; за счет такого понижения позиция пишущего (говорящего) усиливается. В качестве примера приведем фотографию надписи: «Детская спортивная площадка имени Д. А. Медведева», размещенной на дереве возле уличной площадки, и комментарий, воспроизводящий игру на понижение: «еще для выгула собак стоило бы создать нечто подобное».

Другой способ создания иронии — анекдот в ответ на картинку. Например, в постах, изображающих Путина и Медведева, часто встречается распространенный в России анекдот: «*Год 2023. Просыпаются Путин и Медведев с тяжелого похмелья. Путин спрашивает: «А ты не помнишь, кто из нас сегодня президент, а кто премьер-министр?»*»

Ситуативные инструменты

Ситуативная теория описывает основные связи между объектами и явлениями, которые могут использоваться в качестве инструментов создания иронии (Shelley 2001, 780–783). Речь в данном случае идет об ассоциациях, как позитивных, так и негативных. Когда люди оценивают ту или иную ситуацию, они используют свои убеждения или прошлый опыт, и соотношение между аспектами, ассоциируемыми позитивно или негативно, помогает объяснить восприятие той или иной ситуации как ироничной или неироничной (Thagard, 2000). Эти ассоциации могут носить последовательный и непоследовательный характер. Последовательные ассоциации объединяют:

- два объекта, которые обладают одинаковыми характерными признаками (*сходство*);
 - индивида/группу/организацию и нормы поведения, установленные ими (*линия поведения*);
 - объект и характеристики, которыми он обладает (*конституция*);
 - между двумя объектами, рассмотренными сквозь призму их структуры (*модель*).
- Непоследовательные ассоциации могут существовать:
- между объектом как целым и той его частью, которая является гипертрофированной, излишне преувеличенной (*антисимметрия*);
 - между объектами, противоположными по своему символическому значению (*антонимы*);
 - между двумя объектами и их свойствами, чрезмерно воплощенными только в одном из них и практически отсутствующими в другом (*диспропорция*) (Shelley, 2001).

Рассмотрим, как эти инструменты реализуются в сообществе «Potsreotizm».

1. *Сходство*. Этот инструмент используется в сообществе прежде всего для репрезентации пары Владимир Путин — Дмитрий Медведев. Причем фотографии, изображающие российских президента и премьера (так называемый «тандем»), были наиболее популярны в годы президентства Медведева (2008–2012 гг.). Чем более повседневным содержанием обладает фотография, тем больше иронии и насмешек она провоцирует. Постоянное нахождение вместе и схожесть в манере держаться, одежде, жестах, подмечаемая участниками сообщества, — способ показать несамостоятельность Медведева как президента. После победы Путина на выборах 2012 г., то есть с исчезновением контекста, «тандемные» картинки пошли на спад, а затем и вовсе прекратились.

2. *Линия поведения*. В сообществе «Potsreotizm» данный инструмент используется прежде всего для иронической репрезентации социальных и политических институтов, не выполняющих свои функции, или политиков, не реализующих свои обещания (или, наоборот, выставляющих свои рутинные достижения напоказ). Сюда относится

изображение ветхого, почти разрушенного, но все же жилого дома, на фасаде которого огромный плакат «Единая Россия: Продолжим курс Путина. Россия, вперед!»; высеченная золотом табличка на недостроенном детском бассейне «Детям от депутатов Единой России»; картонный календарь на столе в полицейском участке с надписью «Не упрекайте тех, кто вас защищает».

3. *Ирония конституции* используется в сообществе преимущественно для репрезентации телесных характеристик политических субъектов, которые воспринимаются как результат девиации их профессионального поведения. Здесь можно усмотреть ряд интертекстуальных (интервизуальных) отсылок к распространенным в российских народных массах представлениям о чиновниках и политиках как о нечестных корыстолюбивых людях, берущих взятки и не выполняющих свою работу. Так, в сообществе публикуются фотографии очень полных чиновников, полицейских, военных, религиозных деятелей. В 2008–2012 гг. нередки также репрезентации, связанные с невысоким ростом Дмитрия Медведева и стремлением полит-пиарщиков увеличить его перед камерой путем «правильного» подбора людей, участвующих в постановочных снимках, игр с передним и задним планами, а также простого использования подставок на трибунах и фотошопа применительно к уже готовым снимкам¹³.

4. *Модель*. Этот иронический эффект построен на столкновении различных аспектов ролей и статусов, связанных с концептуальной структурой, в которой они существуют. Примером выступает конфронтация между публичными и частными сферами жизни, в которых участвуют политики. На многих картинках, размещенных в сообществе, государственные деятели занимаются «негосударственными» делами: прогуливаются, танцуют, катаются на яхтах и т. п. Мы видим депутатов Государственной Думы, оживленно обсуждающих что-то — и явно неактуальный законопроект; Путина и Медведева на горнолыжном курорте; муниципальную служащую, раскладывающую на компьютере пасьянс «Косынка».

Каждый выход чиновников или политиков из зоны профессионального, в том числе так называемый «выход в народ», воспринимается как *не их дело*, и именно этот факт провоцирует иронию. Данный тип иронии позволяет продемонстрировать мнение членов сообщества о том, что публичным фигурам, представляющим государство, не следует выходить за пределы своих официальных обязанностей, потому как, во-первых, публичный характер их роли предполагает и более пристальное внимание к ним; во-вторых, «государственный» статус априори предполагает большое количество административных задач, следовательно, полную занятость именно ими. «Показушность» действий снижает эффективность государственного управления.

Другим примером использования иронии модели являются ситуации участия православных религиозных деятелей — от Патриарха России до простых священнослужителей — в светской жизни. Фотографии в сообществе изображают крещение военных и отрядов полиции; освящение боевой техники; многочисленные богослужения, на которых присутствуют политики; а также политические собрания, на которых присутствует Патриарх. Также распространены фотографии праздной жизни (застолья, праздников), которая противоречит аскетичному характеру роли духовенства. Основным интерес к их ироническому изображению вызван усилением «официального православного дискурса» и участием церкви в политической жизни страны. Официально Россия — светское государство, и, согласно Конституции, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Однако в стране очевидна ситуация, при которой служители культа начинают занимать привилегированное положение, государство

¹³ Примеры постов: URL: <http://potsreotizm.livejournal.com/732063.html>; <http://potsreotizm.livejournal.com/364661.html> (дата обращения: 25.03.2015).

уделяет церкви излишнее для своего светского статуса внимание, а сама церковь слишком активно и агрессивно вторгается во многие сферы жизни светского государства. Политизация религии и клерикализация государственных институтов — частые мотивы в сообществе «Potsreotizm».

5. *Ирония антисимметрии* связана с выявлением чрезмерно показного проявления людьми патриотических и религиозных чувств. «Квасной» патриотизм — основная тема сообщества. Примеры изображений, использующих этот тип иронии: мужчина в трусах цвета российского флага; девушки в купальниках и майках с портретами президентов; бомж, целующий портрет Путина; юноша, обвешанный портретами Сталина и т. д. Мы также видим продукты «народного творчества»: ковры с портретом Путина и Медведева, торт с надписью «Россия»; курицу, украшенную Георгиевской ленточкой, и даже «туалет истинного патриота» — с портретами Путина, Медведева и российским флагом. Не менее активной иронии подвергается показная демонстрация религиозности¹⁴.

6. *Антонимы*. Данный инструмент иронии основывается на сравнении тех или иных аспектов российской и зарубежной (прежде всего западной) жизни. Так, мы можем увидеть две ситуации встречи с детьми: Владимира Путина и Барака Обамы. Если Обама свободно общается с малышами, то Путин весь окружен охраной, а один из охранников отодвигает маленького мальчика, протягивающего Путину руку. Другой пример: три поездки на работу: мэр Лондона (на велосипеде), мэр Нью-Йорка (в метро), мэр Москвы (на кортеже с мигалками, ради проезда которого перекрыто движение).

7. *Ирония диспропорции* применяется к характеристике отношений народа и власти. Ирония возникает за счет интертекстуальной отсылки к принятой в досоветском и особенно в советском обществе модели поведения, предполагавшей невозможность критиковать власть, необходимость верить власти и надеяться на нее. Фотографии в сообществе показывают нищие дома и квартиры, в которых, тем не менее, висит ковер с портретом президента; старую пенсионерку в бедном доме и студентов в общежитии, — все они смотрят по телевизору обращение Медведева; ветерана войны, целующего руку мэру Москвы Лужкову. Эта ирония, пожалуй, наиболее горькая, поскольку отражает сложившиеся архетипические черты отношений между российским народом и властью, которые вряд ли поддаются «излечению» даже благодаря самой сильной иронии.

Иллюстративные инструменты

Уникальность сообщества определяется тем, что оно не только ироническое, но и преимущественно иллюстративное. Еще более интересно и уникально то, что комментарию на тему, заданную топик-стартером, также часто представляют собой картинки. Основными иллюстративными инструментами, использованными в сообществе, являются поиск прототипа, исторические аналогии и иллюстративный диалог.

1. *Прототип*. Данный инструмент предполагает публикацию картинки в комментариях, которая якобы могла быть прототипом фотографии, опубликованной автором поста. Иронический эффект определяется визуальной схожестью и одновременно сущностной антонимичностью изображений. В качестве примера приведем пост, изображающий Николая Валуева, бывшего профессионального боксера, а ныне депутата Государственной Думы. Ирония топикстартера, разместившего изображение, основывается на противопоставлении «спортсмен (человек, профессия которого предполагает физическую

¹⁴ См., напр.: URL: <http://potsreotizm.livejournal.com/2008/08/23/> (дата обращения: 25.03.2015).

деятельность) — депутат (человек, род занятий которого предполагает интеллектуальную деятельность)» и усиливается мощным образом Валугева, гиперболизирующим это противопоставление. Комментатор данного поста улавливает иронию и размещает фотографию скульптуры Родена «Мыслитель»¹⁵. Ирония контраста формы и содержания приобретает общеразделяемый смысл.

2. *Аналогии*, выраженные в фотографиях и рисунках, еще более глубокий инструмент, указывающий на преемственность тех или иных черт российских политических деятелей. Так, например, в комментариях к фотографии, изображающей Дмитрия Медведева и Николая Саркози с супругами, можно увидеть знаменитую фотографию Нины Хрущевой и Жаклин Кеннеди (1959 г.). Суть иронии здесь — в подчеркивании неумения одеваться и общего «деревенского» (цитата из комментариев) вида супруг российских президентов по сравнению с представительницами западного стиля. Другим примером является сравнение фотографии Дмитрия Медведева, держащего только что подаренный ему во время визита в США айфон, с изображением Никиты Хрущева с початком кукурузы.

3. *Иллюстративный диалог*. Данный инструмент предполагает публикацию серии картинок в рамках основной тематики, герой которых не меняется. В качестве примера можно привести пост «Хочешь, научу летать?»¹⁶. Фотография, размещенная топикстартером, представляет собой изображение Владимира Путина, держащего на ладони цыпленка и пристально глядящего ему в глаза. На заднем плане люди умильно улыбаются. В комментариях люди отвечают также фотографиями: на них Путин с животными и людьми, каждого он может научить чему-то: рыбу — плавать, девочку — читать, тигрицу — кусаться, собаку — лаять, корову и козу — давать молоко, осьминога — присасываться.

Этот пост — отголосок фотографий, распространившихся с начала 2008 г. на официальном сайте премьер-министра Путина в рубрике «Без галстука». На снимках он предстает в героическом образе мускулистого наездника, спортсмена, охотника, рыбака, мастера на все руки. На фотоснимках Путин скачет верхом на лошади с обнаженным торсом, стреляет из ружья с транквилизатором в амурского тигра, осматривает тело хищника, преодолевает сибирскую реку вплавь, возглавляет полет стерхов на мотодельтаплане и так далее. Иллюстративный диалог в посте осуществляется по принципу немой иронии: участники сообщества имеют общее рефлексивное понимание ситуации и суть картинок не требует разъяснения.

Заключение

Визуальная ирония является одной из наиболее сильных демонстраций того, как люди воспринимают нынешнюю ситуацию в стране. С ее помощью участники политического дискурса маркируют свой социальный статус, обозначают позиции, которые иногда не могут или не хотят высказать прямо и публично. Эти черты сближают новые формы иронического дискурса, получившие распространение в интернет-сообществах и социальных сетях, с традиционными формами иронии: анекдотом и карикатурой. Посты в сообществе «Potsreotizm» — это тоже своего рода насмешка над угнетающей действительностью, попытка реванша по отношению к власти. Как отмечает О. Яницкий (Яницкий, 2012), создав интернет-сети и научившись пользоваться ими как инструментом мобилизации социальных сил в своих интересах, люди вернули себе чувство коллективности.

¹⁵ URL: <http://potsreotizm.livejournal.com/1863055.html> (дата обращения: 25.03.2015).

¹⁶ URL: <http://potsreotizm.livejournal.com/1747252.html> (дата обращения: 25.03.2015).

В то же время разнообразие инструментальных средств (вербальных, ситуативных, иллюстративных), которое используют члены сообщества для создания иронии, свидетельствует о широком спектре проблем, суть которых понимается читателями и разделяется ими. Конечно, широкое распространение визуальных форм иронии можно трактовать как дань времени, однако, с нашей точки зрения, более правильно рассматривать этот процесс как развитие нового способа передачи информации, трансляции социальной позиции и формирования социальных границ. Создание и восприятие визуальной политической иронии, а также ее распространение в рамках того или иного сообщества предполагает наличие общего опыта, а значит, в конечном итоге, идентификации себя с группой, обществом, государством.

Участники сообщества, являясь интернет-пользователями, подвержены влиянию глобальных ценностей, — и именно это во многом формирует ту первую картину мира, на основании которой строится иронический эффект репрезентируемых изображений. Общеразделяемые смыслы свидетельствуют о том, что мы имеем дело с особой социальной общностью людей, для которых национальная, государственная, гражданская идентичности вовсе не означают безграничную лояльность и патриотизм, как того требует официальный дискурс «государственного строительства». Анализ визуального контента сообщества «Potsreotizm» позволяет показать несоответствие официального дискурса восприятию социальных групп. Это несоответствие касается многих моментов, но основные из них следующие:

- разрыв между декларируемыми приоритетами стабильности, управляемости, демократизации и неспособностью власти их реализовать (выражается через иронию линии поведения, прототипа, аналогии, а также очень часто — в вербальных диалогах);
- разрыв между вертикальными и горизонтальными системами управления, между религиозностью и духовностью, между властью и населением (основные инструменты выражения — креолизованный текст, конституция, антисимметрия, антонимы, диспропорция).
- разрыв между стремительно увеличивающейся частью общества, имеющей доступ в Интернет и освоившей культуру сетевого взаимодействия, и потребителями телевизионной, в основном развлекательной, продукции (демонстрируется через модели, а также в иллюстративных диалогах, аналогиях, едких подписях к фотографиям и надписях на них).

Визуальные иронические сообщения несут в себе широкие возможности для понимания механизмов современной политической коммуникации. Кроме того, порой визуальная ирония — это единственная объективизированная реакция людей, которую мы можем наблюдать, а значит, исследовать. Ключевой исследовательской процедурой в данном случае выступает интерпретация, поскольку «визуальный текст» не только апеллирует к сознательному восприятию, но и неявно привлекает потенциал культуры образности, а ирония в то же время предполагает некоторую отстраненность, позиционирование по отношению к явлению или феномену.

С этим связаны и ограничения методики: субъективность, сложность преодоления оценочной позиции исследователей, необходимость знания «языка» объекта исследования и контекста визуальной иронической коммуникации. Соединение сценарного метода анализа визуальных данных (анализ через заданные вопросы) и метода обоснованной теории (открытое, осевое и избирательное кодирование) на основе групповой техники интерпретации позволяет в определенной мере снять эти ограничения и провести детальное изучение большого объема первичного контента, характеризующегося иносказательностью, ярко выраженными морально-оценочной и нормативной компонентами; персонифицированностью и контекстуальностью.

Литература

- Покровский Н. Е. Умение видеть и искусство понимать. Вступительная статья // Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос. 2007. С. 1–10.
- Рождественская Е., Семенова В. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума // Интер. 2014. № 7. С. 22–43.
- Санина А. Г. Государственная идентичность: издержки виртуализации // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 77–87.
- Тютюнджи И. М. Феномен KermlinRussia в российском информационно-политическом пространстве // Социология власти. 2011. № 5. С. 149–154.
- Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос, 2007.
- Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
- Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социс: Социологические исследования. 2012. № 9. С. 3–12.
- Ярская-Смирнова Е., Романов П. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 7–15.
- Banks M. Visual Methods in Social Research. London: Sage, 2001.
- Barthes R. Mythologies. Paris: Seuil, 1957.
- Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. Yale University Press, New Haven, 2006.
- Bloor M., Bloor T. The Practice of Critical Discourse Analysis. An Introduction. London: Hodder Arnold, 2007.
- Blumler J. G., Gurevitch M. The New Media and Our Political Communication Discontents: Democratizing Cyberspace // Information, Communication & Society. 2001. № 4 (1). P. 1–13.
- Chastva M. Anger, Irony, and Protest: Confronting the Issue of Efficacy, Again // Text and Performance Quarterly. 2006. № 26 (1). P. 5–16.
- Hall E. Foreword. Visual Anthropology // Collier J., Collier M. Photography as a Research Method. Albuquerque: The University of New Mexico Press, 1986. P. 13–17.
- Haverkate H. A Speech Act Analysis of Irony // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. P. 77–109.
- Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony. London, New York: Routledge, 1995.
- Kaltenborn-Stachau H. The Missing Link: Fostering Positive Citizen-State Relations in Post-Conflict Environments. The World Bank Communication for Governance & Accountability Program (CommGAP). 2008. URL: <http://siteresources.worldbank.org/EXTGOVACC/Resources/CommGAPMissingLinkWeb.pdf> (дата обращения: 01.02.2015).
- Kozlovskii O. Democracy: New Tools for the Struggle. Speech at the Ion Ratiu Democracy Award Workshop. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C. 2010. URL: <https://docs.google.com/document/pub?id=1FmOZDIHLrNjIoxrJn2CUukzuQLet4rh6jwe2SZBknWw> (дата обращения: 01.02.2015).
- Landow G. P. Hypertekst 2.0: the Convergence of Contemporary Critical Eheory and Eechnology. Baltimore: John Hopkins University Press, 1997.
- Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.
- Littman D. C., Mey J. L. The Nature of Irony: Toward a Computational Model of Irony // Journal of Pragmatics. 1991. № 15 (2). P. 131–151.
- Lucariello J. Situational Irony: A Concept of Events Gone Awry // Journal of Experimental Psychology: General. 1994. № 123 (2). P. 129–145.
- Moxey K. Visual Studies and the Iconic Turn // Journal of Visual Culture. 2008. № 7. P. 131–146.
- Mummery J., Rodan D. The Role of Blogging in Public Deliberation and Democracy // Discourse, Context and Media. 2013. № 2. P. 22–39.

Papacharissi Z. The Virtual Sphere: the Internet as a Public Sphere // *New Media & Society*. 2002. № 4 (1). P. 9–27.

Sanina A. Competing For a Citizen: «Visible» and «Invisible» Forms of State Identity in Russia // *Journal of Eurasian Studies*. 2012. № 3(2). P. 126–146.

Shelley C. The Bicoherence Theory of Situational Irony // *Cognitive Science*. 2001. № 25. P. 775–818.

Sperber D., Wilson D. Irony and the Use-mention Distinction // Ed. by P. Cole. *Radical pragmatics*. New York: Academic Press, 1981. P. 295–318.

Thagard P. *Coherence in Thought and Action*. Cambridge: MIT Press, 2000.

Обзоры конференций

Новая повестка дня в исследованиях телесности. Международный симпозиум «Дискурсы тела/политики тела и действие». Вена, Венский университет, 5–7 февраля 2015 г.

Александрина Ваньке

5–7 февраля 2015 г. в Вене состоялся Международный симпозиум «Дискурсы тела/политики тела и действие» (Body Discourses/Body Politics and Agency), организованный сектором гендерных исследований Венского университета и исследовательской сетью «Гендер и действие» Венского университета совместно с командой международного проекта «Bodypolitix: Политики Телесности». Симпозиум был направлен на междисциплинарное обсуждение подходов, перспектив и исследовательских вопросов, связанных с осмыслением гендеризированной телесности в разных ее формах и проявлениях. Организаторам удалось соединить различные жанры говорения о теле и включить в программу мероприятий не только научные доклады, но и перформансы, художественные и фотографические выставки, дискуссии и мастер-классы.

Открылся симпозиум нестандартным для научных мероприятий жанром — лекцией-перформансом «Преображающиеся тела», исполненным профессором Университета Клагенfurта, доктором философии и психоаналитиком Элис Пехриггл под аккомпанемент венского музыканта и композитора Мартины Кизек. В лекции-перформансе профессор Пехриггл изобразила думающее тело, которое потерялось в дебрях своих мыслей и оказалось подчинено фантазмам абсолютного управления. В процессе представления посредством жестикуляции, телодвижений, музыкального сопровождения и множественных голосов профессор Пехриггл, катающаяся по полу, сидящая в кресле при свете лампы, надевающая маски и замирающая в различных позах, затрагивает проблему гуссерелевского разделения на тело-субъект (мыслящее тело) и тело-объект (тело, которое мыслят). Любое научное исследование предписывает социальному ученому занимать отстраненную позицию по отношению к изучаемому объекту, объективировать субъективные переживания и опыт, получаемый посредством социального тела (Körper). В противоположность этому в сценической форме лекции-перформанса профессор Пехриггл попыталась ухватить думающее тело-субъект (Leib), которое способно на самостоятельные мыслительные действия и сопротивление.

Эту мысль продолжил перформанс «Просто собранные антропоморфные данные», исполненный артистическим трио из Алматы, состоящим из двух человек — Марии Вильковской и Руфи Джендербековой. В его основу легла идея Мишеля Фуко о запертом в точке схождения режимов власти и знания теле, теле как материи, пропускающей

¹ Ваньке Александрина, кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, заместитель декана по научной работе социологического факультета ГАУГН. alexandrina.vanke@gmail.com.

Рис. 1. Лекция-перформанс «Преображающиеся тела», 5 февраля 2015 г. Фото автора

через себя дисциплинарные и эпистемологические последовательности. Критический перформанс с обнажением тел актеров символически изобразил процесс осуществления власти над телом посредством его измерения, интерпретации и классификации. В ходе перформативного действия собираемые антропоморфные данные записывались маркером на коже. Так художники попытались сделать видимым конституирование тела-объекта.

Программа самого симпозиума состояла из пяти тематических секций, проходивших параллельно друг другу. Секция «Оптимизированное тело: для кого и для чего?» (модератор Зигрид Шмитц) была посвящена вопросам телесных модификаций и включала обсуждение пластической хирургии, репродуктивной медицины, стимулирования мозговой активности и значений эффективности тела на рынке труда. Секция «Академический телесный габитус» (модератор Илзе Бартош) содержала теоретические доклады, высвечивающие проблему перехода границы между природой и культурой, разрешаемую с помощью понятия «телесный габитус». Секция «Биополитическое регулирование тел/телесность в дискурсах «Запада» и «Востока» (модераторы Катарина Видлак и Маша Нойфельд) объединила исследователей, изучающих тела на постсоветском пространстве, вплетенные во властные отношения между сконструированными категориями «Запада» и «Востока». Секция «Дискурсы в развитии, постколониальность и тела» (модераторы Изабель Гард и Ханна Хакер) основывалась на квир-феминистских подходах, в рамках которых участие и анализ телесности воспринимаются через призму международного неравенства. Секция «Что слева от тела?» (модератор Сильвия Кирхенгаст) была направлена на создание диалога при изучении телесности между представителями гендерных исследований, социальных наук и технических дисциплин.

Разнообразие мероприятий и множество панелей, которые проходили одновременно, практически не оставили возможности послушать все доклады, которые

Рис. 2. Секция «Биополитическое регулирование тел/телесность в дискурсах «Запада» и «Востока», 6 февраля 2015 г. Фото автора

представляли для меня интерес. Тем не менее более подробно удалось познакомиться с выступлениями, сделанными в рамках секции «Биополитическое регулирование тел/телесность в дискурсах «Запада» и «Востока», посвященной осмыслению телесности в Восточной Европе: Белоруссии, Казахстане, России, Украине и Чехии. Рабочим языком секции был английский, однако во время обсуждений и диалогов участников можно было слышать немецкую, русскую и украинскую речь.

Секция открылась презентацией международного проекта «Bodypolitix: Политики Телесности». Его участницы Маша Нойфельд и Катарина Видлак поставили вопрос о том, как производятся дискурсы о теле на воображаемых «Западе» и «Востоке». На примере исследования потребления алкоголя в России и управления национальной идентичностью в российском и американском кинематографе они попытались де-конструировать «западные» и «восточные» дискурсы вместе со способами репрезентации телесности, национальности, сексуальности, гендера и возраста.

Первая панель секции была направлена на обсуждение темы (ре)продуктивных дискурсов и технологий. Ее участницы Татьяна Щурко и Вероника Зигль посвятили свои презентации вспомогательным репродуктивным технологиям и суррогатному материнству в Белоруссии и России. Обе исследовательницы сошлись во мнении о том, что современные биополитические технологии описываются господствующим дискурсом в категориях «нации», а национальная политика в постсоветских государствах в условиях неолиберализма направлена на женское тело и установление контроля над практиками материнства и заботы о репродуктивном здоровье. Выступление Саши Скорых затрагивало тему гендерной идентичности в контексте дискриминации в России. В нем были освещены социальные барьеры, с которыми ежедневно сталкиваются российские трансгендеры.

Сквозными темами второй панели стали гражданство и телесное воплощение. Оля Казакевич в своем выступлении задалась вопросом, насколько гомосексуалы в России имеют доступ к адекватному представлению в медиа, и пришла к выводу, что символически они отвергаются и исключаются из публичного пространства, а российское телевидение допускает лишь образцы нормативной гетеросексуальности. Доклад Евгении Ивановой был посвящен соматическому гражданству в (пост)советском Чернобыле. Основываясь на обширных архивных данных и материалах интервью, она выдвинула тезис о том, что авария на чернобыльской атомной электростанции реструктурировала политическое пространство в Белоруссии, придав новое значение женскому политическому и гражданскому участию, а также способствовала развитию новых гражданских стратегий для мужчин. Виктория Шмидт и Михаил Цыганов раскрыли проблему субъективного женского телесного воплощения в фильмах-сказках социалистической Чехословакии и обнаружили в них воспроизводство евристического дискурса.

Третья панель объединила выступления, связанные с изучением тел в национальной перспективе. Александрина Ваньке поделилась результатами исследования телесности мужчин рабочих профессий в современной России, рассмотрев производство маскулинного субъекта через телесный аспект в режимах труда и в приватной сфере. Юлиана Матасова представила сравнительный анализ трансгрессивной телесности популярных певиц из США и Украины — Тори Амос и Ирины Билык, чьи преобразования внешнего вида в период 1990-х — 2000-х гг. можно рассматривать в качестве примера телесного сопротивления капитализму и колониальной логике патриархальной власти. Руфь Джендербекова рассказала о национальном казахском теле, репрезентируемом тремя способами в визуальном искусстве: во-первых, каноническими изображениями социалистического тела, характерными для советской эпохи, во-вторых, трансгрессивными телами переходного периода 1990-х — 2000-х гг. и, наконец, гетеронормативными телами, составляющими основу национальной идентичности в современном Казахстане.

Секция завершилась пленарным обсуждением, развернувшимся вокруг ключевого вопроса о том, как создать новую повестку дня в исследованиях телесности, соединяя регистры критического анализа, искусства и активизма. Его результаты имеет смысл изложить в виде дискуссионных вопросов, открывающих перспективы для дальнейшего осмысления политики и дискурсов телесности. Следует ли отказаться от идеи особого пути и полагать, что все люди составляют единую человеческую общность? Как преодолеть различия в политиках идентичности и телесности в условиях экспансии неолиберализма? Как перешагнуть границы между «западными» и «восточными» теоретическими подходами к изучению телесности? И, наконец, как выработать общий язык для равноправного диалога, позволяющего говорить о субъективированном и объективированном телесном опыте?

Международная конференция «Biographies of Belonging». Амстердам, Амстердамский свободный университет, 10–11 марта 2015 г.¹

*Виктория Семенова**

Конференция, официально организованная международным биографическим сообществом, первоначально задумывалась как сугубо биографическая и традиционно методическая, но вызвала широкий междисциплинарный резонанс и поток заявок от исследователей, практикующих биографический подход при изучении конфигураций индивидуального в рамках различных социальных сообществ.

Так, в конференции приняли участие известные специалисты по транснациональным миграционным процессам (профессор Katterine Pratt Ewing из Колумбийского Университета, США), по изучению этничности и этнических сообществ (Jayne O. Ifekwunigwe, Duke University, Durham, USA), по социальной истории и социальной антропологии, социальной географии, специалисты по СМИ из самых разных стран, начиная с США и Канады и заканчивая Южной Африкой и Японией, что свидетельствует о всеохватном росте интереса к биографической парадигме и ее эвристических возможностях.

Это направило фокус конференции на дискуссии относительно культурных аспектов современных социальных процессов, и прежде всего таких, как проблематика социально-культурных пространств и их границ; транснациональная мобильность и процессы мультикультурализма, проблема маргинальной культурной принадлежности и парадоксов индивидуальной идентификации.

Процессы транснациональной миграции и оппозиция культур обсуждались в ходе докладов как парадоксы национальной идентичности: демонизация культурно-«другого» и дискурс демонизации как ощущение себя «другим» в рамках национальной и гражданской идентичности (сессия «Multiple belonging: An in-between perspective» и сессия «Belonging and national identity», «Citizenship lost»). По этой тематике особого внимания заслуживает доклад профессора Pratt Ewing, которая рассуждала о парадоксах общественного мнения относительно преступности представителей этнически-другого, опираясь на известные теории лейблирования. В американском общественном мнении, и в частности в прессе, проявилась тенденция идеологизации бытовых криминальных действий посредством лейблирования (демонизация определенных групп, демонический дискурс в общественном мнении): если преступник мусульманин, — то преступление сразу объявляется совершенным на религиозной почве, если

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Семенова Виктория, доктор социологических наук, заведующий сектором ИС РАН, профессор социологического факультета ГАУГН. victoria-sem@yandex.ru.

преступник афроамериканец, — то преступление объявляется расовым, если белый — то «одиноким волк».

Одним из новых поворотов в применении биографических методов стала концентрация исследовательского интереса на культурных сообществах как пространствах, в частности на мультикультурном пространстве «глобального города» (global city) как пространства, где формируются и сосуществуют различные культурные сообщества и происходит диверсификация культур как различных семантических полей и форм социальных практик. Сразу несколько сессий посвятили свои заседания обсуждению этих проблем: сессия «Species of belonging», «Species of non-belonging», «Intersectional spaces of belonging».

При рассмотрении города как пространства сразу же возникают такие аспекты изучения, как проблема соседства, пространственной культуры и символических границ сообщества — «Geography of belonging: the place attachment of immigrants and expatriates» (Marianne van Bochave), «I like my neighborhood place attachment of Moroccan youth in Utrecht» (Patricia Wijntuin), «I am local. Narratives of Polish People's Republic activists — past and present perspective» (Kaja Kazemirska).

Другим аспектом пространственного подхода к глобальному городу стала проблематика субъективного представления о «доме», принадлежности к дому (to feel oneself like at home), понимание гражданской принадлежности к данной культуре через признание ее «своей». В данном контексте появились рассуждения о возможных истоках миграции в понятиях «дом как тюрьма» («Becoming unaccustomed to home: narratives of young Eritreans about estrangement, belonging and the desire to leave home» (Milena Belloni), «In-betweenness as a remedy against homelessness? Struggles of belonging among Eastern European writers in contemporary Europe» (Josip Kesic)); стремление и борьба за создание нового индивидуального чувства «дома» в новых обстоятельствах («At home in the 'enemy' fatherland: narratives of home-coming of Indisch-Japanese children born of war» (Aya Ezawa), «Home is where University is: African Academic migrants in South Africa» (Melissa Kelly)).

В заключении общей дискуссии обсуждался вопрос о сопряженности методологии биографического подхода с практическими задачами исследователей, работающих в разных прикладных полях. Здесь наиболее остро обсуждался вопрос, где лежит водораздел между общесоциальным и индивидуальным подходами к биографии. В ходе дискуссий сложилось расхождение в понятийном аппарате участников: понятие индивидуальная принадлежность к сообществу (belonging) подразумевает «приписывание» индивидуального, номинальную принадлежность к сообществу, соответственно индивиды рассматриваются как пассивные участники определенных социальных структур, тогда как биографический подход предусматривает более активное рассмотрение индивидуального как стратегий вхождения/адаптации/отказа от вхождения в социальные структуры (Lena Inowlocki, Jan Coetzee, Victoria Semenova).

Международная конференция «Политическое — это личное: режимы гендера, здоровья и заботы». Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 16–17 апреля 2015 г.

*Ирина Тартаковская**

16–17 апреля в Европейском университете в Санкт-Петербурге состоялась международная конференция «Political is Personal: Regimes of Gender, Health and Care», собравшая более 30 участников из семи стран — России, Украины, Беларуси, Финляндии, Израиля, Германии, США. Тема конференции перекликается с классическим лозунгом второй волны феминистского движения «Личное — это политическое». Выдвинутый в 1960-е годы, он остается актуальным и по сей день, более того, даже обретает новые важные смыслы.

Большая часть докладов, представленных на русском и английском языках, касалась не только «личного», но даже «телесного», поскольку фокусировалась на политиках в области здравоохранения, в особенности, репродуктивной медицины. Медикализация не только процессов, связанных с вынашиванием и рождением ребенка, но практически всей жизни женщины репродуктивного возраста, рассматриваемой в рамках властных дискурсов и практик как «мать» или «будущая мать», отвечающая за важный государственный ресурс, стала одним из фокусов дискуссий на конференции.

Так, темой доклада известной исследовательницы Мишель Ривкин-Фиш (Университет Северной Каролины, Чэйпел Хилл), открывшего конференцию, стало сравнение эволюции подходов к защите законного доступа к абортam в России и США (проблема, приобретающая, к сожалению, все новую и новую актуальность). Ривкин-Фиш обратила внимание на то, что слоган современного российского активизма, защищающего репродуктивные права женщин, звучит следующим образом: «Бороться с абортam, а не женщинами!» Таким образом, сама по себе борьба с абортam рассматривается активистами как нечто неизбежное и легитимное (в отличие от направленности аналогичного активизма в США), и выдвигается лишь требование вести ее в таких формах, которая не вредит женщинам — не приводит к криминальным абортam, и т. п. Докладчику такая стратегия представляется несколько парадоксальной, однако в последовавшей за докладом дискуссии было высказано мнение о том, что этот лозунг является лишь тактическим, отражающим меру вынужденного политического компромисса, позволяющего действовать во все сужающемся публичном пространстве, доступном для любой протестной деятельности.

В выступлении профессора Европейского университета Анны Темкиной «Деторождение и репродуктивный «супермаркет»: коммерциализация, переговоры и де/медицилизация» обсуждалась проблема высокой степени коммерциализации родовспомо-

* Тартаковская Ирина, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИС РАН и Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ, преподаватель социологического факультета ГАУГН. lucia.richardson@gmail.com.

гательных услуг и ведения беременности. Такая ситуация в медицинских учреждениях стала дополнительным фактором социальной стратификации, причем касающейся «экзистенциально важных» аспектов человеческого бытия, связанных с воспроизводством жизни. Коммерциализация становится всеобъемлющей, так что продаваться может комфорт, качественные лекарства и медицинское оборудование, лучшие профессионалы-врачи, полезная информация и, наконец, хороший сервис и эмоциональная работа — психологическая поддержка роженицы. Возникает резонный вопрос о том, что же получают те матери, которые не имеют возможности оплатить весь этот спектр услуг (как правило, с очень серьезным ценником)?

В докладе аспирантки Европейского университета Анастасии Новокунской эта же проблема освещается применительно к небольшим провинциальным медицинским учреждениям, имеющим в своем распоряжении очень ограниченный набор технических ресурсов. Тем не менее они тоже стремятся оказывать платные услуги, причем у их пациентов, в отличие от жителей больших мегаполисов, практически не остается выбора. Этой же темы касались в своих выступлениях Анна Алимпиева и Мария Кохановская из Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград), Елена Виноградова из Высшей школы экономики (г. Москва), Ольга Мельникова из Томского государственного университета и — применительно к Украине — Татьяна Степурко из Киево-Могилянской Академии. Все эти доклады, так или иначе, были посвящены моделям смыслов и тенденциям неолиберальной социальной политики, которая часто сводится к бессмысленным и непоследовательным реформам, которые лишь увеличивают советскую ностальгию. Многие выступавшие говорили о крайне противоречивой роли государства, которое хотело бы переложить ответственность, в том числе финансовую, на медицинские институты, но сохранить при этом в своих руках основные рычаги и ресурсы. Можно говорить о внедрении специфической модели неолиберализма, парадоксальным образом подразумевающей очень высокий уровень вмешательства государства во все процессы.

Другая проблема, которая поднималась во многих выступлениях, может быть обозначена как кризис доверия — к государству, к частным коммерческим институтам и к медицинским услугам вообще. Аспирантка Европейского университета Екатерина Бороздина показала в своей презентации, что этот кризис нередко приводит к тому, что беременные женщины вообще отказываются от услуг профессиональных врачей, доверяя свое репродуктивное здоровье знахаркам и прочим представителям «альтернативной медицины», которые практикуют домашние роды и прочие неотрадиционалистские практики — нередко с риском серьезных осложнений.

Очень интересный доклад Кристины Вейс из Университета де Монфор был посвящен суррогатному материнству и отношениям суррогатных матерей с «заказчиками» их услуг, т. е. будущими юридическими и/или биологическими родителями вынашиваемого ребенка. Она показала в своем исследовании, что эти отношения развиваются по самым разным моделям: от предельно обезличенного выполнения «заказа» до близких контактов, переходящих в дружбу. Так или иначе, эта форма биологического воспроизводства тоже является коммерческим проектом, иногда связанным с поистине удивительными способами саморепрезентации, когда юридическая/биологическая мать будущего ребенка не только имитирует перед знакомыми беременность, но и присутствует при родах и иногда даже фотографируется на гинекологическом кресле, чтобы выложить фотографии «своих» родов в социальных сетях или показывать потом родственникам и друзьям.

Однако в выступлениях на конференции обсуждалось и много других тем, выходящих за пределы репродуктивного здоровья и медицины, но касавшихся социальной политики в более широком смысле. Так, например, аспирантка Европейского университета Анна

Клепикова рассказывала о гендерном и сексуальном воспитании людей с особенностями интеллектуального развития, находящихся в специализированных учреждениях, которых работники этих учреждений всеми силами стараются «вписать» в доминирующие гендерные ресурсы.

Интересный доклад Мэри Кумпала из Александровского университета (г. Хельсинки) был посвящен деятельности российских ветеранских организаций, стремящихся использовать ресурсы государственной поддержки в интересах своих членов. Нитца Беркович из Университета Бен-Гурион (Израиль) тоже рассказывала о пожилых людях, а именно израильских бабушках и дедушках, значительную часть своего времени и сил посвящающих помощи в воспитании своих внуков, однако отвергающих при этом традиционалистские представления о многопоколенных семьях.

Жанна Чернова из Высшей школы экономики в своем докладе рассматривала модели государственной семейной политики и индивидуальные стратегии граждан, часто вступающие в противоречие с этой моделью. Ее коллега Лариса Шпаковская рассказала о представлениях о «правильном материнстве» представительниц среднего класса. Татьяна Щурко из Европейского колледжа Liberal Arts (г. Минск) посвятила свое выступление белорусской государственной политике применительно к репродуктивным технологиям. Присутствие исследователей из разных стран позволило участникам конференции более рельефно представить себе общее и особенное в приоритетах и возможностях семейной политики в постсоветской Восточной Европе.

Выступление сотрудницы Института социологии РАН (г. Москва) Александрины Ваньке, в отличие от прочих докладчиков, было посвящено проблемам маскулинности, а именно телесным практикам российских мужчин среднего класса, рассматривающих свое тело и как источник удовольствия, и как своего рода «телесный капитал», требующий развития и инвестиций.

Завершилась конференция просмотром интересного документального фильма «Кровь» режиссера Алины Рудницкой, посвященного деятельности передвижной станции переливания крови, т. е. тоже медицинского учреждения. Фильм вызвал оживленную дискуссию.

Авторы номера

- Александрина Ваньке** кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, заместитель декана по научной работе социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: социальные исследования тела, эмоций и исторической памяти.
- Екатерина Ковалева** магистрант департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология тела, культурсоциология, качественная социология, биографический метод.
- Елена Онегина** студентка факультета социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология тела, гендерные исследования, социология молодежи.
- Полина Остроухова** магистрант факультета менеджмента НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология тела, социология молодежи, онлайн исследования.
- Анастасия Пойлова** магистрант факультета менеджмента НИУ ВШЭ. Научные интересы: методология и методы социологического исследования, инновации, предпринимательство, поведение потребителей.
- Наталья Савельева** сотрудник Лаборатории публичной социологии (PS Lab) ЦНСИ; аспирант ИС РАН. Научные интересы: социология труда, социология общественных движений, социология тела.
- Ольга Савинская** кандидат социологических наук, доцент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: качественные методы в социологии, социология семьи, гендерная социология, социальная политика.
- Анна Санина** кандидат социологических наук, доцент департамента государственного администрирования НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, приглашенный сотрудник лаборатории интернет-исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Научные интересы: национальная, гражданская и государственная идентичности, социология государства, социология управления, визуальная социология.

Виктория Семенова

доктор социологических наук, заведующий сектором ИС РАН, профессор социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: методология и методика качественных исследований, социальные проблемы поколений, социокультурные изменения, историческая память.

Марина Спирина

магистрант департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Научные интересы: экономическая социология, социология организаций, нестандартная занятость, социология тела, качественные методы в социологии, визуальный анализ.

Ирина Тартаковская

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИС РАН и Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ, преподаватель социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: гендерная социология, экономическая социология, исследования социальной памяти и механизмов социальной мобилизации в Интернете.

Алиса Толстокорова

кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь. Научные интересы: гендерные аспекты украинской миграции, академическая миграция, транснациональные семьи мигрантов.

Abstracts and key words

Between subjection and freedom: «techniques of the self» in Michel Foucault writings

Natalia Savelyeva

Based on the M. Foucault texts and verbal presentations, this article focuses on two «techniques of the self»: subjectification and «care of the self». «Techniques of the self» differs from the techniques of domination or discipline. They are a series of techniques, which individuals use to work on themselves and to transform themselves by regulating their bodies, their thoughts and their conduct. The difference between subjectification and «care of the self» is as follows. First, practices of subjectification aim to unveil the inner world and thoughts of the individual; practices of «care of the self» set out to regulate the conduct. Secondly, practices of subjectification assume that the source of the truth about the individual is located beyond him, practices of «care of the self» assume that the individual can arrive at the truth which is not pre-defined. Finally, «care of the self» does not need renunciation. Therefore, Foucault associated practices of subjectification with subjection of the individual and practices of «care of the self» with possibility attain freedom.

Key words: Michel Foucault, subjectification, techniques of the self, practices, care of the self

Representation of the female body in modern yoga: theoretical and methodological approach

Ekaterina Kovaleva, Marina Spirina

This article sets out to construct an integrative methodological approach to the visual representation of the female body as a social and cultural phenomenon in modern yoga through the theoretical perspectives of symbolic interactionism and structuralism. An enhanced methodological tool came out of the framework of commercial realism developed by E. Goffman in combination with the concepts of constructed body and technologies of the self by M. Foucault. The critical approach to visual socio-semiotics by G. Kress and T. van Leeuwen made their contribution to the development of the integrative methodological scheme. The tool was tested on the visual representations of the female body from the websites of the popular yoga schools in Moscow. The authors conclude that the designed methodological approach could be successfully applied to visual analysis of different areas of female physical activities such as yoga, fitness practices and strength training.

Key words: female body, gender representation, visual analysis, gender display, technologies of the self, modern yoga

**«The educational space of kindergarten»:
construction of the concept and tools for measurement**

Olga Savinskaya

The paper conceptualizes a specific «educational space» that is created in a kindergarten. The research problem emanates from the significance of a comprehensive evaluation of the preschool education structural reforms that have been taking place in recent years. The opinion of parents as the vital stakeholders plays a crucial role in the educational program evaluation. The constitutive role of specific environment in the early childhood education stress its importance. Previous research overview reveals that the dimensions of this complex concept are still in the process of development. The empirical part of the paper is based on 30 in-depth interviews with mothers of pre-school children living in Moscow. On the basis of narrative interviews the main characteristics of the parents' understanding the kindergarten educational space are developed. The way to develop a multi-dimensional scale from qualitative data is presented as another methodological outcome of the project.

Keywords: educational space, preschool education, social program evaluation, parents as subjects of education reform, construct validity, qualitative methods, scale development

**Enemy, enigma or amigo?:
the role of the attitudinal factor in the experience of foreign
employment of Ukrainian labour migrants**

Alisa Tostokorova

The paper sets out to analyze the migratory experience of Ukrainian guest workers abroad through the lens of attitudinal and gender parameters, which are being scrutinized in the context of both micro-practices and micro-dynamics of daily social interaction of Ukrainian «gastarbaiters» with the local population. The paper pursues a specific objective to identify ethnically stereotyped and gender biased attitudinal models, faced by Ukrainian labour migrants during their employment abroad, and to trace their impact on the quality of daily interaction with the population of hosting communities.

Key words: Ukrainian labour migration, attitude factor, ethnic stereotypes, gender stereotypes

The role of the entrepreneur's family in choosing a career path

Anastasia Poylova

The article is focused on the role of family as one of the main institutions of socialisation in the selection and implementation of the entrepreneurs' life trajectories. The analysis is presented using data from 16 biographical interviews with young entrepreneurs (18 to 30 years old). The paper emphasizes the role of family in choosing and realizing the informants' life strategies. The theoretical framework of the study is based on the results of the project «The Social Mobility Age in Russia». Research strategies proposed by V. Semenova, form the basis of the analysis of the life trajectories of young entrepreneurs. The study concludes that parents'

support promotes the adoption of the mobility strategy, characterized by frequent work changes and orientation towards work-related enjoyment. By contrast, informants choosing stability defend their own views in spite of weak family support.

Key words: family, entrepreneurship, life trajectories, the adaptation process, changing values, biographical choice, biographical interviews, the qualitative methodology

«Becoming beautiful» in women narratives

Elena Onegina, Polina Ostroukhova

The ideal of youth is propagated in the modern post-industrial society. In this context, the signs of aging are to stigma and criticism. This is largely a problem for women, since beauty is viewed as their core capital, and loss of it can result in serious social consequences. The paper examines changes in the meaning of beauty in the context of chronological age. The paper singles out the period of 30–35 years, as the age of transition between youth and early aging period. The paper focuses on the way women talk about themselves in this age period and the way they assess their attractiveness

Keywords: middle age, youth, idea of beauty, ageing, body.

Visual political irony in the Runet: case study of the «Potsreotizm» community

Anna Sanina

The article is devoted to the visual political irony, exemplified by the Russian Internet blogs. The subject of the research is the context, content and emotional background of political communication visual tools used in the «Potsreotizm» LiveJournal community which has been in existence for more than 10 years. Visual political irony is regarded as an outcome of the emotional evaluation of various events, expressed in «visual allegory». These specific metaphorical messages have the hidden meaning, easily interpreted by members of the Internet community. The research is based on the theory of irony and theory of visual analysis. We use qualitative methods to analyze the perception of power and public relations in the discursively active audience. Using an interpretative analysis of visual data, scenario analysis, a methodology for analyzing the situational irony, we assume that the visual political irony demonstrates the need for the social and political changes. The widespread visual forms of political irony are viewed as an emerging method of information transfer, designation of a social position and the formation of social boundaries.

Keywords: Russian political discourse, visual irony, new media, Internet community, Internet communication, visual analysis

Журнал можно приобрести в редакции или заказать по пересылке.

Адрес редакции:

117259 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Тел.: (499) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: rusica@isras.ru

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № 77-9679)

ISSN 2307-2075

Учредители:

Институт социологии РАН

Российское общество социологов

Над номером работали:

Выпускающий редактор *Александрина Ваньке*

Корректор *Виктория Камышан*

Оригинал-макет *Виталий Кудымов*

Подписано в печать 00.06.2015. Формат 70×100 ¹/₁₆.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная.

Тираж экз. Заказ № .